

ISSN 0131-677X

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

СОВЕТСКАЯ
ТЮРКОЛОГИЯ

La Turcologie soviétique
Soviet Turkology
Sowjetische Türkologie

3

БАКУ . 1990

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 3

МАЙ — ИЮНЬ

БАКУ — 1990

**ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
ACADEMY OF SCIENCES OF THE AZERBAIJAN SSR**

**СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ
LA TURCOLOGIE SOVIETIQUE
SOVIET TURKOLOGY
SOWJETISCHE TURKOLOGIE**

Редакционная коллегия: главный редактор Э. Р. Тенишев (Москва), зам. главного редактора С. Н. Иванов (Ленинград), первый зам. главного редактора А. М. Мамедов (Баку), зам. главного редактора К. М. Мусаев (Москва), И. Х. Ахматов (Нальчик), А. А. Ахундов (Баку), Р. Б. Бердибаев (Алма-Ата), Г. Ф. Благова (Москва), Н. З. Гаджиева (Москва), Э. А. Грунина (Москва), Е. З. Кажибеков (Алма-Ата), И. В. Кормушин (Москва), Л. С. Левитская (Москва), Т. Д. Меликов (Москва), Б. А. Набиев (Баку), В. А. Назаров (Ташкент), Е. А. Поцелуевский (Москва), К. К. Султанов (Москва), З. Г. Ураксин (Уфа), А. А. Чеченов (Москва), А. М. Щербак (Ленинград).

Ответственный секретарь

Н. Г. Наджафов

«Советская тюркология», 370143, Баку, пр. Нариманова, 31. Академгородок. Тел.: 39-24-57, 39-22-86.

Editorial board: editor-in-chief E. R. Tenishev (Moscow), assistant editor S. N. Ivanov (Leningrad), the first assistant editor A. M. Mamedov (Baku), assistant editor K. M. Musayev (Moscow), I. H. Akhmatov (Nalchik), A. A. Akhundov (Baku), R. B. Berdibayev (Alma-Ata), G. F. Blagova (Moscow), N. Z. Gadzhiyeva (Moscow), E. A. Grunina (Moscow), E. Z. Kazhibekov (Alma-Ata), I. V. Kormushin (Moscow), L. S. Levitskaya (Moscow), T. D. Melikov (Moscow), B. A. Nabiyev (Baku), V. A. Nazarov (Tashkent), J. A. Potseluyevsky (Moscow), K. K. Sultanov (Moscow), Z. G. Uraksin (Ufa), A. A. Chechenov (Moscow), A. M. Scherbak (Leningrad).

«Sovjetskaja tjurkologija», Akademiya nauk
Azerbajdzjanskoj SSR,
370143, Baku, prosp. Narimanova, 31.
Tel.: 39-24-57, 39-22-86.

The journal is published 6 times a year. Subscriptions should be sent to «Mezhdunarodnaya Kniga» (Moscow, Г-200). Annual subscription 6 roubles 60 kopeks.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Н. А. БАСКАКОВ

ПРИЧАСТИЕ НА -asy/-esi В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ И ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Причастная форма глагола на -asy~ -ahy~ -ууһу встречается в турецком, азербайджанском, башкирском и якутском языках. Эта форма служит основой спряжения настоящего-будущего времени должноства-тельного наклонения, напр.: тур. al-asy-jum 'я должен взять'; al-asy-san 'ты должен взять'; al-asy-dug 'он должен взять' и т. д.; азерб. al-asy-jam, al-asy-san, al-asy-dug и т. д.; башк. al-ahy-m bar, al-ahy-ŋ bar, al-ahy bar и т. д.; якут. ul-ууһу-бун, ul-ууһу-үүп, ul-ууһу и т. д. В других тюркских языках эта форма чаще представлена аффиксом -үүсу, но как спрягаемая основа — малопродуктивна.

Происхождение формы на -asy~ -ahy~ -ууһу тесно связано с происхождением формы условного наклонения. Обе формы имеют общий второй элемент, восходящий, в свою очередь, к самостоятельному глагольному корню sa-/sy- < saç- ~ сүү- 'желать, хотеть, думать, считать' и т. д.

Существуют различные гипотезы о происхождении формы на -asy/-esi. Одна из первых гипотез принадлежит В. Бангу, который возводил эту форму к сочетанию вспомогательного глагола a(1)- 'взять' с именем действия на -суq [1].

Ж. Дени предполагал, что форма на -asy/-esi происходит из сочетания причастия на -qaj/-qaj с аффиксом -sy > -qaj-sy > -a-sy [2. С. 396 (§ 620), 925, 932 (§ 1443)]. Гипотеза была принята советскими тюркологами [3; 4]. Г. Рамстедт соотносил эту форму с монгольским аффиксом -sy, образующим отглагольное имя, указывающее на возможность/невозможность его совершения [5. С. 130], а А. М. Щербак предполагает, что форма слагается из имени действия на -a и аффикса принадлежности 3-го лица -sy [6. С. 188].

Совершенно очевидно, что формант данной формы, имеющий варианты -asy~ -үүсу~ -ahy~ -ууһу, представляет собой результат длительного процесса морфологического развития.

Как показывают словообразовательные модели, содержащие те же элементы, как и форма на -asy/-esi ~ -үүсу/-gisi, возможно приведение ее к следующему относительно более древнему архетипу, состоящему из двух основных элементов: 1) -уу/-ig ~ -үү/-gi (> -uw/-üw ~ -aa/-ee > -a/-e) + 2) -sy/-si; т. е. первого — восходящего к масдару на -үү/-gi ~ -үү/-ig (> -uw/-üw > -u/-ü > -y/-i ~ -a/-e), который, возможно, является генетически общим с формой причастия будущего (желательного) времени на -qaj ~ -qaj (> -үү ~ -a), как предполагал Ж. Дени, и второго — древнего причастия на -суq, восходящего к вспомогательному глаголу

-суу < сау- 'думать, считать, хотеть, желать', образующему с аффиксом -уу сначала результат действия, а затем причастие (сау-уу > суу), т. е. к сложной аналитической глагольной основе, состоящей из следующих элементов: 1) основного глагола V; 2) аффикса -а (в других языках -уу (< -уaj)); 3) аффикса -су (< -суу, вспомогательный глагол сау- > -суу- с аффиксом -уу).

Элемент -су без восстановленного причастного окончания -q, восходящий к вспомогательному глаголу сау-, весьма продуктивен в системе словообразования всех тюркских языков. Характерно, что как в глагольном, так и в именном словообразовании элемент -су сохраняет последовательно свое как отвлеченное грамматическое, так и связанное с ним реальное значение.

Основное свойство этого словообразовательного элемента заключается в том, что он, равно как и его вариант -са, восходя к глаголу сау-, присоединялся либо к имени, либо к субстантивной форме глагола.

Элемент -су/-си сохраняет значение глагольной основы сау- и в современных языках, служа средством образования глагола от имени, напр.: šešen 'оратор' — šešen-si- (< šešen сау-) 'походить на оратора <хотеть желать быть оратором, считать себя оратором'; новоуйгур. adam 'человек' — adam-si- (< adam сау-) 'считать себя человеком'.

То же значение элемента -су/-си (< сау-) сохраняется и во всех сложных моделях словообразования; ср., напр.: каракалп. kem 'мало' — kem-si- (< kem сау-) 'считать малым' — kem-si-t- (< kem-сау-yt-) 'умалить, унижать'; аwurf 'тяжелый' — аwurf-су- (< аwurf сау-) 'считать тяжелым' — аwurf-су-п (< аwurf-сау-уп-) 'тяготиться, считать для себя тяжелым'; новоуйгур. arzan 'дешевый' — arzan-су- (< arzan-сау-) 'считать дешевым' — arzan-су-п (< arzan сау-уп-) 'считаться дешевым'; алт. uluq 'великий' — uluq-су (< uluq сау-) 'считать великим' — uluq-су-п (< uluq сау-уп-) 'считать себя, считаться великим'; bala 'ребенок' — bala-зу-п (< bala сау-уп-) 'считать себя, считаться ребенком'.

То же значение имеет элемент -су в причастии на -syn/-sin ~ -sun/ /-sün, выступающем в большинстве тюркских языков в функции формы повелительно-побудительного наклонения 3-го лица; ср., напр.: каракалп. kel-sin 'пусть он придет', al-sun 'пусть он возьмет'. Если основа аwurf-сун- 'тяготиться, считать для себя тяжелым', имея, по существу, фонетически тот же состав аффиксов, восходит к аналитическому сочетанию аwurf s(ау)уп-, т. е. состоит из имени аwurf 'тяжелый', основы глагола сау- 'думать, считать, хотеть, желать' и аффикса возвратного залога -уп, то основа — al-сун 'пусть он возьмет' — восходит к сочетанию al(-уу) s(ау-у)уп, т. е. состоит из основного глагола al- 'брать, взять', исторически редуцированного аффикса масдара -уу, вспомогательного глагола сау- 'думать, желать' и причастного аффикса -ууп, встречающегося в формах типа иц-қип 'тот, кто постоянно летает', al-ууп 'тот кто постоянно берет, хватает'. Форма al(-уу)s(ау-у)уп, таким образом, соответствует значению 'тот, кто хочет, кто стремится взять' > пусть возьмет'.

С тем же значением элемент -су/-си (< са-у) выступает в сочетании с аффиксами в различных производных формах глагола: ср., например, в каракалпакском языке:

1) в деепричастной форме на -ур/-ір, -р: ol buny kömgegen-sip ketti 'он ушел, точно этого и не видел' (букв.: 'он ушел, считая (думая) не видевшим это'), где форма на -сі-р (от причастия на -уап/-ген основного глагола) восходит к деепричастию вспомогательного глагола сау-ур 'считая, думая';

2) в причастной форме на -уап/-ген: sora-уап-су-уап köz-qaras

'вопросительный взгляд' (букв.: 'спрашивавшим считавшийся взгляд'), где форма на -*sy-yaп/-si-geп* от причастия на -*yaп/-geп* основного глагола восходит к причастию также на -*yaп/-geп* вспомогательного глагола *saу-yaп* 'считавшийся';

3) в масдарной форме на -*таq/-mek*: *таj-sy-таq* 'маслообразный', *tolqun-sy-таq* 'волнообразный', где сочетание -*sy-таq* восходит к масдарной форме вспомогательного глагола *saу-таq*;

4) в глагольной форме, образующейся от глагола <*saу-га-: kül-im-si-re-* (<*kül-im saу-га-*) 'улыбаться, делать вид, что смеешься' (букв.: 'считать за смех'), *džylam-sy-га-* (<*džylam saу-га-*) 'хныкать, делать вид, что плачешь' (букв.: 'считать за плач');

5) в причастной форме на -*туš/-miš*; ср.: древнетюрк. *qaуap-суга-туš* 'считать себя ханом' [7]; *äl-si-rä-miš* 'считать себя отдельным племенным союзом' [7].

Элемент -*sy/-si* (<*saу-*) сохраняет свое основное значение и в именах, производных от глагола, образовавшихся посредством этого элемента; ср., напр., каракалп.:

-*sy-n/-si-n* — сложный аффикс, состоящий из -*sy/-si* + аффикс -*n*, -*yn/-in* < -*yn*, образующий пассивный результат действия, объект действия: *suw* 'вода' — *suw-sy-~suw-sa-* 'жаждать' — *suw-sy-n* (<*suw-saу-yn*) 'напиток' (букв.: 'то, к чему стремится жаждущий'); *tür* 'вид' — *tür-si-* 'стремиться к тому или иному виду' — *tür-si-n* (<*tür saу-yn*) 'тот, кто стремится к данному виду, похожий';

-*sy-z/-si-z*, состоящий из -*sy/-si* + аффикс -*z*, -*yz/-iz* < -*yz*, образующий активный результат действия — орудие или субъект действия: *suw* 'вода' — *suw-syz* (<*suw saу-yz*) 'безводный' ('то/тот, что/кто хочет, желает воды, безводный, не имеющий воды'); *at* 'лошадь' — *at-sy-z* (<*at saу-yz*) 'безлошадный' (букв.: 'тот, кто хочет [иметь] лошадь');

-*syq/-sik*, состоящий из элемента -*sy/-si* ~ -*sa/-se* + аффикс -*q/-k* ~ ~ -*aq/-ek* ~ -*yaq/-gek*, образующий результат действия или название предмета или лица, обладающего стремлением или желанием: *bawug* 'печень, сердце' — *bawug-sa-q* (<*bawug saу-aq*) 'печень' ('то, что приятно сердцу'); алт. *aḡ* 'зверь' — *aḡ-za-q* 'любящий охотиться'; *suw* 'вода' — *suw-za-q* (<*suw-saу-aq*) 'жаждущий'; *uḡqu* 'сон' — *uḡqu-za-q* (<*uḡqu saу-aq*) 'соня, любящий поспать'.

Аффикс -*sa-q/-se-k* и его вариант -*sy-q/-si-k*, присоединяясь к субстантивным функциональным формам глагола (масдарам) на -*yу/-ig* ~ ~ -*yу/-gi*, образует причастия с тем же значением: 'стремление, желание совершить соответствующее действие'; ср., напр.: древнетюрк. *ol berü kel-ig-se-k* (<*kel-ig-saу-aq*) *erdi* 'он хотел прийти сюда' (МК, III, 55(T)); *ol anu sat-yу-sa-q* 'он хочет его продать' (МК, II, 297 (T)). В некоторых современных тюркских языках данная форма встречается в фонетически редуцированном виде: -*asy/-esi* (-*yу/-ig* > -*a/-e* + -*sy/-si* < -*syq/-sik*). Этот аффикс образует те же причастия и атрибутивные имена с семантикой долженствования и свойства, связанного с понятием производящей основы; ср., напр.: каракалп. *kel-e-si* [<*kel-ig* (~ -*gi*)-*si*(*k*)] 'следующий, грядущий, долженствующий прийти, то, что должно прийти', *öl-e-si* [<*öl-ig* (~ -*gi*)-*si*(*k*)] 'смертный, долженствующий умереть, то, что должно умереть'.

Данная форма и лежит в основе долженствующего, или необходимого, наклонения, например, в азербайджанском языке: *g'ör-ä-si-m g'älir* 'я хочу, мне хочется видеть' и т. п.

Параллельной формой с тем же значением служит форма на -*yу/-si/-gi-si*; ср., напр.: каракалп. *al-yу-sy* 'то, что хочется взять, то, что должен взять', а также форма, сокращенная на -*yу(-sy)/-gi(-si)*; ср., напр.:

al-yu-m bag 'мне хочется взять, я хочу взять' (букв.: 'то мое, что хочется взять, есть'), но: al-yu-sy bag 'ему хочется взять' (букв.: 'то его, что хочется взять, есть'). Все эти формы были первоначально более сложными: al-yu(say-yu)-m, al-yu-(say-yu)-sy, которые в процессе морфологического развития соответствующим образом фонетически редуцировались.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bang W.* Studien zur vergleichenden Grammatik der Türksprachen. I//SPAW. Berlin, 1916. XXII.
2. *Deny J.* Grammaire de la langue turque. Paris, 1921.
3. *Рагимов М. Ш.* История формирования наклонения глагола в азербайджанском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Баку, 1966 (со ссылкой на: Kılıçoğlu V. Türk gramerinde yeni araştırmalar. С. 659).
4. *Боржаков А.* Имя действия на -асы/-еси в туркменском языке//Изв. АН ТССР. 1970. № 1.
5. *Рамstedt Г. И.* Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
6. *Щербак А. М.* Формы желательного наклонения в тюркских языках//Turcologica. Л., 1976.
7. *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge. Spb., 1899.

ФОЛЬКЛОР. ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА

Н. Е. ПЕТРОВ

ХОРОВОДНЫЕ ПЕСНИ ОСУОХАЙ КАК ЖАНР ЯКУТСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Слово *осуокай* [1] в современном якутском литературном языке употребляется как термин, обозначающий якутский национальный круговой танец, который включает в себя также вокальное и поэтическое начала. Поэтому данным словом (наряду с термином *ункуу тыла* 'слово танца') обозначают и песни-импровизации, возникающие в процессе этого хороводного танца. Само слово *осуокай* своим происхождением обязано глаголу *ыс* 'брызгать', от которого образовано и слово *ыһыах* 'жертвенное кропление, кумысный праздник'.

Механизм возникновения слова *ыһыах* можно представить себе следующим образом. Обряд *ыһыах ыһыы* совершался в честь Солнца, богов и духов, каждому из которых посвящалось моление, сопровождавшееся разбрызгиванием кумыса — в сторону огня или вверх, в сторону Солнца. При этом участники обряда хором восклицали: *ыһыах, ыһыах ыһыахайын* 'давайте кропить, брызгать', сопровождая выкрики ритуальными движениями. Из этих коллективных движений-поклонов постепенно возник круговой танец — ритмическое сопровождение пения семисложных стихов. Об этом свидетельствует происхождение имени существительного *ункуу* 'танец' от глагола *унк* 'молиться, поклониться' (ср.: *тарт—тардыы, кэрт—кэрдии, тынк(зын)* — *Тынкыы* — прозвище). Кроме древнего слова *ункуу* 'танец', первоначально обозначавшего «поклонение, моление», известно также слово *битии* 'пляска', происходящее от глагола *битий* 'приплясывать'. *Битии* является параллелью тюркского *би (бий)* 'танец', но самостоятельно не употребляется, а встречается в составе парного слова *ункуу-битии* 'танец и пляска'.

Стихотворная строка *Ыһыах, ыһыах ыһыахайын* в соответствии с законами якутского народного стихосложения породила свои ритмико-синтаксические параллели: *Эһиэх, эһиэх эһиэхэйин* (от глагола *эс* 'откидывать'—синоним глагола *ыс*), *Оһуох, оһуох оһуохайын*. Затем эти словесные формулы утратили последний слог. В результате образовались семисложные стихи:

Ыһыах ыһыах ыһыахай,
Эһиэх эһиэх эһиэхэй,
Оһуох оһуох оһуохай,

из которых, в свою очередь, выделилось семисложное двустишие — *Эһиэк эһиэк эһиэкэй, Оһуок оһуок оһуокэй*, ставшее своеобразным зачином и припевом песен осуохая. Как справедливо утверждает Г. М. Ва-

сильев, оно «определяет и как бы контролирует стихотворный ритм, лад и меру всей песни, которая сопровождает танец» [2. С. 49].

Как видим, данное двустипие-рефрен, включающее в себя слово *осуохай* в качестве обозначения кругового танца, исполнявшегося по ходу его песен, возникло благодаря ритмико-синтаксическому параллелизму, восходящему к повтору магических слов при заклинаниях. Об этом свидетельствует исконно якутская лексика, обозначающая стихосложение. Так, слова *хохуй* 'воспевать, слагать стихи', *хохуйуу* 'поэтическое описание', *хохоон* 'стих, стихотворение', *хохоонньут* 'стихотворец, поэт' восходят к слову *хос* 'повтор, вторично, двойной' (любопытной представляется параллель из греческого языка, в котором *stichos* означает «ряд, строй, порядок»). Эти слова позволяют лучше уяснить механизм возникновения и развития народной поэзии у якутов и родственных им народов и довольно точно отражают сущность ритмико-синтаксического параллелизма, являющегося основой фольклорного стихосложения тюркских и других народов. Лексика эта, вероятно, относится к древнему пласту якутского языка. Об этом в известной мере свидетельствует то, что слова *хош* 1) 'пара', 2) 'слагать стихи', *хошуб* 'стихотворение, поэма' встречаются в древнетюркской литературе, в частности в ранних уйгурских текстах и словаре Махмуда Кашгарского [3. С. 460].

К сожалению, в фольклористике уделяют недостаточное внимание анализу первоначального смысла фольклорных канонических формул, устойчивых выражений, терминов и названий жанров устного народного творчества, хотя осмысление языкового материала как раз позволяет пролить свет на многие спорные вопросы.

Рефрен *Эһиз-эһиз эһизкэй, Оһуо-оһуо оһуокай* определил стиховой размер песен, сопровождавших круговой танец осуохай. Это силлабический семисложник, основанный на повторении аналогичных по конструкции и близких по смыслу единиц стиха, скрепленных аллитерацией (вертикальной и горизонтальной) и созвучием одинаковых грамматических форм, конечных слов строки. Силлабический семисложник, по мнению специалистов, в том числе таких крупнейших исследователей народной поэзии, как академики Ф. Е. Корш и В. М. Жирмунский, является древнейшей и распространенной формой стиха у тюрков и монголов. Эти красочные поэтические импровизации, сопровождающие круговой танец (нередко они достигают размеров большого стихотворения или даже поэмы), в якутской фольклористике не выделяют в особый жанр, а рассматривают в составе песен или алгысов. Даже Г. М. Васильев, впервые давший четкую и емкую характеристику сопровождающим хороводный танец песням, не счел возможным выделить их в особый жанр. На наш взгляд, сделать это было бы целесообразно, хотя следует отметить, что сами критерии классификации и выделения фольклорных жанров пока не определены с достаточной четкостью. Выдающийся советский фольклорист В. Я. Пропп понимает жанр как «совокупность произведений, объединенных общностью поэтической системы, бытового назначения, форм исполнения и музыкального строя» [4. С. 46]. Думается, что также нужно учитывать и особенности происхождения жанра и специфический круг тем, наиболее характерных для данного жанра.

Рассмотрим вопрос о происхождении песен, сопровождающих хороводный танец осуохай. Эти песни восходят к коротким алгысам, исполнявшимся коллективно, особенно во время обрядов с жертвенным кроплением. Этот обряд постепенно превратился в народный праздник молочного изобилия скотоводов-солнцепоклонников, а с введением лун-

ного календаря он стал и новогодним праздником. На этом главном празднике предков якутов наряду с алгысами-молениями исполнялись также коллективные алгысы-благопожелания и гимны в честь верховного божества Урун Айыы Тойон и его помощников Айыыһыт, Дьёһөгөй, Иэй—Иэйиэхсит, богини-хозяйки Земли Аан Алахчын и других персонажей якутского мифологического пантеона. Эти алгысы-благопожелания исполнялись на плясовой мотив и служили музыкальным сопровождением ритуальных хороводных танцев. Они приняли устойчивую форму силлабического семисложника и обособились от других песен и алгысов, исполнявшихся в протяжной манере. Сами же протяжные песни традиционного содержания, в свою очередь, также восходят к алгысам различного толка. Они, как утверждал Г. М. Васильев, «постепенно отрываясь от обряда ... превратились и развились в обычные песни, исполняемые любым человеком. Таковы, например, „Песня Баяная“, „Песня кумыкского праздника“, „Песня Грома“, „Песня про Джесегей“, „Песня про Иэйиэхсит“. Часть песен обрядового происхождения вошла в состав „Песен о временах года“» [5. С. 65].

Таким образом, из алгысов религиозного содержания параллельно возникли, так сказать, светские песни-үҥкүү тыла и песни-тойуки, отличающиеся друг от друга своей формой, назначением и местом исполнения. С алгысами их роднила некоторая традиционная тематическая общность, отражающая их генетическую связь с мифологией. Дело в том, что первоначально песни исполнялись по ритуальному заказу, в связи с теми или иными действиями обрядового характера. Именно религиозно-магические обряды, имевшие целью активное воздействие на силы природы, оказались кузницей песенного творчества, стихотворной речи.

В фольклористике алгысы и песни определенно считаются разными жанрами, хотя они различаются только своим назначением, а следовательно, и обстановкой, в которой они исполняются, и самим характером исполнения. Впрочем, манера исполнения также может быть сходной: если алгысы представляют «собой монолог, произносимый в торжественном тоне, или песнопение» [6. С. 163], то тексты песен также могли произносить, декламировать. Таким образом, назначение, обстановка и характер исполнения оказались существенными признаками для того, чтобы выделить песни, в качестве особого жанра, из состава алгысов. Но эти же признаки позволяют нам счесть самостоятельным жанром якутского фольклора и поэтические импровизации осуохай, также ведущие свое происхождение от обрядовых алгысов, сопровождавшихся ритуальными танцами.

Хороводные песни осуохай возникли в глубокой древности в связи с развитием обряда *ыһыах ыс*, ставшего новогодним праздником. Под названием *сачыб сач* (в современном якутском языке оно произносится как *ыһыы ыс* или *ыһыах ыс*) этот обряд фигурирует в ранних переводах буддийской литературы на уйгурский язык. Предки известных в Европе воинственных гуннов — хунну — в III в. до н. э., когда они жили на территории современной Монголии, свой главный праздник справляли на рубеже месяцев май и июнь [7. С. 92]. Думается, что этот праздник хунну был именно ыһыах — праздник молочного изобилия по случаю наступления Нового года по тринадцатимесячному лунному календарю. Эта традиция сохранилась и у якутов в виде проведения кумысного праздника ыһыах, отмечаемого в двадцатых числах июня, когда наступают самые длинные дни и самые короткие ночи. Разница во времени проведения хуннского и якутского ыһыахов, вероятно, вызвана климатическими условиями. Между прочим, в те же сроки, что и главный

праздник хунну, проводились малые ысыахи и у якутов. Один из них, устроенный 31 мая 1737 г. на территории нынешнего Орджоникидзевского района, был описан И. Гмелиным, Г. Миллером, И. Линденау [6. С. 157]. Как показывают языковой материал и фольклорные данные, предки якутов находились в родстве с хунну. Так, в олонхо якуты себя называют *күн улуустара*, т. е. 'людьми солнца'; древняя же форма данного словосочетания — *күн улу*, где *күн* 'солнце', *ул* 'народ' (с архаичским притяжательным аффиксом *-у*). Можно со значительной долей уверенности полагать, что словосочетание *күн улу* идентично этнониму хунну, зафиксированному в китайских источниках.

Из сказанного видно, что кумысный праздник ысыах возник в глубокой древности, а с ним вместе появился осуохай — как особый синкретический жанр фольклора, отразивший ликование народа по случаю новогоднего праздника. Песни, сопровождавшие этот круговой танец, являвшийся «существенной составной частью всех религиозных торжеств» [8. С. 93], первоначально были тойуками лироэпического характера, в честь богов и духов. Они представляли собой неравносложные стихи, которые пелись на мотив дьэирэтии ырыа. Эти тойуки были вытеснены из состава хороводных песен песнями, текст которых обрел форму силлабического семисложника, но продолжили исполняться во время ысыаха. Г. У. Эргис отмечает, что «кроме таких общих песен круговых танцев (*үнкүү ырыата*), на ысыахе пели еще и специальные песни *түһүмэллээх ырыалар*, посвященные, например, Үрүн Айыы Тойону, Дьегегею и Сир иччитэ — духу-хозяину Земли» [6. С. 165].

К особому жанру якутского фольклора следует отнести современные поэтические импровизации, сопутствующие круговому танцу осуохай. Они занимают в системе якутского фольклора видное место после олонхо. Недаром Г. М. Васильев подчеркивал, что «сам С. А. Зверев, крупнейший знаток и мастер-исполнитель, прямой наследник большой песенной культуры вилюйского танца „ехаря“, прав, когда говорит, что богатство тем и мотивов песен „осуохай“ неисчерпаемо и бесконечно так же, как олонхо» [5. С. 207].

Осуохай, возникший на почве древних обрядовых алгысов, вероятно, старше олонхо, в которых отразились этнические и государственные контакты, устанавливавшиеся в том числе и путем бракосочетаний, которые в былые времена, особенно на Востоке, использовались как орудие государственной политики, как подкрепление той или иной политической и военной акции.

Однако осуохай — жанр вечно молодой, развивающийся, идущий в ногу с жизнью, по сей день любимый народом. Аудитория ждет от исполнителя не только традиционных тем и сюжетов, но и откликов на злобу дня. Неслучайно знаменитый певец Ырдьян Дьаакып (Таба уола Дьаакып—Я. С. Васильев) так учил талантливому исполнителю вилюйчанина С. А. Зверева: «Всегда и непременно надо петь, глядя на публику. Выступая на танцах „осуохай“, смотри, какие люди собираются в кругу и, сочиняя песни, учитывай их настроение, интересы и реакцию. Обязательно придумай что-нибудь свежее, злободневное. Только этим привлечешь внимание публики в данный момент» [5. С. 212—213].

Песни осуохай имеют характерный для них круг тем. Традиционная тематика хороводных песенных импровизаций — это, прежде всего, прославление деятельности небесных божеств и земных духов, покровительствующих якуту. Таким образом, возникали целые лироэпические поэмы, отражавшие мифологические и космогонические понятия древних якутов. Они во многом напоминают «Песню о мироздании», но

только имеют семисложный стихотворный строй. Однако эта тематика сейчас забыта.

Далее, среди песен, сопровождающих круговой танец, традиционно и по сей день видное место занимают семисложные импровизации, воспевающие пробуждение природы, всеобщую радость и молочное изобилие, смену времен года, подготовку и организацию ысыаха. С возникновением классового общества песни осуохай обогатились социальными мотивами, нередко в них высмеивались представители эксплуататорских классов. Этот мотив бескомпромиссно усилился в годы гражданской войны, что нашло свое отражение в творчестве талантливых якутских писателей Эрилик Эристина, Амма Аччыгыя, Леонида Попова и др.

В целом хороводные песни изменялись вместе со временем. Устойчивой оставалась их формальная структура, но темы, мотивы, идеи, образы претерпевали трансформацию, вбирали в себя события бурной эпохи, столь значительно повлиявшей на традиционные формы жизни якутов.

Хорошее представление о тематическом репертуаре песен осуохай, как и вообще о развитии этого своеобразного жанра якутского фольклора, дает творчество знаменитого запевалы, народного певца Сергея Зверева. В сборниках его произведений содержится немало хороводных песен, отчетливо выделяющихся своими формальными особенностями. Это, как правило, семисложные стихи без строфического деления, наличие рефрена типа *эһиэкэйдиир эһиэкэй, оһуокайдыыр оһуокай*; кроме того, песни буквально пестрят слоговыравнивающими приемами в виде дополнительных уменьшительных и иных аффиксов, а также пустых слогов или служебных слов, употребляемых только ради получения семисложных строк.

Эти поэтические импровизации в структурном отношении также в основном отличны от обычных песен, или тойуков. В их вступительной части после рефрена следует призыв-просьба к собравшимся образовать круг и начать танец осуохай; в основной части развивается тема импровизации, нередко перерастающей в целую сюжетную поэму, легко усваивающую любые вставные мотивы; характерны для хороводных песен также лирические отступления, направленные на усиление контакта запевалы с танцующими; заключительная же часть песни содержит благопожелания или здравицу. Данная структура импровизаций тесно связана с формой исполнения, в частности с музыкальным строем напева и ритмом танца. Люди берутся за руки, образуя круг, называемый тусюлгэ, запевала водит хоровод по направлению движения солнца, медленно раскачиваясь всем корпусом то назад, то вперед, в такт протяжного пения, затем запевала и весь хоровод переходят в хаамы үңкүү, причем темп убыстряется, сообразуясь с пением на плясовой мотив. Эта основная часть хороводного танца может длиться долго, иногда целый час или даже несколько часов. Заключительная часть хоровода представляет собой коллективную пляску в еще более убыстренном темпе.

Музыкальное исполнение песен хоровода осуохай отличается от исполнения песен, или тойуков. Уже вступительное протяжное пение (каждая музыкальная фраза подхватывается хором) по своему музыкальному рисунку несходно с исполняемыми на мотив дьиэрэтин ырыа тойуками. И в дальнейшем запевала песен осуохай поет семисложные стихи в манере дэгрэн ырыа (плясовой песни)—также по одной музыкальной фразе, чтобы танцующие подхватили ее хором.

Все эти особенности хороводных песенных импровизаций, назы-

ваемых также «словом танца» (үнкүү тыла), красноречиво свидетельствуют в пользу обособления песен осуохай в особый жанр якутского фольклора. Развитие этого жанра и жанра песни шло параллельно, при этом осуохай постоянно обогащал жанр песни текстами типа «Ат ырыата» («Песня коня»), «Кыталык» («Стерх»), «Быттык-Быттык Марыя», «Талба-Талба Татыяна» и мн. др. Мелодии их, как и целого ряда других якутских песен, представляют собой различные вариации песенных мотивов осуохая.

Включение песен осуохай в жанр алгысов обрядовой поэзии в капитальном труде Г. У. Эргиса «Очерки по якутскому фольклору» [6. С. 153—166] основано лишь на учете особенностей начальной стадии развития данного жанра. Причиной тому послужила неизученность поэтики вилюйского осуохая.

В фольклоре центральных районов Якутии, который занимает основное место в корпусе публикаций устного творчества якутов, этот жанр представлен в основном короткими стихами агитационного содержания и песнями типа вышеупомянутых («Ат ырыата» и др. [9—12]). Это, с одной стороны, отражает затухание осуохая в XIX в. в центральных районах Якутии в связи с наметившимся разложением традиционных форм жизни и исконной религии; так, на кумысных праздниках мужчины уже не столько участвовали в хороводах, сколько предавались пьянству, картежной игре или азартным спортивным соревнованиям, превращаемым в источник наживы для богатых и купцов. С другой стороны, никто из фольклористов специально еще не занимался сбором и публикацией хороводных песен, хотя осуохай после революции и вплоть до 60-х годов был широко представлен в центральной Якутии, а в последнее время он интенсивно возрождается в столице и прилегающих к ней районах республики.

Осуохай в своем классическом виде на протяжении многих столетий сохраняется у якутов, живущих по берегам р. Вилюй. Записи хороводных песен вилюйчан первыми фольклористами делались в домашних условиях, что, конечно, не давало ожидаемых результатов. Лишь в последние годы записи хороводных песен (на магнитную пленку) стали осуществляться именно в процессе танца в естественных условиях, когда запевала и вправду испытывал вдохновение и импровизировал. Среди немногочисленных публикаций фольклорных текстов вилюйчан заслуживает некоторого внимания небольшой сборник под названием «Сунтаардар ыллыыллар» («Поют сунтарцы»), составленный фольклористом П. Н. Поповым на основе материалов III слета районного объединения любителей народной песни [13]. Из 20-ти произведений, включенных в книгу, 13 являются хороводными песнями. Данное соотношение довольно точно отражает и поныне преобладающее место в фольклоре вилюйчан хороводных песен. В старину все знаменитые вилюйские народные сказители прежде всего были запевалами осуохая, и, естественно, в их творчестве центральное место принадлежало хороводным песням. Об этом свидетельствует, например, состав «Избранного» талантливого народного певца, вилюйчанина С. А. Зверева [14]. В эту книгу из обширного репертуара его хороводных песен включены «Кийит сүктэн кэлиитэ» («Переезд невестки в дом мужа»), «Саха дьоно» («Якуты») и целый ряд других произведений. Приведем фрагмент песни, сопровождавшей хоровод, который устраивался по случаю переезда якутов на летнее местожительство (летник) [15].

Сага сайылык үнкүүтэ
(ХОРОВОД НА НОВОМ ЛЕТНИКЕ)

Туруу дойду оройун
Тунабынан тупсарган,

Тунуй эбир ыһабын
Туруоруохпут буоллаҕа!
Ыраах, чугас ыаллары

Ыһабынан ыгыран,
Үнкүүһүппүт үөдүйүө,
Дьорбоно сотолоох дьорбоһуо,
Дьоллоох ыччат тиксиһиэ,
Үйэлэрбит үтүтүн

Түһүлгэни тегүрүтэн
Өрегейдеех тылыннан

Эбэрдэлээн кэпсэтэн

Эһиэкэйдээн биэриэхпит!
Күтүр дылы туораабыт,

Күөхтүүр окко үктэммит
Оттох сүөһү тупсуоҕа,

Чурус куннаах улаатыа,

Буомту унуохтаах мунутоо.
Буобуралыыр кыыл курдук,
Бухар хара кунаным
Доботторун чохчолуо.
Айаатаахтаан айдааран,
Аан дойдубун сатарытыа.
Туоһахтааах сүүстээхий,
Оруктаахый сизэлээхий,
Дьубалаахый кутуруктаах
Манан атыр соһоһо

Үөрүн мунһан тырылайдыа.
Кулуннары хойуннарыа.
Ача күөхпүт арыллыа,
Тунаар быһан туругуруо.

Эһиэлэрдээх алааспар
Сэһиэһинэй бурдукпут
Тэтэрээхтин долгуйуо,
Уһун куйаар буолаҕа
Оруос бурдук уһаахтаан
Уһаараахты күлүмнүө.
Модун тимир кунаным
Буору тэлэн бурбайан,
Дьуукун балык холобурдаах
Дьулуугуруу күүрээхтээн,

На средоточии родной земли,
Что белой благодатью
окроплено,

Щедрый молочный ысыах
Соберем-устроим друзья!
Когда дальних и близких
соседей

Мы на наш ысыах созовем,
То ряды танцоров умножатся,
Стройноногие в круг соберутся,
Счастливая молодежь
встретится,

Тогда славный век свой
Мы хороводными песнями
Славословить-прославлять
станем,

Приветственными речами-
песнями

В веселом эсеһае закружимся!
Грозную зиму

перезимовавшая,
На зеленую траву ступившая
Худосочная скотина
окружится,

Сухожилая скотина
раздобрееет,

Низкорослая скотина вырастет.
Похожий на зверя-бобра
Черношерстный бычок
Подружек своих соберет
И громким ревом своим
Огласит всю окрестность.
Пышной гривой трясая,
Широкою спину выгнув,
Густой хвост приподняв,
Беломастный молодой
жеребец,

Громко ржа, табуны соберет,
Резвых жеребят умножит.
Яркая зелень расстелется,
Буйное цветенье

заблагоухает,
На аласах с пригорками
Колосистая пшеница
Желтым морем заволнуется,
На обширных пашнях
Густая рожь поднимется,
Золотыми колосьями блестя.
Могучий железный вол
Землю взроет-взрыхлит
И, как рыба в воде,
Пройдет плавно и быстро,

Дьурулачы охсуллуо.
 Барба тимир хотуурум,
 Баара акка тардыллан,
 Аанныр дойду арбаһын
 Ача күөбун астыаба,
 Көнгүл үйэ көбүнэн
 Күүстээх үлэ күргүмэ,
 Керүлээхтин тардыллан,
 Күөх быяаны хотуруо.
 Холбоһуктаах үлэбит
 Тохтообокко дьулуруйуо,
 Кэлэктииптээх кэскилбит
 Кэхтибэккэ ньиргийиэ.
 Убай улуу нууччалар
 Уһуһаахтаан таһаарбыт
 Улуу суолларын устунан,
 Уолбат быяаны олохтоон,
 Уһун үйэбэ туругуруохпут.

Устремляясь вперед дальше.
 Могучая железная косилка,
 Которую пара лошадей тащит,
 С заливка матушки-земли
 Зеленый покров срежет.
 По велению нового века
 Могучая работа развернется,
 Веселая работа закипит,
 Обильный урожай соберется.
 Объединенное усилие наше
 Все преграды сметет.
 Об общем нашем счастье
 Слава загремит неустанно.
 Великие русские братья
 Широкою дорогу проложили—
 Мы пойдем по ней, жизнь
 строя,
 Неубывающее благо умножая,
 На долгие века торжествуя.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ По-русски его принято писать осуохай, а слово *ыһых* обычно передается как *ысыях*.

² Васильев Г. М. Якутское стихосложение. Якутск, 1965.

³ Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969.

⁴ Пропп В. Я. Фольклор и действительность // Избранные статьи. М.: Наука, 1976.

⁵ Васильев Г. М. Живой родник: Об устной поэзии якутов. Якутск, 1973.

⁶ Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974.

⁷ Гоголев А. И. Историческая этнография якутов. Якутск, 1986.

⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21.

⁹ Якутские народные песни. Якутск, 1976. Ч. 1.

¹⁰ Якутские народные песни. Якутск, 1977. Ч. 2.

¹¹ Якутские народные песни. Якутск. 1980. Ч. 3.

¹² Якутские народные песни. Якутск. 1983. Ч. 4.

¹³ Сунтаардар ыллыыллар (Поют сунтары). Якутск, 1963.

¹⁴ Зверев С. А. Аман өс (Заветное слово). Якутск, 1971.

¹⁵ В книге избранных произведений С. А. Зверева «Аман өс» песня опубликована под названием «Холбоһук хоһооно» («Хороводная объединения»); запись же, сделанная со слов С. А. Зверева в мае 1947 г., озаглавлена иначе — «Саҥа сайылык үгкүүтэ» («Хоровод на новом летнике»). Под этим названием песня была опубликована на якутском языке и в русском переводе в академическом издании якутских народных песен [11. С. 124—131].

Н. МЕХТИЕВ

СТРУКТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ НЕКОТОРЫХ ЯВЛЕНИЙ СРЕДНЕВЕКОВОГО АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ИСКУССТВА

Средневековое азербайджанское искусство на некоторых своих уровнях является достаточно проницаемым для структурно-семиотического метода исследования. В этой статье нам хотелось бы продемонстрировать правомерность данного утверждения.

В художественном тексте структурный метод стремится выявить набор двоичных противопоставлений. К процедурам, с помощью которых структурно анализируются эти оппозиции, можно отнести поиск дифференциальных признаков. В результате каждый член двоичного противопоставления наделяется той или иной характеристикой в зависимости от того, какие дифференциальные признаки реализованы в нем. К примеру, в классической азербайджанской любовной поэзии противопоставление «не влюбленный — влюбленный» [1] имеет конструктивную функцию. Автором любовного стихотворения (а в дальнейшем и поэтического произведения как такового) не может быть человек, не испытывавший любви и тоски по возлюбленной.

Бинарная оппозиция «не влюбленный — влюбленный» характеризуется следующими дифференциальными признаками:

- «заурядность — необыкновенность»;
- «уравновешенность — одержимость»;
- «согласие с окружающими — разлад с окружающими»;
- «благочестивый — нечестивый» [3].

Нетрудно заметить, что левые члены этих противопоставлений, образуя пучок дифференциальных признаков, характеризуют «не влюбленного», тогда как «влюбленный» обозначается правыми членами оппозиций.

Структурное описание противопоставлений предполагает различение базисных и маркированных признаков. Базисные признаки являются нейтральными, «нулевыми», маркированные же означают выделенность, выход за пределы нейтрального состояния. С этой точки зрения дифференциальные признаки «не влюбленного» будут базисными, они характеризуют «нормального человека» (здравомыслящего, но также и заурядного). Образ «влюбленного» в классической поэзии целиком опирается на маркированные признаки. Наиболее яркое выражение получают маркированные признаки, слагающие образ «влюбленного», в противопоставлении «нормальный (здравомыслящий) — безумный». В этом случае образ Меджнуна (безумца) выступает архетипом, парадигмой для всех влюбленных [4]. Маркированность этого образа была

причиной того, что многие мусульманские мистики для выражения своей любви к богу, а также своего отталкивания от заурядных людей — профанов (әһли-заһир) использовали поведенческие и иные признаки, характеризующие Меджнуна. Так, в тексте «Нур ал-‘улум» говорится: «Спросили: „Каковы приметы того, сердцем коего овладело бытие бога?“ Ответили: „От головы и до пят его все утверждает бытие бога, руки и ноги его, то, как он садится, ходит и смотрит, и даже то дыхание, которое выходит из его носа, говорит: „Аллах“. Подобно тому, как Меджнун, к кому бы ни приходил, говорил: „Лейли“. Если приходил к земле или реке или стене, к людям или соломе, вплоть до того, что говорил: „Я—Лейли, Лейли—я“» [6. С. 257].

Можно сказать, что вся любовная поэзия средневекового Азербайджана была или выражением максимально неуравновешенного состояния влюбленного, или же поиском аргументов в пользу странностей поведения, всего стиля жизни, мышления и чувствования влюбленного. Такая неуравновешенность влюбленного в поэме Низами, в частности, предстает в странном, безумном поведении Меджнуна [7. С. 99]. А у Физули трактовка плача маленького Гейса (Меджнуна) раскрывает значение печали (гәм), любви (ешг) и аргументирует дальнейшую судьбу героя, в которой этим состояниям душевного, но также и культурного мира суждена будет решающая роль [8. С. 51].

С помощью дифференциальных признаков можно охарактеризовать и те качества, которые язык классической поэзии Азербайджана противопоставлял языку непоззии. Если взять оппозицию «неупорядоченность — упорядоченность», то легко убедиться в том, что средневековая поэтика отождествляла упорядоченную, размеренную речь с поэзией [9. С. 182]. Упорядоченность выступала признаком поэтического текста также и в других культурах. Однако средневековая азербайджанская художественная мысль к сущностным особенностям поэзии относилась и те характеристики, которые представлены в виде правых маркированных членов нижеследующих оппозиций:

«простое — сложное»;

«безыскусное — искусное»;

«неукрашенное — украшенное»;

«моноязыковая лексическая гомогенность — полиязыковая лексическая гетерогенность».

Если эту проблему взять в историческом аспекте, то можно обнаружить, что азербайджанским просветителям и реалистам была присуща тенденция дискредитировать многие маркированные признаки классической поэзии и, напротив, считать сущностно важными и поэтическими такие базисные «нейтральные» дифференциальные признаки (разумеется, их «нейтральность» реализует себя лишь на фоне маркированности), как «простота», «доступность», «безыскусность», отождествлявшиеся с естественным, искренним, лишенным чопорной условности риторических красот, этикетности (ср. критику Физули М. Ф. Ахундовым, пародии на классическую любовную лирику у М. А. Сабира, художественный язык и эстетические пристрастия М. Дж. Мамедкулизаде и Ахвердова) [10].

Двоичные противопоставления четко вычлениваются и при анализе азербайджанских миниатюр. Причем наблюдается примечательная аналогия с классической поэзией:

«безыскусное — искусное»;

«неукрашенное — украшенное»;

«свето-тенивое бытие — световое бытие»;

«тональное многообразие цвета — локальность цвета»;

«невычищенное — вычищенное» и т. п.

В средневековом Азербайджане миниатюра создавалась с учетом представлений о «выделанности», украшенности, а это сближало ее с декоративно-прикладным искусством. Что же касается невосприимчивости языка миниатюр к теневым характеристикам природы, то здесь обнаруживается сильное влияние представлений о символике света, не только архаических, но и почерпнутых из Корана и философского течения ишракиййун. Отсутствие теней в изображениях хорошо согласуется как с параметрами декоративности, так и с локальным характером цвета в миниатюрах и особой атмосферой «вычищенности» изображения. Локальные цвета противостоят импрессионистской изменчивости, прихотливости, «неустойчивости». Тональные цвета лишают изображение особой четкости и изящества, благодаря которым миниатюра в высокой степени соответствовала канонам средневекового восточного художественного мышления. Линейные контуры — миниатюры как бы повторяют плавные, закругленные или прямые линии арабского письма. Это делало изображение не чуждым сакральному миру, так как в мусульманской культуре арабское письмо считалось священным.

Что касается оппозиции «невычищенное — вычищенное», то правый член в ней, с одной стороны, обозначает филигранность, рафинированность, изощренность, присущие миниатюре, а с другой стороны, характеризует особое отношение миниатюры к действительности. Художник-миниатюрист отбрасывает все случайное, неустойчивое, оставляя лишь то, что трактуется культурой как сущностно важное, инвариантное, — в природе, в очертаниях человеческого тела. Художник как бы переносит натуру в идеальную атмосферу студии, очищая природу от ее реальных и «несущественных» случайностей, неупорядоченности.

Теперь, если сравнить классическую азербайджанскую поэзию и искусство миниатюры, то можно обнаружить, что маркированные признаки типа «изошренное», «украшенное» присутствуют в характеристике каждого из этих искусств. Благодаря этому как поэзия, так и искусство миниатюры остро ощущали свою близость к миру драгоценных камней [12]. Для картины мира, явленной как в поэзии, так и в миниатюре, большое значение имела также эстетика цветника и садов.

Моделирование какого-либо сложного объекта с помощью структурного метода позволяет обнаружить, что сдвиг в одной оппозиции дает резонанс во всей системе объекта. Применительно к естественному языку В. В. Иванов по этому поводу пишет: «То, что набор различительных двоичных признаков не является только метаязыком, построенным лингвистом для опознания естественного языка — объекта, а соответствует бессознательным логическим операциям над языком, совершаемым самими говорящими, лучше всего доказывается исследованием истории языка. Фонема за единицу языкового времени (за один период — «такт», или шаг истории языка) меняется на один различительный признак, что ведет к «цепной реакции» в ее окрестности (т. е. в подсистеме фонем, отстающих на один и два различительных признака от данной)» [14. С. 208—209].

С этой точки зрения нетрудно представить, каким изменениям подверглись бы классическая поэзия и искусство миниатюры, если бы нейтрализовались их маркированные признаки. В следующем бейте Физули сопоставлены два типа влюбленных:

Чанын ким чананы үчүн севсэ, чананын севэр

Чаны үчүн ким ки, чананын севэр, чанын севэр [15. С. 57].

Тот, кто любит себя ради возлюбленной, любит возлюбленную,
Тот, кто любит возлюбленную ради себя, любит себя.

Разумеется, последний, эгоистический, путь любви был совершенно неприемлем для классической поэзии.

Теперь перейдем к семиотическому уровню анализа. В азербайджанской, да и вообще в восточной художественной культуре, существенную роль играли также символы дороги, путешествия. Суфийский «тарикат» — это та же дорога, а суфийский неопит — путник (салик), идущий по дороге, где есть стоянки (макамы). Макамы стали названием жанра плутовского рассказа. В «Макамах» Абу Мухаммеда аль-Касима аль-Харири путь, путешествие, переход в другое, новое, пространство — изначальное условие разворачивания событий, сводящихся к проделкам плута Абу Зейда из Серуджа.

Такие важнейшие мотивы дороги, путешествия, как «заблуждение», «поиск ночлега», «опасность», «усталость», «радость встречи», «удивительное происшествие», «переход в пространство с устойчивой социальной организацией», «пересечение границ, выход за пределы того или иного пространства» [16], обладают также мощными дополнительными, коннотативными значениями, способностью к метафорическому охвату различных сфер бытия — как материальных, так и духовных.

Дорога, «путешествие» (во всем многообразии их символической репрезентации) представляли и как путь самоуглубления, постижения человеком глубин своего духа, что, по мысли Сухраверди, исходившего из идеи единства микрокосма и макрокосма, означало восхождение по ступеням универсума и даже в итоге — выход за его пределы [13. С. 29]. Интересно, что по своей сути эта концепция духовного путешествия совпадает с суфийской концепцией Аттара. В его поэме «Илахи-наме» описывается мерадж пророка Мухаммеда, т. е. его мифическое восхождение к Аллаху. Мухаммед отправляется в небесный путь с тем, чтобы увидеть всевышнего. Во внепространственном мире пророк обнаруживает, что бога нельзя увидеть как другого, бог и есть он сам [18. С. 19—22]. Путь богопознания приводит к познанию человеком самого себя.

Таким образом, символы дороги, путешествия в средневековой культуре мусульманских стран сложились в своеобразный универсальный код. Его синтаксис основывался на пространственно-временных параметрах и предполагал порождение неизбыточных, нетривиальных ситуаций, событий. Удивительное нередко лежало в основе средневекового текста [19], который в таком случае обязательно использовал символическую оснастку и идеи «пути». Большой географический охват многих классических поэм служит ярким тому подтверждением.

Символика дороги, будучи своеобразным кодом и включаясь в сложную систему языков, порождающих художественные тексты, выполняла также роль своего рода информационного канала, по которому в произведение поступали сведения о социальных реалиях. Поясним это. Средневековый человек жил в ином ритме, в другом времени и пространстве. Масштабные, впечатляющие путешествия персонажей средневековых поэм разительно контрастировали с ограниченным пространством, внутри которого проходила жизнь большинства рядовых людей эпохи. Человек средневековья, стиснутый рамками социально-экономических, религиозных норм, вел достаточно монотонную жизнь. Если учесть высокую действенность запрета вина в жизни рядового мусульманина, то и пиры, и празднества не приносили ему забвения от повседневной рутины, полного от нее «отключения».

Человек западного средневековья воспринимал циклически пов-

торящиеся карнавалы как обновление всей жизни и компенсацию за заполненные тяжелым трудом будни [21]. Культ удивительного, преклонение перед путешественниками, пронизывающие средневековые восточные тексты, являлись эстетическим освобождением от повседневной регламентированной жизни. Духовные границы средневекового человека, живо ощущавшего величие бога, и необъятность горных сфер были несоизмеримы с отведенным ему реальным социально-экономическим пространством. Символика дороги в эстетической культуре была следствием дефицита удивительного в самой жизни, хотя изобилие удивительного в средневековых текстах создает иллюзию об обратном.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 И. В. Стеблева, выделяя оппозиции «я — наставник», «я — отшельник», подчеркивает, что правые члены в них обозначают людей, не сумевших понять или оправдать чувства влюбленного [2. С. 12, 47, 49—52].

2 Стеблева И. В. Семантика газелей Бабура. М.: Наука, 1982.

3 В классической поэзии истинно влюбленным подчас считается тот, кто способен ради своей возлюбленной перейти в другую веру. В этом случае образ Шейха Санана становится своеобразной парадигмой для всех влюбленных, некой идеальной, а значит, предельной моделью поведения.

4 Благодаря Низами образ Меджнуна стал одним из наиболее ярких и значимых символов не только поэзии, но даже и философии мусульманского Востока [5]. Кроме того, для традиционно мыслящих азербайджанцев образ этот оказался в существенной связи с представлениями об экстатической духовной силе шамана, легко выходящей за пределы наличных структур обыденного бытия.

5 Крачковский И. Ю. Ранняя история повести о Меджнуне и Лейле в арабской литературе // Выдающиеся русские ученые и писатели о Низами Гянджеви. Баку: Языки, 1986.

6 Нур ал-'улум // Бертельс Е. Э. Суфизм и суфийская литература: Избранные труды. М.: Наука, 1965.

7 Гянджеви Низами. Лейли и Меджнун. Баку: Элм, 1981.

8 Фузули. Эсэрлери. Баку: Элм, 1958. II ч.

9 Туси Нэсрэддин. Риторика адландырылан ше'р наггында // Азербайжан. 1984. № 11.

10 По поводу характера характеристики на основе этих признаков эстетики европейского Просвещения см.: [11].

11 Лотман Ю. М. К проблеме типологии культуры // Труды по знаковым системам. Тарту, 1967. Т. 3.

12 Азербайджанский философ Сухраверди полагал, что особого рода свет присущ минералам, а также и золоту; благодаря этому обладающему свойством делать человека счастливым свойственный золоту свет родствен человеческому духу [13. С. 392].

13 Sharif M. M. A History of Muslim Philosophy. Wiesbaden, 1963. Vol. 1.

14 Иванов В. В. Бинарные структуры в семиотических системах // Системные исследования — 1972. М.: Наука, 1972.

15 Фузули. Сечилимиш эсэрлери. Баку: Маариф, 1983.

16 О проблеме внутреннего пространства с его упорядоченностью и сюжетной значимости мотива нарушения границ этого пространства см.: [17. С. 470—472].

17 Лотман Ю. М. О метаязыке типологических описаний культуры // Труды по знаковым системам. Тарту, 1969. Т. 4.

18 Attar Ferideddin. İlahîname. İstanbul: Millî Eğitim Basımevi, 1947.

19 Об архаической основе символики дороги нам уже приходилось писать [20. С. 242—243]. Там же мы говорили о неожиданном появлении света, как об архетипе некоторых художественных символов азербайджанского средневековья [20. С. 240—241]. Сейчас хотелось бы добавить, что этот же архетип составляет психологическую основу культа удивительного. Об архетипичности мотива сияния, появления света см. также [21. С. 230—233].

20 Мехдиев Н. М. Орта эсрлэр Азербайжан мэдэнијјетинин бэди текстлэриндэ мифологи структурлар//Азербайжан филологијасы мэсэлэлэри. Баку: Элм, 1983.

21 Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М.: Наука, 1978.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Я. Р. ДАШКЕВИЧ

ТЮРКСКИЕ ИСТОЧНИКИ ОБ УКРАИНЕ XVI—XVIII вв.:
АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПУБЛИКАЦИЙ*

Возможно, это звучит как парадокс, но и в прямом и в переносном смысле к источникам всегда нужно идти против течения. Мы исходим из собственной исследовательской практики. Дело не только в том, что очень часто тяжело «докопаться» до источника той или иной идеи, гипотезы — кто впервые их высказал и оформил; еще труднее бывает подвести источниковую базу под собственную концепцию. В последние десятилетия сложился, к сожалению, порочный стереотип — мы чаще повторяем источниковый материал, заимствованный у других авторов, наших предшественников, чем пытаемся сами углубиться в источник и тщательно проверить его показания. Это нежелание двигаться против течения, по направлению к источнику, охватило многие области гуманитарных наук: языкознание, литературоведение, а в наибольшей степени, пожалуй, историю и сопредельные науки.

В настоящее время, по крайней мере на Украине, как реакция на антинаучные методы работы без источников — лингвистических, литературоведческих, фольклорных, исторических — возникло довольно мощное течение в здоровой научной среде, вылившееся, впрочем, в движение более широких кругов общественности, которое можно охарактеризовать краткой латинской формулой *ad fontes* — к источникам.

Вот главные, на наш взгляд, этапы «борьбы за источники» на Украине: в 1987 г. была формально возобновлена деятельность Археографической комиссии Академии наук УССР [1. С. 155—156], призванной возглавить и координировать издание всех разновидностей источников: лингвистических, литературных, исторических, философских, историко-культурных, подготовка которых осуществляется как в академических (институты языкознания, литературы, философии, истории), так и во внеакадемических (Киевский университет, архивы Киева и Львова) учреждениях. В декабре 1988 г. в Киеве состоялось представительное по составу — и бурное по своему течению — республиканское совещание «Украинская археография: современное состояние и перспективы развития», на котором автором данной статьи был представлен проект коллективного издания серии восточных (включая тюркские) источников по истории Украины [2. С. 62—64]. В январе 1989 г. в Киеве состоялось заседание Археографической комиссии, на котором проект в основном был утвержден. В 1990 г. увидит свет первый том серии, рассчитанной

* Доклад прочитан на XV пленарном заседании Советского комитета тюркологов (Уфа, 1989 г.).

пока на семь томов (один-два тома на протяжении ближайших пяти лет). Предполагается издание источников на арабском, персидском, древнееврейском, армянском и, конечно, на тюркских языках. В данном сообщении мы остановимся на тюркоязычных источниках. Предварительно, однако, необходимо отметить, что, несмотря на значительные трудности и стену непонимания (или нежелания), на которую довольно часто приходится наталкиваться, вопрос об издании источников, включая восточные, в принципе решен положительно. Лучшее тому свидетельство — решение президиума Академии в Киеве выделить на издание источников в 1990 г. 350 печатных листов, а это объем, о котором несколько лет тому назад можно было только мечтать.

В дальнейшем мы коснемся следующих вопросов:

о традициях (или — отсутствии традиций) тюркского источниковедения на Украине;

об издании тюркских источников об Украине, усилившемся особенно за рубежом в последнее двадцатилетие;

о киевской серии восточных источников, обращая при этом главное внимание на издание тюркоязычных источников, а также некоторых других источников, тесно соприкасающихся с культурой и историей тюркских народов;

о лингвистических принципах предпринимаемых изданий.

* * *

Еще один парадокс. Мы придерживаемся мнения о существовании т. н. Большой границы — границы между европейскими и неевропейскими цивилизациями, проходящей по всему земному шару и меняющей свою конфигурацию в различные эпохи. На Украине Большая граница фактически воплотилась в степной границе, не исчезающей на протяжении многих веков, отделяя мир Европы от мира Азии. В различные периоды средневековья и нового времени эта граница на Украине тянулась на протяжении 800—1200 км. Из всех западных и южно-европейских стран, по территории которых проходила Большая граница (Испании, Италии, Балкан, Венгрии, Румынии), степная граница Украины самая длинная. Понятно, что о странах и народах по обе стороны границы создавались — и частично сохранились до сих пор — источники как на западных, так и на восточных языках. Возникает странная ситуация: страна, по территории которой пролегает самый длинный отрезок Большой границы, очень редко использует восточноязычные, и в первую очередь тюркоязычные, источники при изучении своего родного языка, фольклора, литературы, истории. Беспомощность украинских гуманитарных наук в обращении с тюркскими источниками отчетливо проявляется на фоне достижений восточного источниковедения и археографии тех стран, по территории которых пролегли даже короткие участки Большой границы. Достижения югославской, болгарской, венгерской, румынской, польской тюркологии в области публикации и использования восточных источников значительны и могут являться предметом легко понятной зависти. В наше время тюркские источники, занимающие важное место в источниковой базе украиноведения, используются редко, в большинстве случаев на основании устаревших переводов XIX в. и почти, как правило, без учета оригинальных текстов.

Нельзя сказать, что лучшие представители украинской науки не принимали создавшегося ненормального положения. Более ста лет тому назад крупный украинский этнолог и общественный деятель М. П. Драгоманов писал: «Наши предки в течение тысячелетия (если начать счет

только со времен появления у нас письменности) то воевали с народами турецкого племени, то дружили с ними: женились, перемешивались в колонизации, менялись национальностями и т. п. Вследствие этого и культурно-бытовое взаимодействие между нашим народом и тюрками должно быть немалое. Но что мы знаем об этом взаимодействии? Где не только уяснительные работы об этом взаимодействии, но даже приступы к ним, собрания материалов, кроме некоторых соображений о турецких словах в нашем языке?» [3. С. 209]. За прошедшее столетие мы, однако, ушли недалеко. Если в дореволюционное время это положение можно было объяснить отсутствием украинской государственности и сосредоточением востоковедения в Петербурге, Москве, Казани, а также (по отношению к западно-украинским землям) в Вене, то после революции ситуация должна была перемениться.

Действительно, тогда и на Восточной, и на Западной Украине неоднократно делались попытки активизировать изучение тюркских языков и написанных на них источников [4]. Всеукраинская научная ассоциация востоковедения [6; 7. С. 82—92; 8. С. 105—109; 9. С. 46—49, 52—54, 81—83] в 1926—1931 гг. издавала в Харькове собственные периодические издания — «Бюллетень», журналы «Східний світ», «Червоний Схід», в которых тюркологическая тематика нашла широкое отражение [10; 11. С. 189—198], проводила научные съезды, из которых второй был особенно насыщен тюркологической источниковедческой проблематикой [12. С. 220—222; 13. С. 337—339]. В Харькове короткое время существовал Украинский научно-исследовательский институт востоковедения (1930—1931 гг.). Наиболее видным тюркологом харьковского центра являлся В. В. Дубровский (1897—1966) (см.: [14. С. 172—183; 15; 16. С. 53—76]). В Киеве, в составе Академии наук, под руководством выдающегося востоковеда акад. А. Крымского [19] работала Тюркологическая комиссия (1929—1930 гг., с собственными изданиями); именно в ее составе начал свой путь Т. И. Грунин (1898—1970), автор первого в советской тюркологии украинского учебника турецкого языка на латинской основе — 1930 г. В Харькове в Украинском техникуме востоковедения и восточных языков (1926—1932 гг., сначала — курсы восточных языков) существовало турецкое отделение [21. С. 207—210]. В 1928 г. в Анкаре была подписана украинско-турецкая конвенция об использовании турецких архивов совместно с украинскими и турецкими специалистами. В соответствии с этим в Стамбуле и Харькове были созданы Комиссии для изучения истории украинско-турецких взаимоотношений [22 С. 380—382]. Киев и Харьков посещали турецкие историки. В ряде научных учреждений этих городов планировалось изучение и подготовка к печати восточных источников. Однако, когда дело дошло до финансирования исследований, учреждениям отказывали в ассигнованиях якобы из-за неактуальности тематики. Как писал в 1930 г. крупнейший украинский историк акад. М. С. Грушевский, «и Харьковский институт востоковедения, и киевская академическая Тюркологическая комиссия до сих пор не имеют средств на организацию работ в направлении систематического изучения турецких источников и изучения украинско-турецко-татарских отношений в прошлом» [23. С. 7]. Украинско-турецкая научная конвенция реализована не была. Намеченные к созданию в Харькове Украинское научное общество изучения Крыма и Комиссия для изучения татарского Крыма (последняя в составе Всеукраинской научной ассоциации востоковедения) [24. С. 377—378] так и не успели развернуть работу. В 1931—1932 гг. на Советской Украине деятельность в области тюркологии вообще прекратилась. Большинство членов Все-

украинской научной ассоциации востоковедения было репрессировано. Планируемый к созданию учебный Востокведческий институт в Харькове открыт не был. На Западной Украине, во Львове, с 1929 по 1939 г. действовала Востокведческая комиссия Научного общества им. Шевченко, которое играло роль локальной Академии наук. В составе Львовского университета действовал Институт востоковедения с девятью кафедрами [25]; в 1938 г. в университете преподавали 35 восточных языков, в том числе турецкий, азербайджанский, крымско-татарский. Из этой среды вышел выдающийся востоковед О. Прицак [26. С. 7—50]; другой украинский тюрколог Е. Завалинский издал накануне второй мировой войны сборник фрагментов турецких хроник по истории Украины XV—XVI вв. [27]. Львовские центры исчезли бесследно.

Несколько слов о тюркологии в Крыму. Неоднократно менявшее свое название отделение восточных языков (с тюрко-татарским разрядом) Таврического университета, в дальнейшем отделение татарского языка и культуры Крымского пединститута, было образовано в 1920 г. [30. С. 41—43; 31. С. 6]. Отделение претерпело ряд реорганизаций, но в настоящий центр крымской тюркологии превратился созданный в 1921 г. в составе университета кабинет востоковедения [31. С. 38—39], возглавлявшийся видным тюркологом-практиком В. И. Филоненко (1884—1977) [32. С. 277—278]. Другое учреждение—Крымский научно-исследовательский институт — просуществовал примерно 7 лет, но так и не развернул тюркологическую работу в области источниковедения. В 1935 г. и институт, и отделение татарского языка и литературы пединститута были разгромлены [33. С. 145—147]; видные тюркологи Б. Чобан-заде, Г. Айваз, О. Акчокраклы [34], а также Я. Кемаль [37] — репрессированы. Судьба коллекции кабинета востоковедения, в которой хранились крымско-татарские рукописи и ярлыки, а также других крымских тюркских собраний сложилась печально. Их остатки были вывезены в Москву и Ленинград [39]. Довоенный период украинской тюркологии, так и не использовавшей свои потенциальные возможности, символически закончился гибелью в 1941 г. одного из виднейших востоковедов того времени акад. А. Крымского, безвестно умершего во время этапирования заключенных [44]. Определенное внимание тюркологической тематике уделял организованный в эмиграции (в Варшаве) Украинский черноморский институт, издавший ценное библиографическое пособие по Турции [46].

Попытки восстановить украинскую тюркологию в послевоенные годы не увенчались успехом. Проект создания академического востоковедческого центра в Киеве, который должен был возглавить крупный харьковский ученый А. П. Коваливский [47], практического воплощения не получил. В середине 60-х годов была проведена кампания обмена студентами Украины и восточных республик, но кадры, обученные на практике тюркским языкам, так и не были включены в научную работу. Выдвигались другие, также не осуществленные проекты активизации тюркологических исследований [49. С. 146—148]. В 1970 г. в киевском Институте истории был создан структурный отдел истории зарубежных стран Востока, который должен был заниматься источниковедением. Отдел просуществовал недолго. Немногочисленные востоковеды, и среди них тюркологи, работающие на Украине, печатают подготовленные ими источники за пределами республики или страны [50]. К тому же публикаторские их возможности гораздо ниже потенциальных научных. Делаются кое-какие попытки преодолеть сложившийся порочный стереотип, согласно которому украиноведением можно заниматься и без обращения к тюркологии (анекдотичным представляется, например, тот факт,

что даже сейчас работа над многотомным «*Етимологічним словником*» украинского языка ведется без тюрколога в составе авторского коллектива). В 1988 г. во Львове была предпринята попытка открыть отделение Российского палестинского общества, в 1989 г. в Чернигове декларировано возрождение Всеукраинской ассоциации востоковедения. Вынужденные — в полном смысле этого слова — сдвиги намечаются в связи с усиливающимся возвращением крымских татар на свою родину. Как известно, на протяжении десятилетий крымско-татарские письменные источники можно было изучать только в закамуфлированном виде (например, работы М. А. Усманова). Издание русскоязычного трехтомника *Эвбли Челеби* («*Книга путешествия*»: М., 1961—1983) без описания Крыма наглядно демонстрирует отношение к крымской проблематике официальной идеологии. В настоящее время в Крыму возобновляется факультативное изучение крымско-татарского языка в начальных и средних школах (в Киеве оперативно был издан словарь и два пособия, подготовленные А. Н. Гаркавцем), но уровень преподавания оставляет желать лучшего. Автором статьи был выдвинут проект создания тюркологического центра учебно-исследовательского типа на базе Симферопольского или Киевского университетов. Предполагается создать центр, в котором изучался бы не только современный крымско-татарский, но и другие тюркские языки, употреблявшиеся в прошлом как в Крыму, в степной Украине, на тех землях, которые входили в состав Османской империи, так и в тюркоязычных колониях украинских городов (речь идет об изучении тюрки, крымско-татарского, турецкого, гагаузского, караимского и армяно-кыпчакского языков).

Теперь об издании источников. В течение последних десятилетий отдельные тюркские источники или же источниковедческие исследования, имеющие точки соприкосновения с Украиной и Крымом, издавались в Казани, Баку, Ереване (это преимущественно армяно-кыпчакские тексты), а также в Москве и Ленинграде (исследования по золотоордынским и более поздним ярлыкам, а также по некоторым нарративным источникам). Гораздо больше тюркских источников, связанных с Украиной, публиковалось за границей — в Варшаве, Будапеште, Бухаресте или же в Париже, Стамбуле [52. С. 281—298], Кембридже (США) и других западных научных центрах. Особенно заметны достижения этих центров в использовании турецких архивных источников XV—XVIII вв. по истории турецко-крымско-татарско-украинских взаимоотношений [53]. Много публикаций как европейских ученых (мы имеем в виду работы недавно умершего А. Беннигсена [58. С. 11—16], а также Ш. Лемерсье-Келькеже, Н. Бельдичяну, И. Бельдичяну-Штейнгерр, Д. Десева, Ж. Вейнштейна, М. Казаку и других; с ними работают турецкие источниковеды Е. и Т. Гекбильчин; к парижской группе исследователей стамбульских архивов недавно присоединился испанский историк И. А. де Бовес Ибарра) [59], так и их американских коллег (Х. Инальджыка, А. Фишера, В. Остапчука, А. Ридльмаера [74. С. 454—473; 75. С. 49—104] и др. получило признание специалистов. Необходимо, в частности, обратить внимание на два важных собрания документов и их регестов, а именно подготовленное А. Беннигсеном, П.-Н. Боратавом, Д. Десевым и Ш. Лемерсье-Келькеже издание «*Крымское ханство в Архиве Музея дворца Топкапы*» (Париж, Гаага, 1978. 457 с.), включающее документы 1453—1790 гг. [76] и подготовленный М. Беринден и Ж. Вейнштейном том «*Османская империя и румынские страны 1544—1545 гг. Исследования и документы*» (Париж; Кембридж, Масс., 1987. 367 с.) [78]. Второй сборник открывает серию «*Изучение османских документов об Украине и черноморских странах*», издающаяся под

редакцией академика Академии наук США О. Прицака под эгидой Украинского исследовательского института при Гарвардском университете. В соответствии с планом редактора взаимоотношения между Молдавией и Валахией, с одной стороны, и турецко-татарским Причерноморьем (включая Крым), с другой стороны, в XVI в. будет посвящен еще 2-й том серии; 3-й и 4-й тома будут посвящены украинско-турецким взаимоотношениям во второй половине XVI в. (возникновению Запорожской Сечи и деятельности одного из первых ее организаторов князя Д. Вишневецкого). Кроме этого, в «Гарвардской серии украинских исследований» в ближайшее время увидит свет публикация таможенной книги Кафы за 1486—1490 гг., подготовленной к печати Х. Инальджем [79]. Таким образом, на протяжении 70—80-х годов благодаря усилиям зарубежных тюркологов были введены в научный оборот сотни турецко-османских документов преимущественно XVI—XVIII вв., которые должны послужить основанием не только для исторических, но и лингвистических исследований. Среди этих документов имеется довольно значительный корпус текстов, составленных на турецком языке в турецких областях Северного Причерноморья (включая Южный Крым), а также тексты на смешанном крымско-татарско-турецком языке. Значение их для раскрытия характера крымского извода османского языка, его влияния на письменный крымско-татарский язык (в его различных ареалах) периода существования Крымского ханства — огромно.

Несколько слов о киевской серии восточных, в частности тюркских источников. Из семи подготовленных илиготавливаемых томов (среди них источники на арабском — по истории Киевской Руси IX—XII вв. и новый перевод «украинской» части мемуаров Павла Алеппского, на древнееврейском — хроники периода Богдана Хмельницкого и надписи караимских кладбищ Крыма) три посвящены тюркоязычным источникам. Это «Хроники армянских общин Львова и Каменца-Подольского XVI—XVII вв.» (на кыпчакском), подготовленные Э. Трыярским (Варшава) и автором статьи; 30 печ. л.; «Документы армянских общин Каменца-Подольского конца XVI—начала XVIII вв.» (на кыпчакском), подготовленные И. Абдуллиным (Казань; три года назад на Нальчикском пленуме рецензировавшая эта эдидия [80. С. 92; 81. С. 101], ранее, в Чебоксарах, уже получившая положительную оценку тюркологической общественности); 40 печ. л.; «Ярлыки ханств Восточной Европы XIV—XVI вв.», подготовленные С. Усмановым (Казань); 30 печ. л.

Предполагается в этой же серии переиздать давний сборник крымско-татарских документов В. В. Вельяминова-Зернова и Х. Фаизханова [82], изданных в свое время без перевода и комментария ввиду тяжелой болезни первого из составителей и смерти второго. Подготовит это издание американский тюрколог В. Остапчук, ученик Х. Инальджем и О. Прицака.

Важную роль для тюркологических исследований будет иметь переиздание надписей караимских кладбищ Крыма, собранных в свое время А. Фирковичем [83]. Как известно, вокруг этих надписей выросла огромная по объему и страстная по накалу дискуссионная литература, а само издание давно превратилось в уникал, не говоря уже о том, что оно доступно только семитологам. Этот том подготовлен к изданию покойным караимоведом Д. Гумушем и отредактирован автором статьи (40 печ. л.).

К серии примыкают два издания: «Памятники армянской письменности на Украине XVI—XVIII вв. из собраний Польши, Англии, Франции, Италии»: Каталог; 30 печ. л.; книга готовится к печати А. Н. Гар-

кавцем; «Тюркские народы в древнерусских источниках»: В 2-х ч.; 60 печ. л.; корпус *Ruthenoturcica*, проект которого опубликован [84. С. 61--68].

О дальнейших планах говорить трудно, но нужно подчеркнуть, что украинской науке очень нужны сборники избранных источников типа «Украина в турецких хрониках», «Крымско-татарские источники по истории Украины». Тюркологи должны принять участие в подготовке фундаментального археографического труда «Украинско-татарские взаимоотношения XIII—XVIII вв.», создание которого диктуется не только научными, но и политическими соображениями, в частности тем вниманием, которое в наше время уделяется изучению межнациональных отношений. Не хотелось бы, чтобы все эти слова звучали как пустое прожектерство. Это долгосрочная программа, для осуществления которой имеются научные силы, но дальнейшее развитие публикаторской работы, конечно, будет зависеть от положительного решения о создании на Украине тюркологического учебно-исследовательского центра.

Серия восточных источников не ограничивается узкотерриториально Украиной, тем более в ее современных границах. В издательские планы включены также источники по сопредельным территориям или же источники, только косвенно соприкасающиеся с различными аспектами украиноведения. Как кажется, научная общественность Украины постепенно свыкается с мыслью, что киевской Академии наук придется заниматься прошлым Крыма не только античной эпохи (для чего делается очень много), но также и периодов Золотой Орды и Крымского ханства. По крайней мере, эта мысль не натолкнулась до сих пор на открытое сопротивление.

Как мыслится — и как реализуется — издание серии? Здесь необходимо хотя бы частично коснуться столь важного вопроса, как языковедческие аспекты публикаций тюркоязычных источников.

Во-первых, это, как правило, издание в одном томе оригинальных и переводных текстов. Предполагается издавать тюркские тексты в факсимиле, в научной транслитерации и в переводе. Процентное соотношение факсимильных и транслитерированных текстов решается на материале каждого конкретного тома. Хотелось бы верить, что в ряде случаев удастся сохранить оптимальный вариант: факсимиле + транслитерация + перевод. Особенно это касается *editio princeps* источников: в этих случаях желательно и факсимиле, и расшифровка графической оригинала (арабской, армянской) или же транслитерация. Только такой тип издания дает возможность специалистам проверить правильность прочтения оригинала, удовлетворительность перевода или предложить собственный вариант расшифровки оригинала и интерпретации текста. Главное требование к транслитерированным текстам (издатели серии не настаивают на единой для всех случаев системе, выбор во многом зависит от ученого, подготовляющего издание) — возможность на их основании четко реконструировать графику оригинала и наряду с этим отсутствие графической вычурности, создающей технические сложности при наборе. Публикуемые тексты должны стать достоверным источником как для языковедческих, так и для исторических, историко-культурных и других исследований. Серия издается на украинском и русском языках. Например, переводы армяно-кыпчакских хроник, надписей караимских кладбищ будут осуществлены на украинский язык; также на украинском планируется издать сборник Вельяминова-Зернова и Фаизханова и корпус «Тюркские народы в древнерусских памятниках»; документы армянских общин Каменца-Подольского, ярлыки ханств Восточной Европы будут опубликованы на русском. Объем глоссариев

предполагается ограничить терминологией реалій. Конечно, запланирован полный научный аппарат: предисловие источниковедческо-историографическо-текстологического содержания, примечания, указатели географических, этнических названий и личных имен, библиографические указатели, таблицы конкорданса, резюме на других языках и т. д., т. е. все то лучшее, что выработано практикой издания источников как в Союзе, так и за его пределами.

Еще несколько заключительных слов о готовящейся серии. Как нам представляется, названия предлагаемых изданий сами по себе говорят об актуальности тематики. Наряду с текстами, которые уже публиковались на языке оригинала, а иногда и в переводах (на сегодня часто устаревших, иногда с некорректной интерпретацией терминов, событий, географических объектов), в серии предполагается издать источники, никогда еще не публиковавшиеся в переводах (например, часть армяно-кыпчакских хроник, караимские надписи) или вообще прежде не известных науке (кыпчакские документы из Каменца-Подольского, некоторые ярлыки). Вокруг отдельных источников, сейчас готовящихся к изданию, десятилетиями велась дискуссия — об их аутентичности, исторической ценности и т. д. Иногда подобная дискуссия (хотя бы вокруг караимских надписей с очень ценными вкраплениями тюркской антропонимии) соскальзывала на ненаучные рельсы. Можно надеяться, что научная публикация текстов и новых переводов поможет решить не один спорный вопрос. Предполагаемый авторский коллектив, думается, сможет гарантировать соответствующий уровень изданий; мы рассчитываем также на активную помощь коллег-востоковедов, тюркологов, в частности в качестве рецензентов, научных редакторов.

Не преуменьшая трудностей, стоящих на пути осуществления проекта «Восточные источники по истории Украины», нужно сказать, что главное препятствие, кажется, уже преодолено. Оно, как уже отмечалось ранее, сводилось к десятилетиями навязывавшемуся официальному мнению, согласно которому украиноведением можно заниматься и без публикации и штудирования тюркских источников.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ *Тодійчук О. В.* Відновлення діяльності Археографічної комісії АН УРСР//Український історичний журнал. Київ, 1988. № 9.

² *Дашкевич Я. Р.* Вивчення і публікація східних джерел з історії України//Українська археографія: Сучасний стан та перспективи розвитку: Тези доповідей республіканської наради. Грудень, 1988 р. Київ, 1988.

³ *Драгоманов М. П.* Турецькі анекдоти в українській народній словесності//Київська старина. 1886. Т. 14, № 2.

⁴ Ср. обзор украинской тюркологии в статье [5. С. 266—298].

⁵ *Pritsak O.* Das erste türkisch-ukrainische Bündnis (1648) // Oriens. Leiden, 1953. Vol. 6, Nr. 2.

⁶ Всеукраїнська наукова асоціація сходознавства 1926—1929/Під ред. О. Гладстерна. Харків, 1929.

⁷ *Ковалівський А. П.* Вивчення Сходу в Харківському університеті та Харкові у XVIII—XX віках//Антологія літератур Сходу. Харків, 1961.

⁸ *Черніков І. Ф.* Радянсько-турецькі відносини у 1923—1935 роках. Київ, 1962.

⁹ *Он же.* Дружня підтримка і співробітництво: Українська РСР у відносинах Радянського Союзу з країнами Близького і Середнього Сходу (1922—1939). Київ, 1973.

¹⁰ *Лівшиц Р. С., Надель Х. С.* Систематичний покажчик до журналу «Східний світ»—«Червоний Схід» (1927—1931)/Вступна стаття А. П. Ковалівського. Харків, 1964.

¹¹ *Дмитрієнко М. Ф.* Журнал «Східний світ» (1927—1931 рр.): Історіографічний огляд//Історіографічні дослідження в Українській РСР. Київ, 1969. Вип. 2.

¹² *Синявський А.* Взаємини України зі Сходом у минулому й сучасному на II Всеукраїнському сходознавчому з'їзді//Україна. Київ, 1930. Кн. 39.

- ¹³ *Синявський А.* Другий Всеукраїнський сходознавчий з'їзд // Нові шляхи. Львів, 1930. Т. 5, № 2.
- ¹⁴ *Дубровський В.* Про вивчення взаємин України з Туреччиною в другій половині XVII ст. // Східний світ. Харків, 1928. № 5.
- ¹⁵ *Он же.* Україна і Крим в історичних взаєминах. Майнц; Кафель, 1946.
- ¹⁶ *Idem.* Türk Kıtıpa dair tarihi kaynak ve araştırmalar // Dergi. München. 1956. С. 4. (См. также неизданные работы со значительным источниковедческим содержанием [17; 18]).
- ¹⁷ *Он же.* Богдан Хмельницький і Туреччина. Харків. 1939. 207 л. (ЦГИА во Львові, ф. 309, оп. 1, д. 1319).
- ¹⁸ *Он же.* Україна і Крим в історичних взаєминах. 106 л. (там же, ф. 309, оп. 1, д. 1321).
- ¹⁹ См. перечень его тюркологических работ в [20].
- ²⁰ *Деркач Н. М., Ісаєва Н. М., Мартиненко Г. М., Скокан К. І. А. Ю.* Кримський. Бібліографічний покажчик (1889—1971). Київ, 1972.
- ²¹ *Даниленко О.* Український технікум сходознавства та східних мов // Червоний Схід. Харків, 1931. № 1—2 (16—17).
- ²² Протокол засідання Комісії для вивчення історії українсько-турецьких взаємин // Східний світ. Харків, 1930. № 10—11.
- ²³ *Грушевський М.* З приводу листування Б. Хмельницького з Отоманською Портою // Україна. Київ, 1930. Кн. 42.
- ²⁴ II Всеукраїнський сходознавчий з'їзд: Попередній звіт // Східний світ. Харків, 1930. № 10—11.
- ²⁵ *Полотнюк Я.* Сходознавство в нашому університеті // За радянську науку. Львів, 1987. 2 червня (№ 20).
- ²⁶ *Hajda L. A.* The bibliography of Omeljan Pritsak // Eucharisterion / Essays presented to O. Pritsak on his Sixtieth Birthday... (=Harvard Ukrainian Studies. Vol. 3—4). Cambridge, Mass., 1979—1980. Pt. 1.
- ²⁷ *Zawaliński E.* Polska w kronikach tureckich XV—XVI ww. Stryj, 1938 (Collectanea Orientalia. Nr. 14). (Текст диссертации Завалинского под этим же названием хранится в Львовском областном государственном архиве (ф. 26, оп. 4, д. 262). См также: [28. С. 113—135; 29]).
- ²⁸ *Idem.* Zbiory tureckich dokumentow w Bibliotece Czartoryskich w Krakowie // Rocznik Orientalistyczny. Lwów, 1939. Т. 14.
- ²⁹ *Он же.* Турецькі джерела до історії України // Соборна Україна. Париж, 1947. Кн. 1 (січень), 2 (квітень).
- ³⁰ Доклад об учреждении отделения восточных языков при историко-филологическом факультете Таврического университета // Изв. Тавр. ун-та. Симферополь, 1920. Кн. 2.
- ³¹ Крымский педагогический институт имени М. В. Фрунзе 1918—1928. Симферополь, 1928.
- ³² Библиографический словарь отечественных тюркологов: Дооктябрьский период / Под ред. и с введ. А. Н. Кононова. М., 1974. (Библиография работ Филоненко не публиковалась).
- ³³ *Fisher A. W.* Crimean Tatars. Stanford, Cal., 1978.
- ³⁴ Ср. обзоры источников: [35. С. 13—19; 36. С. 12—18].
- ³⁵ *Акчокраклы О. А.* Татарские документы XV—XIX вв., хранящиеся в Центральном архиве Крымской АССР // Бюл. ЦАУ Крымской АССР. Симферополь, 1931. № 3.
- ³⁶ *Он же.* Крымско-татарские и турецкие исторические документы XVI—XIX вв., вновь поступившие в Крымский Центральный архив // Бюл. ЦАУ Крымской АССР. 1932. № 2.
- ³⁷ Написанная на основании источников и с присоединением их текстов работа была уничтожена после издания. По-видимому, не сохранился ни один экземпляр (см.: [38]).
- ³⁸ *Кемаль Я.* Документальна історія цехів в Кримському ханстві. Київ, 1931.
- ³⁹ В Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР были перевезены остатки татарских и турецких документов бывшего Центрального архива Крымской АССР. О других вывезенных из Крыма коллекциях см.: [40. С. 191—204; 41. С. 131—139]. В ленинградской Публичной библиотеке находятся также до сих пор не описанные 124 делопроизводственные книги из архива Крымского ханства, хранящиеся в губернском архиве в Симферополе и до революции перевезенные в Петербург [42. С. XVIII; 43. С. 893].
- ⁴⁰ *Кобрич В. Б., Кудрявцев И. М.* Собрание Симферопольского педагогического института им. М. В. Фрунзе (ф. 445) // Зап. отд. рукоп. Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина. М., 1965. Т. 27.
- ⁴¹ *Васильева О. В., Лебедев В. В.* Бахчисарайское собрание восточных рукописей // Источники по истории отечественной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг Гос. Публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина: Сб. науч. тр. Л., 1983.

- ⁴² *Иностранцев К. А.* В нынешнем году появились газетные и журнальные сообщения... / Зап. Вост. отд-ния императ. Рус. археол. о-ва. Спб., 1908. Т. 18, вып. 4.
- ⁴³ *Spuler V. Bâghçe Sarây* // The Encyclopaedia of Islam. New edition. Leiden; London, 1958. Vol. 1, fasc. 14.
- ⁴⁴ О гибели Крымского см.: [45. С. 194].
- ⁴⁵ *Дашкевич Я.* Кто такой Михайло Грушевський? // Наука і культура. Україна. Київ, 1989. Вип. 23.
- ⁴⁶ *Биковський Л.* Туреччина: Бібліографічні матеріали. Варшава, 1940. (Український чорноморський інститут № 2). В условиях войны пособие было издано тиражом всего 100 экз.
- ⁴⁷ Арабист А. П. Коваливский являлся также квалифицированным тюркологом (см.: [48]).
- ⁴⁸ *Надель Х. С., Ставінська Р. А.* Андрій Петрович Ковалівський: Біобібліографія/Вступила стаття Я. Дашкевича. Харків, 1966.
- ⁴⁹ *Бондаренко І. М.* Стан і перспективи розвитку сходознавства на Україні // Український історичний журнал. Київ, 1965. № 6.
- ⁵⁰ Ср. издания источников на армяно-кыпчакском: [51. С. 79—86].
- ⁵¹ *Дашкевич Я. Р.* Армяно-кыпчакский язык: Библиография литературы 1802—1977 // Rocznik Orientalistyczny. Warszawa, 1979. Т. 40, zesz. 2.
- ⁵² *Gökçusu O. S.* Kamanîçe muhafızlarının çektiği // İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Tarih Dergisi/Ord. Prof. I. Hakki Uzunçarşılı Hâtıra Sayısı. İstanbul, 1979.
- ⁵³ Ср. обзоры: [54. С. 105—140; 55. С. 11—16; 56. С. 191—205; 57. С. 77—84].
- ⁵⁴ *Lemerrier-Quelquejay Ch.* Les bibliothèques et les archives de Turquie en tout que source de documents sur l'histoire de Russie // Cahiers du Monde russe et soviétique. Paris, 1964. Vol. 6, fasc. 1.
- ⁵⁵ *Рейхман Я.* Турецькі архіви і їх значення для дослідження історії України // Архів України. Київ, 1966. № 4.
- ⁵⁶ *Fisher A.* Ottoman Sources for a Study of Kefe Vilayet: The Maliyedem müdevver fond in the Başbakanlık Arşivi in İstanbul // Cahiers... 1978. Vol. 19, fasc. 1.
- ⁵⁷ *Idem.* Sources and Perspectives for the Study of Ottoman-Russian Relations in the Black Sea Region // International Journal of Turkish Studies. 1980. Vol. 1, No 2.
- ⁵⁸ Principaux travaux d'A. Bennigsen // Passé turco-tatar — présent soviétique: Études offertes à Alexandre Bennigsen. Louvain; Paris, 1986.
- ⁵⁹ Например, публикации документов (часто с факсимиле) или изложение их содержания с глоссариями, языковедческим и текстологическим комментарием и другим научным аппаратом: [60. С. 215—262; 61. С. 239—266; 62. С. 100—117; 63. С. 118—123; 64. С. 454—461; 65. С. 480—490; 66. С. 321—337; 67. С. 338—367; 68. С. 40—50; 69. С. 57—104; 70. С. 389—465; 71. С. 523—562, табл. I—XIV; 72. С. 251—328; 73. С. 48—66].
- ⁶⁰ *Beldiceanu N.* Kilia et Cetatea Albă à travers les documents ottomans // Revue des Études Islamiques. Paris, 1968. Vol. 36, fasc. 2.
- ⁶¹ *Idem.* La Moldavie Ottomane à la fin du XVe siècle et au debut du XVIe siècle // Там же. 1969. Vol. 35.
- ⁶² *Gökbilgin Ö. Desaise D.* Le Khanat de Crimée et les campagnes militaires de l'Empire Ottoman, fin du XVIIe — debut du XVIIIe siècle (1687—1736) // Cahiers... 1969. Vol. 11, fasc. 1.
- ⁶³ *Gökbilgin T.* L'expédition ottomane contre Astrakhan en 1569 // Там же. 1970. Vol. 11, fasc. 1.
- ⁶⁴ *Lemerrier-Quelquejay Ch.* Les relations entre la Porte Ottomane et les Cosaques Zaporogues au milieu du XVIIe siècle: Une lettre inédite de Bohdan Hmelnickij au Padichakh ottoman // Там же. 1970. Vol. 11, fasc. 3.
- ⁶⁵ *Idem.* Les Khanats de Kazan et de Crimée face à la Moscou en 1521 d'après un document inédit des Archives du Musée du Palais de Topkapı // Там же. 1971. Vol. 12, fasc. 4.
- ⁶⁶ *Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch.* Le Khanat de Crimée au debut du XVIe siècle: De la tradition mongole à la suzeraineté ottoman d'après un document inédit des Archives ottomanes // Там же. 1972. Vol. 13, fasc. 3.
- ⁶⁷ *Berindei M.* Le problème des «Cosaques» dans la seconde moitié du XVIe siècle. A propos de la révolte de Ioan Vodă, voievode de Moldavie // Там же. 1972. Vol. 13, fasc. 3.
- ⁶⁸ *Beldiceanu N., Beldiceanu-Steinherr I.* Déportation et pêche à Kilia entre 1484 et 1508 // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. 1975. Vol. 38.
- ⁶⁹ *Berindei M., Veinstein G.* Règlements de Süleyman Ier concernant le livâ de Kefe // Cahiers... 1975. Vol. 16, fasc. 1.
- ⁷⁰ *Idem.* La présence ottomane au sud de la Crimée et en mer d'Azov dans la première moitié du XVIe siècle // Там же, 1979. Vol. 20, fasc. 3—4.

⁷¹ *Beldiceanu-Steinherr I., Berindei M., Veinstein G.* Le Crimée Ottomane et l'institution du «timār» // *Annali dell'Instituto Orientale di Napoli.* 1979. Vol. 39 (N.S. 29), fasc. 4.

⁷² *Berindei M., Veinstein G.* Règlement fiscaux et fiscalité de la province de Bender-Aqkerman 1570 // *Cahiers...* 1981. Vol. 22, fasc. 2—3.

⁷³ *Beldiceanu N., Bacqué-Grammont J.-L., Cazacu M.* Recherches sur les Ottomans et la Moldavie Ponto-Danubienne entre 1484 et 1520 // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London.* 1982. Vol. 45, part 1.

⁷⁴ *Riedlmayer A., Ostapchuk V.* Bohdan Hmel'nyč'kyj and the Porte. A Document from the Ottoman Archives // *Harvard Ukrainian Studies.* Cambridge; Mass., 1984. Vol. 8. No 3—4.

⁷⁵ *Ostapchuk V.* Five Documents from the Topkapı Palace Archive on the Ottoman Defense of the Black Sea Against the Cossacks (1639) // *Journal of the Turkish Studies.* Cambridge, Mass., 1987. Vol. 11.

⁷⁶ *Bennigsen A., Borataş P. N., Desai D., Lemercier-Quelquejey Ch.* Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı. Paris; The Hague, 1978. Ср.: [77. С. 500—528].

⁷⁷ *Ostapchuk V.* The Publication of Documents on the Crimean Khanate in the Topkapı Sarayı: New Sources for the History of the Black Sea Basin // *Harvard Ukrainian Studies.* Cambridge; Mass., 1984. Vol. 6. No 4.

⁷⁸ *Berindei M., Veinstein G.* L'Empire Ottoman et les pays roumains 1544—1545: Etude et documents. Paris; Cambridge, Mass., 1987. (Documents et recherches sur le monde byzantine, néohellénique et balkanique. 14. Studies in Ottoman Documents Pertaining to the Ukraine and the Black Sea Countries. 1).

⁷⁹ *Inalcık H.* The Customs Registres of Caffa Dated 1486—1490 A. D. Cambridge, Mass. (Harvard Series in Ukrainian Studies. 17).

⁸⁰ *Благова Г. Ф.* Двенадцатое пленарное заседание Советского комитета тюркологов // *Сов. тюркология.* 1986. № 3.

⁸¹ Резолюция XII пленума Советского комитета тюркологов. Нальчик, 14 мая 1986 г. // Там же.

⁸² *Вельяминов-Зернов В. В., [Файзаханов Х.]* Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. Спб., 1864.

⁸³ *Фиркович А.* Сефер Авне-зикрон: Сборник надгробных еврейских надписей на Крымском полуострове. Вильна, 1872.

⁸⁴ *Дашкевич Я. Р.* О создании корпуса древнерусских сообщений, посвященных тюркским народам // *Сов. тюркология.* 1984. № 6.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

К. М. МУСАЕВ

О ПРОБЛЕМАТИКЕ ДИССЕРТАЦИЙ, ЗАЩИЩЕННЫХ
ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ» (1986—1988)

Обзор диссертаций по тюркским языкам показывает многообразие их тематики и проблематики, а также их научную и практическую значимость. Их нельзя втиснуть в единые рамки или схемы, эти работы выполнены в разных регионах и защищены также в разных местах. С одной стороны, это неплохо, но вместе с тем очевидно отсутствие единого планомерного подхода, не заметно определения приоритетов при разработке лингвистических проблем для каждого региона, республики, нет и тюркологического «космического корабля», в построении которого принимали бы участие если не все, то многие из большой армии тюркологов Советского Союза. Несмотря на то, что специальность называется «Тюркские языки», диссертации в основном написаны по материалам конкретных тюркских языков, и редко встречаются работы, охватывающие материалы разных тюркских языков.

Усилиями современных лингвистов накоплено множество различных методик и приемов исследования, что получает отражение и в диссертациях по тюркским языкам. В ряде работ используются разнообразные методы — даже при разработке вопросов какой-либо конкретной грамматической категории по материалам разных тюркских языков, что трудно оценить однозначно и что свидетельствует в конечном счете о сложном характере такого явления, как язык.

Расширяется тематика диссертационных исследований. В своем огромном большинстве диссертации представляют собой работы описательного характера. Впрочем, если принять на веру то, что говорится в диссертационных предисловиях и введениях, то можно подумать, что исследования эти сплошь открывают новые теории в языкознании. Однако научные и теоретические положения многих из них суть повторение уже известных наблюдений, сделанных на материале других языков — как родственных, так и неродственных, новым в них, по существу, является материал исследования.

Почти отсутствуют диссертации, в которых бы отчетливо ставилась та или иная дискуссионная проблема. Объясняется это просто: обсуждение жгучей проблемы нередко препятствует получению ученой степени, которая в большинстве случаев и является главной целью соискателя (а вовсе не поиск истины). Необходимо повернуть диссертации лицом к актуальным проблемам, а не к темам. Вопрос этот сложный, требующий специального рассмотрения.

При обилии диссертаций, посвященных описанию строя конкретного тюркского языка, отсутствуют работы по истории тюркских языков и их

контактам, по актуальным проблемам литературного языка и его нормы, по вопросам функционирования тюркских языков, культуры речи и т. д.

Докторские диссертации

«Урожайным» оказался раздел синтаксиса тюркских языков — из 6 защищенных диссертаций половина посвящена проблемам словосочетания, 3 защищены по казахскому языку.

Хотя синтаксис тюркских языков, в особенности синтаксис словосочетания, считается достаточно разработанным, исследования показывают, что, во-первых, вопросы словосочетания разрабатывались в основном исходя из схем индоевропейских языков, в которые по мере накопления исследований не умещается тюркский материал, во-вторых, в связи с усилением внимания в лингвистике к проблемам семантики и в тюркском синтаксисе вопросам семантики стали уделять большее место. Теперь исследования вместо подгонки тюркского материала под схему достаточно изученных индоевропейских языков стали проводить на базе анализа большого фактического материала живых тюркских языков и их памятников, что дает возможность смотреть на тюркские языки как бы изнутри самих этих языков. Это относится и к другим разделам строя тюркских языков. Одним из подобных исследований является диссертация Т. Конырова «Компаративные конструкции в системе современного казахского языка», в которой раскрывается лингвистическая природа семантической категории сравнения, выявляется ее специфика в образовании структурных типов и семантики на базе большого материала, извлеченного путем сплошной выборки и применения ряда методов: статистического, моделирования и анализа по непосредственно составляющим. Это позволило автору описать целостную систему образования сравнительных конструкций, дать «инвентарный перечень» способов выражения сравнения (всего около 40 способов). Эта работа, опубликованная в виде монографии, уже оказывает добрую службу многим специалистам по словесности как учебное пособие.

Синтаксическим проблемам посвящена и диссертация А. Аблакова «Словосочетания, образованные способом управления в казахском языке». Наряду со всесторонним раскрытием сущности категории управления в современном казахском языке, здесь, в отличие от предыдущей работы, большое значение придается историческому аспекту, сделана успешная попытка проследить историю развития глагольного управления в тюркских языках и в казахском языке в частности. В работе выявлены основные пути формирования и развития именного управления, определена сущность сильного и слабого управлений, выделяемых в тюркских языках, показаны характерные особенности, свойственные словосочетаниям, образуемым отдельными семантическими группами глаголов, определено значение залога в процессе глагольного управления. Автор по-своему устанавливает зыбкие границы между управлением и примыканием — вопрос, и поныне вызывающий дискуссии в тюркологии. Эта работа, опубликованная в качестве учебного пособия для филологических факультетов, способствует более углубленному пониманию синтаксических закономерностей казахского языка.

Категория предикативности в тюркских языках до сих пор не находит однозначной трактовки. Хотя о ней говорится в многочисленных учебных пособиях, в разделах научных грамматик, пока что не было предпринято систематического показа ее сущности ни в общетюркском плане, ни на материале отдельного тюркского языка. Вопрос о семан-

тической природе и структурных особенностях предикативного отношения в предикативных сочетаниях на материале татарского языка разработан Р. Г. Сибагатовым в работе «Теория предикативности (на материале татарского языка)». Путем использования комплекса методики: функционально-семантической, компонентного анализа, семантического и структурно-грамматического моделирования, лингвистического экспериментирования и других сделана попытка создать принципиально новое научное представление о семантической и структурной сущности категории предикативности применительно к строю тюркского предложения. Необходимо отметить, что широкое употребление таких понятий, как «тюркский строй предложения», «тюркская предикативность», не должно скрывать от нас ярко выраженной специфики, свойственной каждому из тюркских языков.

Проблемы синонимии словосочетаний и предложений получили разработку в диссертации М. С. Сергалиева «Синонимия синтаксических конструкций в современном казахском литературном языке», в которой построена классификация синтаксических конструкций, охарактеризованы стилистико-функциональные их особенности. Работа базируется на синхронно-описательном и структурно-семантическом сопоставительном методах, что позволяет автору отграничить синтаксический синоним от сходных с ним языковых явлений, выявить основные критерии синонимичности, провести соответствующую классификацию объекта и дать ему характеристику. Работа уже используется в вузах республики в качестве учебного пособия по вопросам стилистики казахского языка.

До сих пор в тюркологии остаются малоосвещенными проблемы сложного предложения тюркских языков, хотя по сравнению с другими разделами строя тюркских языков их можно считать даже более разработанными. Здесь возникает много проблем по поводу характеристики сложноподчиненного предложения, вокруг которого в тюркологии продолжаются дискуссии (относительно критериев выделения придаточного предложения). Эти проблемы затрагиваются в диссертации Н. К. Турниязова «Синтаксическая деривация гипотаксиса в современном узбекском языке». Применяя современные синтаксические теории, автор исследует гипотаксис на деривационном уровне, рассматривая синтаксическую деривацию в качестве реализации языка в коммуникационном процессе, как это делают многие синтаксисты, считающие, что порождение деривации всегда взаимообусловлено паралингвистическими факторами. Хотя многие понятия облечены в новую терминологию, в работе в основном речь идет об уже известных категориях и явлениях. Это объясняется, по-видимому, тем, что автор применяет общий описательный метод, правда, иногда стремясь совместить его и с иными методами, в том числе транспозиции, синтаксической синонимии, непосредственно составляющих. В этой работе, как и в ряде других современных публикаций, наблюдается модное стремление излишне теоретизировать по поводу уже известных явлений.

В серию синтаксических работ включается и диссертация Н. Нартыева «Строй сложного предложения в современном туркменском языке», представляющая собой монографическое исследование как сложноподчиненного, так и сложносочиненного предложения. Эта диссертация отражает неравномерный характер изученности отдельных разделов строя тюркских языков, в том числе и синтаксиса. Если в ряде тюркских республик докторские диссертации посвящаются отдельным, более узким проблемам строя языка, то в Туркмении туркменский язык в целом, несмотря на то, что это — язык союзной республики, продолжает

оставаться малоисследованным тюркским языком Советского Союза. Этим в некоторой степени можно объяснить подобную широту темы диссертации. Естественно, подобная широта не всегда позволяет углубленно разрабатывать отдельные стороны объекта. Работа Н. Нартыева ценна тем, что по ней можно составить целостную картину синтаксиса сложного предложения — как сложноподчиненного, так и сложносочиненного — в туркменском языке. Однако в теоретическом плане диссертация дает мало что нового, хотя в ней и сделаны попытки нетрадиционно интерпретировать сущность сложноподчиненного предложения (вопрос о сложносочиненном предложении в туркменоведении, как и в тюркологии в целом, не вызывает особых дискуссий), определить критерии различения сложноподчиненных предложений от простых предложений с развернутыми членами (развернутыми оборотами) предложения, выявить некоторые характерные особенности, отличающие сложноподчиненное предложение от сложносочиненного. Главный результат годобной работы, посвященной широкой теме, в том, что она восполняет заметный пробел в научном описании туркменского языка и служит ценным пособием для студентов и преподавателей, основой при составлении учебников для педагогических училищ и школ.

Проблемы развития и формирования литературного языка получили разработку в работе Э. М. Алибейзаде «Основные направления в развитии азербайджанского литературного языка XVIII—XX веков». На базе анализа языка произведений виднейших мастеров слова указанного периода прослежены процессы функционального и структурного развития азербайджанского литературного языка, формирования стилей, связанных с развитием разных жанров. Это цельная комплексная работа, в которой, среди прочего, анализируются борьба за чистоту и самостоятельное развитие азербайджанского языка, определяются источники и основы формирования азербайджанского печатного языка и его стиля, освещаются вопросы зарождения и развития азербайджанского драматургического и прозаического языка и стиля, проблемы письменности и развития литературного языка, научного и публицистического стиля. Подобные работы, при всей своей необходимости, чреватые для автора опасностью соскочить на рельсы публицистики и литературной критики. Этого не избежал и автор данной диссертации, в которой не все вопросы трактуются с одинаковой степенью глубины. Но, несмотря на недочеты, работы этого типа полезны, они могут послужить учебным пособием по истории литературного языка, способствовать исследованию в дальнейшем в более углубленном плане сложных, дискуссионных проблем.

На стыке диалектологии и проблем литературного языка написана работа М. С. Воронкина «Диалектная система якутского языка: взаимодействие с литературным языком и структура». Это первое монографическое исследование, в котором исследованию подвергнута, в ее историческом развитии, вся диалектная система якутского языка. Ввиду того, что последний относится к числу малоисследованных тюркских языков, такой широкий подход к языковым явлениям представляется закономерным. В работе показаны специфические условия образования диалектной системы якутского языка и существующих местных говоров. Классифицирована и детально исследована структура диалектной системы, путем экспериментального анализа выявлены интонационные особенности говоров. Эти новые наблюдения над диалектными особенностями фонетики, лексики, несомненно, будут полезны для разработки проблем сравнительной и сравнительно-исторической грамматики тюркских языков, для этимологических изысканий тюркологов. Кроме того,

этот труд явится добротным учебным пособием по якутской диалектологии.

Впервые в общетюркском плане исследованы проблемы составления толковых словарей тюркских языков в диссертации Ж. М. Гузеева «Основы составления толковых словарей тюркских языков». Актуальность разработки этой темы заключается в том, что сейчас уже опубликованы первые толковые словари ряда тюркских языков, для многих других тюркских языков впервые составляются или планируется составление национальных толковых словарей. Большинство опубликованных словарей разработано с опорой на принципы составления толковых словарей неродственных языков, что во многом негативно отражается на качестве этих изданий. Поэтому обобщение опыта составления толковых словарей, определение теоретических принципов их разработки, несомненно, улучшат положение в тюркской толковой лексикографии (принципы составления двуязычных тюркско-русских словарей убедительно обоснованы А. А. Юлдашевым [1]). В упомянутой диссертации на основе обобщения накопленного за сто лет опыта получили подтверждение многие используемые ныне принципы, дан ответ на ряд дискуссионных вопросов и предложены пути решения многих проблем составления толковых словарей применительно к тюркским языкам.

В диссертации М. Ф. Чернова «Фразеология современного чувашского языка» сделана попытка установить дифференциальные признаки фразеологизма в отличие от других типов словосочетаний, определить его сущность, показать структурные, семантические и функциональные особенности фразеологизмов. Однако основные достижения автора связаны не с теоретическими обобщениями, а с показом целостной картины состава фразеологизмов современного чувашского языка, их классификацией, определением структурных, семантических особенностей, рекомендациями по составлению фразеологического словаря. Труд также с пользой может быть использован в преподавательской работе вузов, при чтении спецкурсов, в писательском труде.

В Азербайджане начаты работы по сравнительно-историческому изучению юго-западной, или огузской, группы тюркских языков, в которую входит и азербайджанский язык. Две диссертации, выполненные азербайджанскими лингвистами, разрабатывают проблемы сравнительно-исторической фонетики и сравнительно-исторической морфологии. В работе М. И. Юсифова «Сравнительная фонетика тюркских языков огузской группы» на базе сравнительного анализа фонетических систем азербайджанского, туркменского, турецкого и гагаузского языков сделана попытка выявить систему закономерных фонетических связей этих языков, определить перспективы фонетического развития каждого из них в отдельности. В ней выявлены системные связи единиц фонетической сегментации, определены особенности фонетической дифференциации и развития языков огузской группы, предложен ряд приемов сравнительного изучения фонетических систем отдельной группы родственных языков. Вместе с тем следует отметить, что автор не ставит задачу реконструировать систему огузского праязыка, что должно было бы явиться главной целью подобных исследований. Другая работа—«Семантические принципы порядка компонентов парных слов в тюркских языках юго-западной группы» К. Т. Рамазанова—ставит целью выявить семантические закономерности порядка компонентов парных слов в данной группе языков, т. е. здесь также не предпринимается попытка реконструировать праформы или прасемы. В таком случае неясным остается выбор группы языков; с таким же или, возможно, с большим успехом

можно было бы сопоставить парные слова азербайджанского языка со словами иранских языков, в частности с парными словами персидского языка и т. д. На деле же диссертация в основном базируется на материале азербайджанского языка и в ней анализируются такие вопросы, как определение границ между парными словами и однородными членами предложения, акцентуация и правописание парных слов, характер взаимоотношения их компонентов. Таким образом, это одна из работ, посвященных парным словам в тюркских языках, но с охватом материалов близкородственных языков. Ранее ряд диссертаций на эту тему был выполнен на материале одного тюркского языка.

Морфологическому строю тюркских языков посвящены две диссертации из Азербайджана. Одна из них — работа Дж. Шукюрова «Фономорфологическое развитие и семантика служебных частей речи в старом азербайджанском языке» — представляет собой вторую докторскую диссертацию, посвященную вопросам служебных слов в азербайджанском языке (первая — диссертация Ф. Р. Зейналова «Служебные части речи в азербайджанском языке»). Автор подверг анализу служебные части речи в письменных памятниках азербайджанского языка и проследил историю их образования, фонеморфологическое развитие, семантические особенности. В работе анализируются и вопросы синтаксиса, связанные с функционированием союзов; например, показаны модели союзных предложений, возникших на почве азербайджанского языка под влиянием других языков. Приводится и немало известных сведений о характере служебных частей речи, новым же являются наблюдения над историей служебных частей речи. Диссертация Г. И. Мирзоева «Категория переходности/непереходности в современном азербайджанском языке», как явствует из ее названия, посвящена монографическому изучению этого явления на примере одного языка. По поводу данной категории в тюркологии написано немало. В диссертации отчасти по-новому рассматриваются такие вопросы, как бинарность, упорядоченность глагольных категорий, роль аффиксального глаголообразования в выражении названных категорий.

Ряд тюркских языков малочисленных народов до сих пор оставался вне поля зрения ученых. Двум таким языкам А. Н. Гаркавец посвятил свою диссертацию «Развитие структуры тюркских языков в иноязычном окружении (на материале урумского и армяно-кыпчакского языка)», в которой рассматривается историческое развитие структуры островных тюркских языков при массовом двуязычии. В работе прослеживается взаимодействие тенденций саморазвития и межъязыкового, и междialeктного влияния в истории названных языков, описаны исторические инновации в строе этих языков, разработана классификация урумских говоров Северного Приазовья, уточнена также классификация новогреческих говоров региона. В связи с данным исследованием возникают новые задачи по сохранению и исследованию языка урумов.

За три года по специальности «Тюркские языки» защищено 15 докторских диссертаций. Это немного, если учесть множество тюркских языков в СССР (25) и слабую их изученность, острый недостаток высококвалифицированных лингвистов в тюркских республиках и областях. Докторскими диссертациями охвачено всего 10 языков.

Таким образом, из 15 работ только одна посвящена общим вопросам тюркских языков, две — сравнительному изучению группы тюркских языков. В остальных рассматриваются те или иные проблемы конкретных тюркских языков. Количественно много диссертаций защища-

стся по азербайджанскому языку, вместе с тем следует думать о повышении качества исследований, их теоретического уровня.

Кандидатские диссертации

Ряд диссертаций посвящен анализу на описательном уровне фонетического строя тюркских языков или его разделов. Н. В. Гаврилин описал строй гласных фонем почти неизученного тюркского языка малочисленного народа в работе «Система фонем в языке бачатских телеутов». Диссертация представляет собой первый опыт экспериментального исследования фонетики названного языка, в ней установлено количество гласных фонем, определены их качественные и количественные конструктивно-дифференциальные признаки. Введение в оборот тюркологических штудий нового языка — главное достижение этой работы, позволяющее расширить зону сравнительно-исторических, диалектологических исследований по тюркским языкам. Диссертация С. К. Меирбековой «Комбинаторные свойства согласных (на материале сочетаний согласных в словах казахского языка)» способствует определению закономерностей синтагматики фонем и выявлению сочетаемостных тенденций согласных фонем, действующих на современном этапе развития казахского языка. В работе сформулированы правила сочетаемости согласных фонем и ограничения, накладываемые системой языка, что должно послужить более углубленному изучению современного казахского языка.

По экспериментальной фонетике казахского языка защищены две диссертации: «Фонетическая структура слога в казахском языке (экспериментально-фонетическое исследование)» З. У. Утебаевой и «Проблемы ударения в изолированных словах и во фразе (экспериментально-фонетическое исследование)» А. А. Есентемировой. В них подтверждаются существующие взгляды на природу слога и ударения в казахском языке, выявляются параметры, характеризующие структуру слога, анализируются спорные и нерешенные вопросы тюркской акцентуации, критически оценивается существующая теория акцентной организации казахского слова; в работах также получены и описаны долготные, слоговые, тональные и спектральные характеристики исследуемых слов. Ритмомелодика предложения в экспериментальном плане исследована О. Ф. Герцог в диссертации «Ритмомелодика простого предложения теленгитского диалекта алтайского языка (экспериментально-фонетическое исследование)». Это первое исследование ритмомелодики малоизученного алтайского языка — его диалекта. В работе установлен реестр ритмомелодических конструкций, по моделям которого оформляется ритмомелодика простого предложения трех основных коммуникативных типов. Выявлена взаимосвязь лексико-грамматических и ритмомелодических показателей. В целом эти диссертации свидетельствуют о расширении экспериментально-фонетических исследований, что связано с улучшением технического оснащения ряда лабораторий в разных регионах Союза. К фонетическим и фонологическим исследованиям звукового строя тюркских языков примыкает и диссертация Дж. А. Рахманова «Статистико-дистрибутивный анализ азербайджанского текста (на уровне графем и морфем)», в которой проведено статистическое и дистрибутивное описание названных единиц в текстах и словарном составе языка, разработаны алгоритмы автоматического слоگوотделения и вычисления слоговой глубины словформ.

Анализ диссертаций по фонетике показывает, что по-прежнему в стороне остаются проблемы фонологии.

По морфологической структуре тюркских языков защищено немало

диссертаций. Три диссертации посвящены описанию категории склонения, среди них первое исследование падежных систем долганского языка — «Падежные системы языка долган» Н. М. Артемьева. Эта работа вводит новый материал в сравнительное исследование тюркских языков. Категория склонения в тюркских языках относится к числу достаточно изученных. Это можно сказать и о чувашском языке, на материале которого защищена В. А. Андреевым диссертация на тему: «Категория склонения в чувашском языке». В работе на основе системно-семантического подхода к изучению падежей сделана попытка разграничения семантических и синтаксических сторон падежных форм и разделения чувашских падежей на две группы, установлены новые связи и отношения между грамматическими формами. В сходном ключе выполнена диссертация Ф. А. Рагимбековой «Семантика падежей имен существительных в современном азербайджанском языке», в которой затронута также морфологическая и синтаксическая проблематика, достаточно основательно разработанная в тюркологии, как, например, и категория числа. К анализу последней вновь обратилась А. Х. Гасанова в работе «Категория числа в современном азербайджанском языке». Цель исследования, сформулированная автором: «выявление грамматической сущности категории числа в современном азербайджанском языке, определение места категории числа в современном азербайджанском языке, определение места категории числа в грамматическом строе языка, анализ морфологических, лексико-семантических средств выражения категории числа», — давно достигнута как в тюркологии, так и в азербайджановедении. И тут системно-структурный подход вносит очень мало нового.

В ряде диссертаций рассматриваются грамматические категории глагола. «Категории залога в тувинском языке» К. Б. Куулар — первое монографическое исследование на данном материале; именно новый материал и составляет ценность работы, от которой трудно ждать теоретические новинки. «Категория лица глагола в казахском языке» описана Ж. Садуахасовым подробно, в работе исследованы синтаксические и семантические особенности субъективно-личных отношений, выражаемых категорией лица казахского глагола как одного из компонентов предикативности. Эта категория также достаточно исследована в тюркологии на материале разных языков. То немногое, что дает диссертация, — это описание контекстуальных и ситуативных значений субъективно-личных отношений в условиях конкретного высказывания. Шорский язык, на материале которого написала свою диссертацию И. В. Шевцова («Выражение видовых значений глагола в шорском языке»), относится к числу малоизученных. Автор придерживается семантического критерия в определении категории вида, относительно которой в тюркологии и сегодня ведутся дискуссии; в работе определены средства выражения видовых значений на разных языковых уровнях, исследованы семантика, структура, механизм образования глагольных сочетаний с видовыми значениями, проведен семантический анализ глагольной лексики шорского языка. Работа вводит новый материал для разработки проблем сравнительно-исторического изучения тюркских языков. В диссертации Б. И. Бархударова «Аналитические глагольные конструкции в письменных памятниках азербайджанского языка» трудно обнаружить новые теоретические идеи; к аналитическим глаголам автор, как и другие тюркологи до него, относит те, в которых оба компонента выражены глаголом, так что знаменательный глагол составляет семантический центр, а вспомогательный — грамматический центр. Новое здесь — материал памятников азербайджанского языка. К числу

достаточно исследованных в тюркологии относятся такие категории, как прошедшее время индикатива, причастие прошедшего времени. Этим темам посвящены диссертации Ж. К. Туймебаева «Прошедшее время индикатива в казахском языке» и Г. Г. Филиппова «Причастие будущего времени на *-yax* и форма на *-ya* в якутском языке». В них даются синхронное описание и анализ функционально-семантических особенностей исследуемых форм.

Расширяются исследования по семантическому синтаксису тюркских языков. Особенно «повезло» конструкциям, выражающим временное значение. Им посвящены работы С. Н. Абдуллаева «Темпоральные конструкции уйгурского языка (в сопоставлении с тюркскими языками Сибири)», Т. Н. Боргояковой «Способы выражения временных отношений между двумя событиями в современном хакасском языке», Т. П. Филистович «Полипредикативные конструкции с темпоральной зависимой частью в тюркских языках Южной Сибири (на материале алтайского языка в сопоставлении с тувинским и хакасским)». Все они выполнены в Новосибирске, где специалисты по индоевропейским языкам переквалифицируются в тюркологов. В этих диссертациях выявляются, исследуются и описываются многие структурные и функционально-семантические типы темпоральных конструкций языков сибирского региона. Для тюркологов других регионов подобные работы еще кажутся узкими по своей тематике, поскольку в тюркологии много нераспаханных широких полей, а названные и подобные им темы навеяны трактовкой лингвистических проблем в индоевропеистике. По методу и духу исполнения к перечисленным работам близка и диссертация М. В. Оюн «Определительные конструкции в тувинском языке», где проведены описания и систематизация структурных и семантических типов полипредикативных конструкций. Сочетание традиционного описательного метода с приемами структурно-семантического подхода, компонентного анализа характерно для таких диссертаций по синтаксису тюркских языков, как работы М. М. Юлдашева «Синонимия изъяснительных конструкций в узбекском языке» и М. М. Байрамова «Инверсия в современном азербайджанском языке», в которых описываются достаточно разработанные в тюркологии темы, что не мешает, впрочем, освещению новых граней известных явлений.

В работе Т. Т. Аяповой «Развитие синтаксиса речи детей (на материале казахского языка)» рассматриваются становление и развитие синтаксиса речи детей в возрасте от одного года до четырех лет. Эта работа выполнена на стыке психолингвистики и описательной лингвистики синтаксиса, что представляет собой новое направление в казахском языкознании, связанное с анализом онтогенеза речевой деятельности. Весьма интересно сравнение синтаксиса детской речи с синтаксисом древнетюркских памятников, выявляющее любопытные параллели.

В диссертациях по проблемам тюркской лексикологии, в основном исследуются различные лексико-семантические или тематические группы. Эти работы — разные по своему характеру. В одних ставится широкая ономастиологическая задача, другие ограничиваются классификацией и выделением подгрупп, описанием их значения, иные напоминают переводной или толковый словарь, в них почти не встречаются теоретические обобщения. В работах Л. М. Зайнуллиной «Ономастиологическое исследование лексики пчеловодства в башкирском языке», Р. А. Бейбутовой «Стратификация киргизской военной лексики досоветского периода» большое внимание уделяется проблеме мотивации наименований. В диссертациях Р. Н. Шойбекова «Лексика ювелирного искусства в казахском языке», М. Ержанова «Лексико-семантиче-

ская группа слов, описывающая внешность человека (структурно-семантическая характеристика прилагательных и адъективированных существительных в казахском языке)» дается подробная характеристика исследуемых слов и реалий, ими обозначаемых; эти работы насыщены этнографическими сведениями. Подобные исследования, обогащенные наблюдениями над мотивирующими признаками, принесли бы, несомненно, больше пользы. В работе В. И. Лиханова «Эмоционально-оценочные и экспрессивные слова в якутском языке» анализируются две тематические группы слов, объединенные механически (функции и семантика этих групп значительно отличаются друг от друга), поэтому методика автора не представляется целесообразной.

В связи с развитием современной цивилизации многие слова, целые тематические группы или лексика целых отраслей исчезают или исчезли бесследно. И это ставит перед филологами задачу в срочном порядке зафиксировать их и подвергнуть научному изучению. Подобного рода целевая установка присуща диссертации Н. А. Яимовой «Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке», в которой проведено комплексное монографическое описание реликтов табуированной лексики — женского и охотничьего лексикона алтайского языка, принципов замены их эвфемизмами, исследование эвфемизмов, еще сохранившихся у алтайцев.

Три диссертации посвящены вопросам исторической лексикологии. Ж. А. Манкеева в работе «Реконструкция „мертвых“ корней в структуре глагольных основ казахского языка» выделяет и исследует «мертвые» корни в составе двусложных глагольных основ, образующих в казахском языке около 35 словообразовательных моделей и насчитывающих более тысячи единиц. На базе изучения функционально-семантических особенностей глаголообразующих моделей сделана попытка историко-этимологической реконструкции «мертвых» корней по производящим основам, установления причин и описания процессов семантического затемнения производящих корней и основ.

В связи с развитием общества одни слова, когда-то имевшие высокую частотность употребления, устаревают и выходят из употребления вместе с реалиями, которые они обозначали. Эта категория слов также нуждается в изучении, и можно с сожалением отметить, что она, как правило, не привлекает особого внимания лингвистов. А ведь эта категория слов отражает исторический быт, способ мышления, ценностные приоритеты в ту или иную эпоху. В этом отношении заслуживает внимания диссертация А. Жалилова «Лексико-стилистические особенности устаревших слов в романах Тугельбая Сыдыкбекова», в которой выявлено множество устаревших в современном киргизском языке слов, а также описаны лексико-семантические и функционально-стилистические особенности выделенных архаизмов, историзмов и хронизмов, классифицированных по тематическому принципу, составлен словарь этой группы слов в языке Т. Сыдыкбекова. Б. О. Баймухановым же в диссертационном исследовании «Интернациональная и русская лексика в языке казахской советской художественной литературы» показано, как глубоко проникли в язык казахской литературы интернациональные слова, гришедшие туда через посредство русского языка и русские слова, непосредственно заимствуемые казахским языком. Эти слова, когда-то являвшиеся неологизмами, теперь уже воспринимаются носителями языка как неотъемлемые элементы национальной лексики. Классификация заимствований показывает главные сферы проникновения интернационализмов и русизмов.

В связи с активной разработкой проблем семантики в современной

лингвистике больше внимания уделяется анализу метафорических средств языка и речи. Тюркология в этом отношении пока находится в числе аутсайдеров. По этой проблематике защищена одна диссертация — «Метафора в современном азербайджанском языке» А. Р. Ганбарова, где сделана попытка комплексного исследования метафоры на материале азербайджанского языка, выявлены лексико-семантические, грамматические и семантико-стилистические особенности метафоры и метафоризации.

Проблемы фразеологии также относятся к числу тех, которым уделяется недостаточно внимания. Защищена одна диссертация — А. П. Назарова — на тему: «Художественно-функциональные основы экспрессивности фразеологических единиц (на материале киргизского языка)», в которой выявлены важнейшие лингвистические факторы, средства и приемы создания фразеологической экспрессии в киргизском языке. Думается, что эта работа может побудить тюркологов выйти на новый уровень изучения фразеологии, поскольку исследования в этой области до сих пор имели сугубо эмпирический, описательный характер.

В связи с созданием национальной терминологической системы во многих тюркских языках, в особенности же в языках союзных и автономных республик, все более возрастает потребность в научном изучении проблем терминологии. Терминология на тюркских языках в советское время создавалась, как правило, наспех, без координирующего научного центра, что отрицательно сказалось на результатах проделанного труда. Поэтому актуальным является научное изучение тюркской терминологии, на основе которого можно было бы дать продуманные практические рекомендации по созданию и совершенствованию терминологических систем тюркских языков. Да и исследование народных терминов, во многом забытых или полузабытых, также имеет как научную, так и практическую ценность. Несмотря на то, что филологические терминологические системы в тюркских языках в общем формировались на довольно раннем этапе их функционального развития, есть еще языки, в которых этот процесс находится на стадии развития и сопровождается немалым числом проблем. Здесь следует отметить, к примеру, терминологическую систему уйгурского языка в Советском Союзе, имеющего свои отличия от уйгурского языка Синьцзянского района Китая, где живет основная масса уйгуров. В диссертации Г. И. Семятовой «Формирование филологических терминов в современном уйгурском языке» выявлены модели формирования указанных терминов на словообразовательном и грамматическом уровнях, определены способы и источники формирования терминов в данной отрасли, показаны специфические различия в фонеморфологическом оформлении филологических терминов в языке советских и синьцзянских уйгуров, а также выработаны конкретные рекомендации по упорядочению данной отрасли уйгурской терминологии. Другая диссертация по филологической терминологии защищена на материале языка, который, будучи языком крупной союзной республики, имеет уже оформленную терминологическую систему. В работе С. М. Кулиевой «Формирование и развитие литературоведческой терминологии в азербайджанском языке» исследуется процесс эволюции данной терминологической системы, выявляются, как и в других подобных работах, структурные и лексико-семантические особенности терминов. Защищены работы и по другим отраслям терминологии в казахском и киргизском языках. Это диссертации К. Г. Аяпбергенова «Истоки формирования и развития медицинской терминологии в казахском языке», К. Т. Оспанова «Лексико-грамматические способы образования химических терминов в современном

казахском языке», в которых осуществлены систематизация и классификация выявленного материала, устанавливаются основные источники образования терминов, показаны грамматические модели их образования, предложены меры по совершенствованию терминологии данных отраслей. Народные термины получили разработку в диссертации М. А. Юсуповой «Киргизские народные термины материальной культуры (на материале ворсового, безворсового ткачества и войлочных изделий)», где на основе большого количества этнографической профессиональной терминологии в современном киргизском языке определен морфологический состав исконно киргизского слоя терминов. Эта работа полезна как для этнографов, так и для историков.

В некоторых диссертациях рассматриваются вопросы тюркской ономастики. В работе И. В. Дрона «Современная топонимия гагаузского региона Молдавии» впервые вводится в научный оборот обширный тюркский пласт в топонимии Молдавии, а также выявляются закономерности в наименовании, структуре, семантике и стратиграфии гагаузских и других тюркских топонимов региона. Е. А. Керимбаев в работе «Лексико-семантическая типология оронимов Казахстана» выявляет основные лексико-семантические группы оронимов Казахстана, показывает различные экстралингвистические факторы, повлиявшие на становление и развитие оронимии данного региона. И. Ю. Джафаров в диссертации «Азербайджанские этногидронимы тюркского происхождения» классифицирует этногидронимы по лексическим и семантическим признакам, приводит свидетельства об участии в формировании азербайджанской топонимии ряда предполагаемых тюркских племенных языков. Работы по топонимике в целом выполняются по определенной схеме: лексико-семантическая классификация, описание значения, структуры. К сожалению, в них редко рассматриваются, а большей частью и вовсе не ставятся вопросы исторических или доисторических взаимосвязей языков и народов, авторы в основном ограничиваются описанием структуры и семантики топонимов. Необходимо нацелить исследования на анализ историко-лингвистической проблематики. Больше следует писать диссертаций по проблемам, а не «по территориям».

По тюркской антропонимике защищены две работы. А. А. Боронов сосредоточил свое внимание на анализе «Антропонимии в киргизском героическом эпосе „Манас“». Значение эпоса «Манас» для истории, культуры, языка киргизского народа велико, поэтому любое квалифицированное исследование этого памятника, безусловно, будет полезно и для других отраслей тюркологии. При разработке вопросов истории тюркских языков и их взаимодействия с другими языками в домонгольский период ценными окажутся материалы диссертации Ч. М. Гусейнзаде «Тюркская антропонимия в средневековых арабоязычных письменных памятниках до XIII в.», в которой в научный оборот вводится множество древних тюркских антропонимических форм и моделей, что способствует лучшему пониманию истории тюркской антропонимии. В диссертациях аккумулировано множество фактов, наблюдений, которые ждут обобщения.

В современных условиях, когда помимо родного языка в национальных республиках расширяется изучение второго и третьего языка, возрастает значение сопоставительных (контрастивных) лингвистических исследований. Защищено много диссертаций, трактующих вопросы сопоставительного изучения конкретного тюркского и английского (преимущественно), а также русского (в меньшей степени) языков. Эти ра-

боты охватывают почти все уровни языка. По сопоставительной фонетике защищены две диссертации — исследования Э. И. Мирзоева «Просодический анализ вокативных единиц английского и азербайджанского языков» и Ф. Г. Гусейнова «Фонетические характеристики шумных щелевых согласных (экспериментально-фонетическое исследование на материале английского и азербайджанского языков)». Эти работы выявляют дополнительные свойства известных явлений в сопоставляемых языках, они будут полезны при преподавании английского языка азербайджанцам, что широко практикуется, и в процессе преподавания азербайджанского языка англоязычной аудитории, что пока встречается редко. В научном же плане подобные работы пока дают очень мало, поскольку описываемые в них языковые явления относятся к числу достаточно изученных.

Сопоставительное изучение грамматики, морфологии и синтаксиса проводится в двух диссертациях: в работе Н. А. Кенешбековой «Сопоставительно-типологический анализ причастия киргизского и русского языков», в которой выявлены сходства и различия в грамматической структуре сопоставляемых языков, и в исследовании М. М. Нураддинова «Парадигматика двусоставного предложения в современном английском и азербайджанском языках (на материале копулятивных конфигураций)», где сделана попытка системно представить парадигму предложения и его конструктивного уровня и выявлена парадигма копулятивных предложений в двух языках. Помимо практических целей преподавания языков, подобные работы могут быть использованы и при типологических исследованиях разносистемных языков.

Сопоставлению лексики разносистемных языков посвящены диссертация В. И. Исмаиловой «Семантические особенности коллоквиальной лексики английского языка (в сопоставлении с азербайджанским языком)», в которой выявляются общие закономерности коллоквиальной лексики, устанавливаются межъязыковые соответствия и соотношения их семантических объемов, и работа М. Т. Тезекбаевой «Лексическая интерференция казахского языка в русской речи казахов-билингвов», где на основе исследования речи информантов создана модель лексико-семантической интерференции, выявлены данные о потенциальной и фактической интерференции, зависящей от видов речевой деятельности билингвов и их социально-демографических характеристик. Последняя диссертация может быть полезной при обучении русскому языку не только казахов...

Сопоставительное исследование затронуло и область фразеологии. Тема работы А. Е. Тажмуратовой «Межъязыковая идиоматичность в сфере фразеологии и проблемы русско-казахской фразеологии» сформулирована столь широко, что это, как можно было предвидеть заранее, помешало автору достигнуть соответствующей глубины исследования. Г. А. Рагимов защитил диссертацию на тему: «Сопоставительное исследование английских и азербайджанских глагольных фразеологических единиц с именными компонентами, обозначающими части человеческого тела». В работе изучаются валентные свойства соматических глагольных фразеологизмов в сопоставляемых языках, определяется их сочетаемость. Указанные диссертации в целом должны сослужить службу при составлении двуязычных фразеологических словарей и переводе художественного текста.

Проблемы художественного перевода обретают в настоящее время особую актуальность. В ряде диссертаций рассмотрены вопросы перевода с русского и английского языков на азербайджанский язык. Д. С. Мехтиева в работе «Лексико-фразеологические и синтаксические

проблемы художественного перевода (на основе переводов романов Л. Н. Толстого на азербайджанский язык)» выявляет художественно-транспонирующий потенциал азербайджанского языка, позволяющий сохранить в процессе перевода характерные особенности стиля Л. Н. Толстого на уровне лексико-фразеологических и синтаксических единиц. Э. М. Аллахвердиева в диссертации «Лексико-фразеологическая и структурно-семантическая эквивалентность в художественном переводе (на основе перевода романов А. М. Горького на азербайджанский язык)» рассматривает типологические особенности передачи фразеологизмов из романов А. М. Горького на азербайджанский язык. Как видно из сказанного, в тематически сходных работах решаются весьма разные задачи. И. А. Гусейнов в исследовании на тему «Проблема достижения адекватности перевода пословиц с английского на азербайджанский язык» посредством сопоставительного анализа избранного материала устанавливает основные пути достижения переводческой адекватности.

Исследование диалектов и говоров, разговорной формы тюркских языков, ареальное изучение тюркских языков — эти вопросы анализируются в диссертации Ф. С. Бабаева «Азербайджанские говоры Масисского района Армянской ССР». Сходный круг вопросов характерен и для работ, в которых основное внимание уделяется грамматическим особенностям тюркских говоров. Это диссертации А. Б. Джураева «Морфология узбекских говоров Верхней Кашкадарьи в ареальном освещении», Б. И. Гаджиевой — «Изоглоссы временных форм в тюркоязычном ареале Кавказа», которые могут быть использованы для составления диалектологических атласов тюркских языков, при разработке сравнительно-исторических грамматик тюркских языков, изучении истории контактов тюркских народов и племен. Т. Т. Примбетов исследовал «Просторечные слова в казахском языке» и выдвинул тезис о категориальности просторечного пласта лексики казахского языка, который ограничивается от остальных элементов разговорной речи существенными лингвистическими критериями.

Тюркские языки богаты историческими письменными памятниками. К сожалению, долгое время многие из них были недоступны не только для широкой массы народа, но и для научного изучения. Это положение отразилось и в выполненных диссертациях, исключением является работа М. Г. Пайизова «Тюркоязычный переводный памятник XVI века „Гарджуман ас-Сихах“ (лингвопалеографический анализ)», в которой данное лексикографическое сочинение обстоятельно исследовано как материал по истории тюркских языков юго-западной группы.

Некоторые статистические сведения

По данной специальности по 17 тюркским языкам защищено 15 докторских и 62 кандидатских диссертаций. Из них 44% — в Институте языкознания АН Казахской ССР, 30,7% — в Институте языкознания АН Азербайджанской ССР, 20% — в Институте языкознания АН СССР, 5,3% — в Тбилиском госуниверситете.

57,4% диссертаций выполнены в институтах академий наук, 37,3% — в вузах, 4% — в НИИ, 1,3% — в прочих организациях. По месту выполнения: 30,7% — в Азербайджане, 25,4% — в Казахстане, 12% — в Москве, 31,9% — в других регионах. Среди учреждений, в которых выполнялись 5 и более диссертаций, первые места занимают Институт языкознания АН АзССР — 12+2 д., Институт языкознания АН КазССР — 8+1 д., Институт языкознания АН СССР — 7, Азербайджанский пединститут иностранных языков — 5, Институт истории, филологии и философии СО АН СССР — 5.

В качестве ведущих организаций выступали вузы (66,7%), институты АН (25,3%), НИИ (8,0%).

Языки, ставшие предметом изучения в диссертациях, защищенных по специальности 10.02.06, распределяются в следующем порядке: азербайджанский 18+5 д., казахский — 16+3 д., киргизский — 6, тюркские — 2+2 д., узбекский — 2+1 д., якутский — 2+1 д., алтайский — 3, по две диссертации защищены по туркменскому — 1+1 д., татарскому — 1+1 д., чувашскому, тувинскому и уйгурскому, по одной — по башкирскому, гагаузскому, телеутскому, хакасскому и шорскому языкам.

Среди защитивших кандидатские диссертации 51,7% были соискателями, 48,3% — аспирантами.

Внедрены результаты, полученные в 45,3% докторских и кандидатских диссертаций, планируется внедрить результаты, полученные еще в 37,3%.

34 организации выступили в качестве оппонированных, из них 3 и более раз — Азербайджанский госпединститут (9), Азербайджанский госуниверситет (8), Институт ЯЛ КиргССР (5), Ленинградский госуниверситет (4), ИЯЛИ КазанФАН СССР, Казахский госженпединститут, Казахский госпединститут, Азербайджанский госпединститут иностранных языков, Кировабадский госпединститут.

В качестве официальных оппонентов выступали 118 человек, из них по три и более раз — А. К. Алекперов, Н. А. Баскаков, Т. И. Гаджиев, А. М. Курбанов (5), Е. З. Кажибеков, К. М. Мусаев, Р. Д. Магеррамова, Н. О. Оралбаева (4), Ю. М. Сеидов, З. Г. Ураксин, Ю. В. Щека.

Научными руководителями диссертаций выступили 39 ученых, среди них 3 и более диссертантов подготовили к защите А. Т. Кайдаров (5), К. М. Мусаев (4), Э. Р. Тенишев, Е. И. Убрятова (5), М. И. Черемисина.

Защищено диссертаций по годам: 1986—9+3 д., 1987 —23+9 д., 1988 — 30+3 д.

В целом же тюркские республики и области нуждаются в квалифицированных филологических кадрах. «Остаточный принцип» в отношении культуры и образования негативно отражается и на подготовке языковедов-тюркологов — специалистов высшей квалификации. Колоссальная нехватка языковедов с научными степенями наблюдается в вузах, научно-исследовательских институтах и в других учреждениях тюркских республик. Отставание от других отраслей подтверждается следующими данными.

Так, например, в 1988 г. из 673 докторских и 1249 кандидатских диссертаций, защищенных по языковедению, соответственно лишь 3 (0,44%) и 30 (2,4%) диссертаций были посвящены тюркским языкам Советского Союза, носители которых составляют 17% населения страны.

По германским же языкам у нас в стране ежегодно в течение 5 последних лет в среднем защищается более 250 диссертаций (из них примерно в 180 анализируются проблемы английского языка). В целом же за 3 последних года диссертационные работы, посвященные тюркским языкам, составили всего 1,75% от общего числа всех языковедческих диссертаций, т. е. по тюркским языкам защищено примерно столько же диссертаций, сколько по русской фразеологии, и значительно меньше, чем по русскому словообразованию (77 против 93).

Увеличивается и средний возраст защищающих диссертации, в настоящее время по стране он составляет для докторской диссертации 56 лет, а для кандидатской—39 лет, что указывает на необходимость создания более благоприятных условий для «остепенения» талантов.

Диссертационные работы главным образом охватывают языки союзных республик, реже — автономных республик и языки народов, не имеющих национальной автономии. Например, по малоизученным языкам таких крупных народов, как крымско-татарский, гагаузский, не защищено за длительное время ни одной диссертации, соответственные не подготовлены и высококвалифицированные кадры.

Одной из постоянных проблем остается «внедрение» результатов, полученных в диссертационных исследованиях. К сожалению, многие новые, интересные наблюдения остаются невостребованными — далеко не все диссертации впоследствии публикуются, а значит, добытые в них результаты не находят отражения в создаваемых новых грамматиках, учебниках и учебных пособиях для вузов, школ, для массового читателя. Это требует организации в каждой республике и области специальной работы по скорейшему использованию научных достижений на практике.

Во многих диссертациях по-прежнему цитируются устаревшие, догматические клише — наследие идеологии, считавшей гуманитарные науки своим придатком. Диссертации следует освободить от идеологического давления, нанесшего тяжелый урон науке.

Большие задачи по повышению филологической культуры диссертаций стоят перед руководителями диссертантов и спецсоветами. Научный уровень многих работ оставляет желать лучшего.

Зачастую преобладают описательные, чисто фактологические, беспроblemные, по сути дела, работы, некоторые диссертации по лексикологии и ономастике напоминают двуязычные словари, где интересный, богатый языковой материал никак теоретически не обобщен. Доминирует традиционная тематика исследований, мало используются новые плодотворные идеи, методы и приемы (разумеется, не сверхмодные — переходящие), разработанные в других отраслях языкознания.

В диссертациях, связанных с анализом большого количества материалов, недостаточно используется вычислительная техника.

Много критических замечаний вызывают язык и стиль диссертаций, нередко далекие от академической манеры изложения, порой встречаются даже элементарные языковые, орфографические ошибки или просто невыправленные опечатки.

В диссертациях недостаточно используется современная литература как по родственным языкам, так и по более исследованным индоевропейским языкам, а также по проблемам общего и теоретического языкознания. Это связано, с одной стороны, со слабым знанием соискателями иных языков, кроме родного, с другой — с плохой обеспеченностью научной литературой республиканских библиотек, не говоря уже о библиотеках областных центров, где вообще отсутствует научная литература — результат негативного отношения властей к культуре. Для исправления положения в настоящее время необходимы командировки и длительная стажировка соискателей в известных научных центрах, таких, как Москва, Ленинград, Новосибирск, где имеются крупные научные библиотеки.

Ряд диссертаций по тюркским языкам проходит защиту по специальностям: «Языки народов СССР», «Социолингвистика», «Сопоставительное языкознание». Такая расчлененность специальности «Тюркские языки», придуманная чиновниками от науки, не способствует объединению усилий специалистов-тюркологов.

И. Г. ДОБРОДОМОВ

Н. К. ДМИТРИЕВ И ТЮРКИЗМЫ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Вышедшая из печати в 1958 г. работа Н. К. Дмитриева «О тюркских элементах русского языка» [1. С. 3—47; 2] привлекла внимание лингвистов к этой актуальной проблематике. Тем не менее основные ее положения, как это ни странно, не были подробно проанализированы ни славистами, ни тюркологами. Между тем дальнейшее успешное изучение тюркизмов русского языка во многом зависит от соотнесения этих постулатов с возможностями сегодняшнего дня.

Устойчивые традиции русского востоковедения предполагают обращение виднейших ориенталистов к проблемам, смежным для востоковедения и отечественной истории и филологии. наших тюркологов постоянно интересовала этимологизация тюркского и вообще восточного лексического вклада в русский и другие славянские языки. Рассеянные по разным изданиям многочисленные востоковедно-славистические этюды способствовали появлению подражаний и как следствие этого — специальных обзоров работ, посвященных тюркизмам русского языка [4], полупутные обзоры разной степени полноты содержат многие более или менее значительные работы по тюркизмам в славянских языках.

Как правило, ранние работы по тюркским элементам русского словаря принадлежали преимущественно нашим отечественным востоковедам-филологам. Подбирая и комментируя главным образом тот материал из восточных языков, который представлял интерес как источник для определения русских слов, они в то же время не рассматривали специальные вопросы русской филологии: историю восточных слов на усвоившей их русской почве, в частности в русских диалектах и памятниках письменности. Подобные востоковедческие экскурсы укладывались обычно в рамки восточной филологии. Исключение составляли лишь работы таких лингвистов широкого профиля, свободно владевших материалом многих языков, как Ф. Е. Корш и В. А. Богородицкий, и частично труды оппонента Ф. Е. Корша — П. М. Мелиоранского, который порой, опираясь на консультации историков русского языка и знатоков древней русской письменности, глубоко затрагивал и специальные вопросы русской филологии.

Обратившись к тюркологическому комментированию памятников старинной русской письменности, Н. К. Дмитриев написал одну из своих ранних статей — «Турецкие лексические элементы в номенклатуре соколов царя Алексея Михайловича» [7. С. 13—16]. В ней он предстает в равной степени и как славист и как тюрколог: ни одна из сторон исследования не превалирует над другой.

Аналогичный характер носили также тюркологические комментарии к лексике русских жаргонов (арго) [8. С. 159—179; 9] и сравнительно

поздние, но более известные заметки тюркологического характера к общеупотребительной русской лексике, отраженной в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (М., 1935—1940. Т. I—IV; рабочий консультант составителей по этимологии восточных слов — В. А. Гордлевский). Материалы последнего комментария были представлены 20 и 27 февраля, а затем 6 и 13 марта 1942 г. на четырех научных заседаниях комиссии по изучению современного русского языка в Институте языка и письменности Академии наук СССР в виде доклада под названием «О тюркских заимствованиях в русском языке» (опубликован посмертно в виде упомянутого в начале нашей статьи большого разыскания [1. С. 3—47], а позднее перепечатаны повторно с незначительными отличиями от первого издания в сборной книге Н. К. Дмитриева [3. С. 503—569]). Другая статья на эту же тему — «Ударение в русских словах тюркского происхождения» [10. С. 96—104] первоначально в виде доклада в декабре 1942 г. была прочитана во Всероссийском театральном обществе. Ср. также краткие заметки «Мектебэ и медресэ» в сборнике «Очерки по методике преподавания русского и родных языков в национальной школе» (М., 1954. С. 3—6) и «Несколько турецких слов в записи Пушкина» в виде приложения к статье Б. Томашевского «Из пушкинских рукописей» в 16—18-м выпуске «Литературного наследия» (М., 1934. С. 319—320), в которых комментируется и турецкое выражение *вербана ат* 'дай мне лошадь', употребленное в «Путешествии в Арзрум» Пушкина. Последний пример анализируется также в «Грамматике башкирского языка» (М.; Л., 1948. С. 219, примеч. 1) и в статье «Категория числа» в «Исследованиях по сравнительной грамматике тюркских языков» (М., 1956. Ч. 2: Морфология. С. 68) с точки зрения своеобразия тюркской категории числа относительно русской.

Исследование Н. К. Дмитриева «О тюркских элементах русского словаря», вероятно, осталось незаконченным, о чем свидетельствуют некоторые противоречия в его тексте. Так, в «Дополнительном списке тюркизмов» упомянуто слово *лашман* 'крестьянин казенных земель в низовых губерниях, занятый на заготовке и доставке корабельного леса' и дана отсылка к слову *бурлак* (в разделе «Тюркизмы, требующие дополнительной документации», где *лашман* справедливо считается словом нетюркского происхождения, хотя выведение его из слова *лоцман*, содержащегося там же, безусловно, ошибочно): *лашман* заимствовано из нем. *Laschmann* (от *lashen* 'просекать, прошивать, отесывать') [11. С. 209—214]. Слово *отара* по недосмотру этимологизируется как достоверный тюркизм дважды — в связи с двумя написаниями в источнике (*атара* и *отара*). В этой статье не оказалось этимологии отдельных редких русских слов и топонимов (*каллы*, *шарпаты*, *Азов*, *Саратов*), которые рассматривались Н. К. Дмитриевым попутно в других его трудах.

В работу Н. К. Дмитриева не попали некоторые из тех слов, которые даже в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова имеют этимологические пометы о тюркском происхождении, например, *акын*, *арчак*. Впрочем, эти слова помещены в дополнениях к «Толковому словарю», однако слово *ашуг* оттуда извлечено и снабжено более обширной этимологической справкой в числе достоверных тюркизмов.

Упомянутый «Дополнительный список тюркизмов русского словаря» с характерным подзаголовком: «(в него вошли некоторые пропущенные в „Толковом словаре“ выражения, а также отдельные областные слова)», заключающий работу «О тюркских элементах русского словаря» и содержащий 41 слово, вызывает ряд вопросов. Собственно

дополнениями здесь можно считать только 10 слов (*барабуз, калита, кантар, клянча, култышка, лашман, малай, саранка, себетка, шалман*), из них *лашман*, как уже отмечалось, тюркизмом не является. Слово *клянча* в «Толковом словаре» отсутствует — при наличии глагола *клянчить*, который лексикографы выводили из польского источника, что Н. К. Дмитриевым оспорено не только в этом списке, но и во вводной части исследования. Слово *кантарь* (так!) также предварительно разобрано во введении [1. С. 5, 10, 11; 3. С. 506, 513, 515].

Для слов *бурун, бурый, вор, гайдук, кабак, коты, кочан, стакан, терпуг, тормашки, ура, хозяин, чалый, чокаться, чучело, шаран, шершавый, юла* восточные этимологии даны при отсутствии таковых в «Толковом словаре», а для таких, как *пурга, тупей*, — взятых западных, иногда с полемикой по этимологизационным проблемам. Для остальных одиннадцати словарных единиц (*аркан, балаган, жесть, кандалы, кирпич, кобза, лафа, урюк, фундуки, чумички, шашлык*) справки об их восточном происхождении даны в «Толковом словаре», однако в статье об этом ни разу не говорится, так же, как и при других словах, которые снабжены тюркологическими комментариями в самом лексикографическом труде. Правда, Н. К. Дмитриев для этимологизации привлекает гораздо более обширный, чем это сделано лексикографами, материал, сопровождая его негласными уточнениями без указания на недостаточность весьма кратких лексикографических сведений рассматриваемого словаря.

Следует отметить, что три группы тюркизмов: 1) тюркизмы, подтвержденные фактами; 2) тюркизмы, требующие дополнительной документации и 3) слова, причисляемые к тюркизмам в порядке гипотезы, на которые разбита словарная часть разыскания Н. К. Дмитриева, не вполне согласуются по своему составу с аналогичной группировкой тюркизмов по степени достоверности этимологий: «а) сопоставление, а priori вполне допустимое, которому, для того чтобы перейти в разряд достоверной научной истины, необходима историческая документация»; «б) сопоставление, которое требует дополнительных материалов по существу»; «в) сопоставление, которое ставится в порядке вопроса». Например, слово *таракан* во введении включено в список б), а в глоссарии идет в первом списке как достоверный тюркизм. Слово же *ураган*, идущее по списку б) во введении, в глоссарии более правильно включено в третий список сугубо гипотетичных тюркизмов [1. С. 12, 32, 45; 3. С. 516, 545, 566]. Касаясь этимологических соображений Ж. Дени о тюркском происхождении слова *порты* (это явно ошибочное мнение), Н. К. Дмитриев считает его этимологию убедительной, но осторожно помещает это слово в список тюркизмов, требующих дополнительной документации, что явно противоречит оценке этой этимологии [12. С. 133—136]. Подобные противоречия объясняются тем, что статья, как уже было сказано выше, не получила окончательной авторской обработки.

Некоторые упомянутые во вводной части слова не разобраны ни в одном из списков глоссария. Так случилось, например, со словом *чебурек*, проэтимологизированным в самом «Толковом словаре» и во вводной части статьи Н. К. Дмитриева в перечне «сопоставлений а priori, вполне допустимых, которым, чтобы перейти в разряд достоверной истины, необходима историческая документация» [1. С. 12; 3. С. 516]. Но даже и в таком виде статья Н. К. Дмитриева чрезвычайно полезна.

Незавершенность статьи «О тюркских элементах русского словаря» является своего рода предпосылкой продолжения разысканий в этой

области на уровне современных требований и для детального развития тех идей Н. К. Дмитриева, которые в ней лишь намечены.

В ответ на предложение известного русского слависта А. М. Селищева (1886—1942) заняться в рамках балканистических исследований изучением славяно-турецких языковых связей и рассмотреть славянский лексический материал турецкого происхождения, важный с точки зрения истории турецкого языка и его диалектов, Н. К. Дмитриев приступил к выявлению элементов турецкого языка и быта в южно-славянском (сербском и македонском) фольклоре, а также к разбору турецких «транскрипционных» текстов, выполненных кириллицей. Полученные результаты частично были опубликованы [13. 1928: № 2. С. 17—22, № 12. С. 268—275, 1929: № 5. С. 89—95, № 6. С. 103—108; 14. Т. 3. № 2. С. 417—458, Т. 4. С. 107—158; 15]. В связи с балканистикой следует отметить и постоянный интерес исследователя к языковым контактам (этот термин в языкознании появился позже).

Аналогичные материалы были подготовлены Н. К. Дмитриевым и по русско-башкирским языковым отношениям, однако задуманное им было выполнено не полностью [17. С. 13—105]. Осталась незавершенной и статья «Русско-башкирские языковые отношения», впервые опубликованная в [3. С. 465—482]; доклад на эту тему был прочитан в Институте языка и письменности АН СССР в январе 1943 г. [18. С. 67]. Изучение Н. К. Дмитриевым башкирско-русского двуязычия было первым опытом подобной работы в нашей стране, причем особое внимание уделялось начальному этапу развития двуязычия. Частично идеи Н. К. Дмитриева получили свое дальнейшее развитие в статье Т. М. Гарипова «Н. К. Дмитриев и изучение русско-башкирского двуязычия», опубликованной в сборнике «Структура и история тюркских языков» (М., 1971. С. 33—41).

По предложению академика-слависта П. А. Лаврова (1856—1929) Н. К. Дмитриев выделил турецкие лексические элементы в составе македонских песен и сказок в записи Ст. Верковича. Первый том («Песни») вышел под редакцией П. А. Лаврова в 1920 г. в Петрограде, второй том («Сказки») — в 1932 г. в Праге при участии чешского фольклориста Ю. И. Поливки. К обоим томам Н. К. Дмитриев составил глоссарий [19. С. 343—354; 20].

Работы Н. К. Дмитриева по анализу тюркизмов в славянских языках внешне целиком укладываются в уже названные привычные рамки традиционных востоковедческих комментариев к славянской лексике. Славянское слово бралось обычно из определенного контекста или словаря, снабжалось хронологическими и географическими данными и как бы оказывалось вне истории на новой для него почве. Отдельные экскурсии в историю слова на славянской почве обычно основывались на случайном материале и никогда не были исчерпывающими. Например, при этимологизации слова *казна* Н. К. Дмитриев [1] замечает, что оно «встречается еще в „Хождении“ (должно быть «Хожении!» — И. Д.) Афанасия Никитина» (1466—1472). Между тем простое обращение к «Материалам для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского помогло бы отодвинуть датировку более чем на сто лет в глубь веков: слово зафиксировано уже в Договорной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича (Донского) с братом Владимиром Андреевичем 1389 г. «Недоработка» Н. К. Дмитриева объясняется, конечно, общей незавершенностью работы.

Следует подчеркнуть, что вопросы хронологии тюркских заимствований в славянских языках до сих пор относятся к числу малоисследованных и по-прежнему требуют к себе внимания специалистов по исто-

рической лексикологии соответствующих языков. Изучение истории тюркизмов на славянской почве способно внести весьма существенные коррективы в этимологические соображения. Например, все этимологические словари русского языка вслед за словарем Ф. И. Рейфа (1835 г.!) единодушно выводят из персидского языка через тюркское посредство слово *балаган*; это же мнение в весьма лаконичной формулировке предварительного соображения повторяется и у Н. К. Дмитриева в «Дополнительном списке тюркизмов» со ссылкой на Л. З. Будагова: «По Будагову, из казах. *балаган* <*балахана* (собств. 'высокий дом') в значении 'высокий балдахин'». Вызывает сомнение выведение казахского *балаган* из [таджикско-персидского] *балахана*, при котором не получают удовлетворительного объяснения фонетические несоответствия. Уязвимо это сопоставление и семантически. История употребления слова *балаган* в русском языке (слово, известное русскому языку в Сибири со второй половины XVII в., лишь постепенно переходит в Европейскую Россию, а впоследствии из русского языка заимствуется в тюркские) показывает, что мы имеем дело с заимствованием от охотников из эвенкийского языка, получившим широкое распространение благодаря ярмаркам, где временные торговые, складские и зрелищные постройки именовались балаганами [20. С. 83—88]. Старые тюркские словари не знают слова *балаган*. Учет истории настоящих и мнимых тюркизмов русского языка способен выявить наиболее важные вехи, на основе которых уточняются этимологические гипотезы и судьба слов получает совершенно иное освещение, чем это выглядело на основании предварительных этимологических соображений.

Хорошее знание этимологических источников русской лексики позволило Н. К. Дмитриеву сделать ряд редакторских уточнений во 2-м издании книги В. А. Богородицкого «Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками» (Казань, 1953), где автор некоторые лексемы, общие для татарского и русского языков, почему-то иногда считал русизмами, проникшими в татарский язык. Н. К. Дмитриев во многих случаях на этот счет дал более точные указания, не вдаваясь в подробности истории слова на татарской почве.

В разделе «Старые заимствования из русского (по ученическим материалам) 1882—1883 г.» к предполагаемому В. А. Богородицким переходу русских слов *тулуп*, *сургуч* в татарские *толып*, *сургыч* Н. К. Дмитриев делает решительное редакторское примечание: «Точнее говоря, оба слова заимствованы у татар, а не наоборот» (с. 217).

В том же разделе Н. К. Дмитриев обращает особое внимание на следующие сопоставления В. А. Богородицкого: рус. *чердак* > тат. *чардак*, *чарлак*; рус. *чугун* > тат. *чугун*, *чуген*, *чиен*, *чуин*, *чуйын* и дает примечание к русским словам: «Исторически, вероятно, старые тюркские заимствования, которые позднее вернулись к татарам из русского языка» (с. 218).

Более широкое примечание: «старые восточные слова, поступившие в русский язык и позднее оттуда перешедшие в татарский» (с. 219) дано к русским словам *аршин* (> тат. *аршин*, *аршин*), *безмен* (ср.: тат. *бизман*, *бизмян* на с. 210, где нет редакторского примечания), *атлас*: (ткань), *миска* (?), *барабан* (> тат. *барабан*, *барабын*), *кобза* (> тат. *кубыз*, *кубз*), *плов* (ср.: тат. *плау* на с. 214, где нет примечания), *камзол* (> тат. *камзол*, *камзул*), *шаль*, *сургуч* (ср. примечание на с. 217). Заслуживает внимания бегло высказанная мысль о восточном происхождении слова *шаль* из сферы головных уборов, требующая, впрочем, дальнейших обоснований. Она расходится с принятой в русских этимоло-

логических словарях версии о западном происхождении термина. Едва ли можно согласиться с происхождением татарского названия музыкального инструмента *кубыз*, *кубз* из русского *кобза*. Предположение о восточном происхождении слов *миска* и *камзол* также не может быть принято без дополнительных разысканий и нового материала, подтверждающего эту слишком смелую и неожиданную гипотезу.

Н. К. Дмитриев занимался главным образом изучением (в разных аспектах) тюркских языков; славистическая проблематика затрагивалась им обычно лишь в связи с проблемами тюркологическими. Единственная чисто славистическая его работа — это впервые опубликованный в 1956 г. перевод на русский язык сербских сказок из сборника В. С. Караджича [21], однако востоковедам она малоизвестна, да и, к тому же, носит сугубо практический характер.

Многие славистические экскурсы Н. К. Дмитриева не были подготовлены для печати, и потому о них знают немногие. Так, только из воспоминаний С. Б. Бернштейна мы знаем в общих чертах о горячем споре Н. К. Дмитриева с М. Г. Долобко в мае 1934 г. в Ленинграде на кандидатском диспуте мемуариста по вопросу об ударении в славянских словах тюркского происхождения [16. С. 44]. Упомянутая нами ранее статья Н. К. Дмитриева на эту тему касалась лишь русского языка. Именно поэтому труды Н. К. Дмитриева по анализу тюркского лексического вклада в русский язык получили такую оценку, какая дается обычно разысканиям тюркологов по вопросам, далеким от их непосредственной специальности, т. е. этим работам было выражено определенное недоверие, проявившееся, в частности, в ряде необоснованных высказываний западных исследователей относительно некомпетентности Н. К. Дмитриева в вопросах исторического славянского и индоевропейского языкознания.

В капитальной книге Г. Дёрфера о тюркских и монгольских элементах новоперсидского языка, например, это выразилось в предположении о зависимости разысканий Н. К. Дмитриева от «Этимологического словаря русского языка» М. Р. Фасмера. В библиографическом списке сокращений этого труда после упоминания книги Н. К. Дмитриева «Строй тюркских языков» [3] сделано характерное примечание в скобках («soweit mit V[asmer's.] R[ussischen etymologischen Wörterbuch] kongruent, nicht zitiert») [22. С. XVIII; 23], что, вероятно, объясняется появлением статьи Н. К. Дмитриева «О тюркских элементах русского словаря» в печати в 1958 и 1962 гг., т. е. после завершения немецкого издания «Этимологического словаря» М. Р. Фасмера (1950—1958). Однако тот факт, что Н. К. Дмитриев умер в 1954 г., свидетельствует в пользу приоритета советского лингвиста и его независимости от М. Р. Фасмера, который также не знал работ Н. К. Дмитриева на темы русского языкознания. Многие этимологические соображения Н. К. Дмитриева были включены в русское издание «Этимологического словаря» М. Р. Фасмера его переводчиком О. Н. Трубачевым и в сводный «Словарь тюркизмов в русском языке» Е. Н. Шиповой [6].

Занимаясь смежными проблемами славистики и тюркологии, Н. К. Дмитриев свободно оперировал материалом и проблематикой обеих дисциплин, поскольку его тюркологической подготовке в Лазаревском институте восточных языков (впоследствии Московский институт востоковедения им. Н. Н. Нариманова) в 1918—1922 гг. предшествовала (частично протекавшая параллельно) подготовка по классической филологии и славистике в Московском университете (1916—1920) [18. С. 7]. В связи с этим заявления некоторых лингвистов [24. С. 39; 25] о некомпетентности Н. К. Дмитриева в сравнительном славянском и

индоевропейском языкознании лишены оснований и должны быть решительно отвергнуты.

Знакомство с чисто тюркологическими и с методическими трудами Н. К. Дмитриева по вопросам преподавания русского и тюркских языков обнаруживает его хорошее знакомство с проблемами русского языкознания.

Отдельные этимологические замечания по русским и иным славянским тюркизмам разбросаны по разным работам Н. К. Дмитриева, и потому этимологические справочники их обычно не учитывают. Например, в чисто тюркологической статье «Ассимиляция и диссимиляция согласных в кумыкском языке» к слову *къанлы* 'кровник, тот, на ком кровь; будущий объект кровавой мести', которое по-кумыкски звучит как *къаллы*, сделано примечание, важное и для русской литературы. «Термин, связанный с обычным правом горцев Дагестана или так называемыми *адатами*. Ср. на эту же тему рассказ М. Ю. Лермонтова с малопонятным для русского читателя заглавием „Каллы”» [28. С. 300; 29]. Этот своеобразный тюркизм Н. К. Дмитриев анализировал ранее в докладе «Основы преподавания родного языка в национальной школе», прочитанном 29 ноября 1950 г.: «В сочинениях Лермонтова есть один рассказ, который мало привлекает русского читателя. Рассказ этот называется „Каллы”. Сюжет связан со старым кавказским обычаем кровавой мести. *Каллы* означает „кровник”, т. е. тот, над кем тяготеет кровавая месть. Лермонтовский герой изображен таким угрюмым, потому что ожидает кары, удара судьбы» [31. С. 249]. В этом же докладе было намечено не учтенное этимологическими словарями объяснение источника для старого русского глагола *шарпать* 'грабить' в связи с рассмотрением азербайджанского существительного *чарпышма* 'битва': «Кстати сказать, *чарпышма* происходит от глагольного корня *чарп-*, что первоначально означало „задевать о края”. Отсюда происходит известное выражение в „Тарасе Бульбе”, который говорит запорожцам: „Нужно послать их *пошарпать* берега Анатолии» [31. С. 248—249; 32]. Н. К. Дмитриев привел форму *пошарпать*, не попавшую в русские толковые словари, однако полностью свои этимологические соображения не разработал и не отметил, в частности, возможность ногайского или чувашско-булгарского источника, где *ч* перешло соответственно в *ш* или в шепелявое мягкое *сь* (с чувашской графики).

В статье «Соответствие *p//d//t//z//j//й*», посвященной вопросам сравнительно-исторической фонетики тюркских языков, совершенно неожиданно обнаруживаются этимологические экскурсы о старом названии реки Урал — *Яик*, а также о названиях городов *Азов* (не вполне точно) и *Саратов* [34. С. 327—328; 35].

В этюде о тюркских глаголах действия со значением «делать», «совершать», являющихся самой общей, абстрактной формой для выражения действия, неожиданно находим подробное рассмотрение словообразовательного гнезда от тюркско-монгольского глагола *йаса-* 'делать', 'строить' и т. п. и в нем — этимологию наименования одного из офицерских чинов в казачьих частях старой русской армии — *есаул* и названия подати *ясак* [38. С. 187].

В небольшой книге Н. К. Дмитриева «Грамматическая терминология в учебниках родного языка (татарских, башкирских и чувашских)» [39] теоретический раздел построен в основном на русском материале с глубоким этимологическим анализом слова *термин*, причем по ходу дела автор обратил внимание на «своеобразное употребление слова *термин* в русском дореволюционном обиходе [.../ в комедии А. Н. Островского „Лес” (действие III, явление 5):

Карп: Вам что?

Восмибратов: Барыню любопытно бы видеть, любезнейший.

Карп: Дождитесь своего термину, когда вас позовут» (с. 10).

Много интересных наблюдений Н. К. Дмитриева над различными фактами русского языка (фонетикой, грамматикой, лексикой) можно найти в его грамматиках кумыкского и башкирского языка и в разного рода заметках, где тюркские грамматические явления весьма часто излагаются в сопоставлении с русскими. Впоследствии тюркско-русские сопоставительные грамматики приобрели самодовлеющий характер и типичную для них бездумную механистичность сопоставлений, утратив одновременно глубину и поисковую непосредственность живого исследовательского сопоставления, которое обнаруживает в грамматических трудах Н. К. Дмитриева четко выраженную притягательную силу новизны и свежести.

Н. К. Дмитриев (вслед за Е. Д. Поливановым был одним из инициаторов создания систематических сопоставительных грамматик русского и тюркских языков и приветствовал начало работ по написанию такого рода пособий, подсказанных педагогическими велениями жизни. И не его вина, что общий уровень многих работ, появившихся уже без непосредственного участия их активного инициатора, оказался недостаточно высоким, что в какой-то степени скомпрометировало и самую идею такого рода контрастных справочников, столь необходимых для успешного преподавания языков в условиях иноязычной аудитории с целью преодоления инерции родного языка в процессе изучения второго языка.

Важно заметить, что сопоставление тюркского грамматического материала с русским в грамматиках Н. К. Дмитриева проводилось с тем, чтобы подчеркнуть своеобразие тюркских грамматических категорий, иногда именуемых так же, как и в русских грамматиках, но лишь чисто внешне похожих на них. Н. К. Дмитриев подчеркивал принципиальные расхождения внешне похожих фактов в грамматиках разносистемных языков и решительно боролся против механистического переноса русских грамматических правил в тюркские грамматики, продолжая традиции якутской грамматики О. Н. Бётлингга и алтайской грамматики, созданной под руководством Н. И. Ильминского [40. С. 34—61].

Типологические сопоставления семантики русских и тюркских лексем (глаголов речи, движения и т. п.) были первым опытом применения сопоставительной лексикологии и компонентного анализа не только к тюркскому, но и к русскому материалу в учебных целях контрастного изучения языков.

Но не все наблюдения Н. К. Дмитриева в этой области доведены до конца, как, например, беглое замечание о названиях молочных продуктов: «У меня подобрана группа таких терминов по-азербайджански. Я в свое время занимался тем, что пытался установить значение подобных слов и соответствие их с русскими словами, но так как молочное хозяйство в старой России и Азербайджане шло разными путями, точного соответствия добиться нельзя: таких названий в азербайджанском больше, чем в русском.

Что имеется на азербайджанском языке? *Гаймаг*, что приблизительно переводится как „сливки“. *Гатыг* — простокваша, или по-кавказски *маццони* (слово в Москве забытое, которое обозначает варенец). Есть *сузмэ*, есть *айран*, есть *шор* — соленый творог, есть *гурут* — сушеный творог, есть *дэлэмэ*, есть *кэсинти* и т. д.» [33. С. 48]. Любопытно, что многие из перечисленных слов в другой форме известны и русскому языку как местные заимствования из иных тюркских языков.

В работах по истории тюркологии ученый не забывал отметить вклад тюркологов в изучение тюркских элементов в славянских языках и высоко оценивал такого рода работы [41].

Хотя Н. К. Дмитриев был хорошо знаком с проблемами славянского и русского языкознания и оставил в этой области заметный след, все же большая часть его помыслов была связана с тюркологией. Именно поэтому в воспоминаниях известного слависта о Н. К. Дмитриеве преимущественное внимание уделено именно его тюркологическим работам и общезыковедческим взглядам [16. С. 42—51; 43]. Тюркскими языками Н. К. Дмитриев занимался со всем пылом увлечения, разрабатывал тюркологическую целину. Но не следует забывать, что именно солидная подготовка в области классической и славянской филологии с их методической строгостью обусловила его успехи на тюркологическом поприще, которое оттеснило на задний план славистические интересы.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Дмитриев Н. К. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. 1958. Вып. 3.

² С небольшими изменениями перепечатано в [3. С. 503—562].

³ Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962.

⁴ К этим обзорам, частично перечисленным А. Н. Кононовым в предисловии к [5. С. 10], теперь можно добавить избранную «Библиографию основной отечественной литературы по изучению ориентализмов в восточно-славянских языках» (сост. И. Г. Добродомов и Г. Я. Романова), которая опубликована в виде приложения к той же книге [5. С. 211—238]. Инвентаризация лексического материала дана в [6].

⁵ Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.

⁶ Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.

⁷ Дмитриев Н. К. Турецкие лексические элементы в номенклатуре соколов царя Алексея Михайловича // Докл. АН СССР. Сер. В. 1926, янв.—февр.

⁸ Он же. Турецкие элементы в русских арга // Язык и литература. Л., 1931, Т. 7.

⁹ Перепечатано в [3. С. 483—502]. Статья была написана по просьбе Б. А. Ларина, активно занимавшегося в то время изучением русских жаргонов (арго).

¹⁰ Дмитриев Н. К. Ударение в русских словах тюркского происхождения // Сборник статей по языкознанию памяти ... профессора М. В. Сергеевского. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1961.

¹¹ Клеянкин А. В. Лашманы // Вопр. истории. 1978. № 6.

¹² Добродомов И. Г. К изучению лексики «Русской правды» (портъ 'топор' и портъ 'одежда') // Восточно-славянское и общее языкознание. М., 1978.

¹³ Дмитриев Н. К. Этюды по сербско-турецкому языковому взаимодействию // Докл. АН СССР. Сер. В. 1928.

¹⁴ Он же. Материалы по османской диалектологии: Фонетика карамалицкого языка // Зап. Коллегии востоковедов при Азиатском музее. Л., 1928. Т. 3, № 2; 1929. Т. 4.

¹⁵ Как вспоминает С. Б. Бернштейн, интерес у Н. К. Дмитриева к балканистике возник под влиянием А. М. Селищева [16. С. 43].

¹⁶ Бернштейн С. Б. Николай Константинович Дмитриев // Вестн. МГУ им. М. В. Ломоносова. Сер. 10. Филология. 1974. № 6.

¹⁷ Дмитриев Н. К. Варваризмы в башкирской речи // Зап. Коллегии востоковедов при Азиатском музее. Л., 1929. Т. 4 (в сокращении перепечатано в [3. С. 433—464]).

¹⁸ Аракин В. Д. Николай Константинович Дмитриев. 1898—1954. М., 1972.

¹⁹ Дмитриев Н. К. Материалы Верковича как тюркологический памятник // Lidové povídky jihomakedonské / Z rukopisu St. Verkovičových vydal P. A. Lavrov a J. Polivka. Praha, 1932. Rozpravu České akademie věd a umění. Frida 3, číslo 70. (К списку слов османско-турецкого происхождения (с. 359—384), составленному Н. К. Дмитриевым, на с. 573—583 даны дополнения Я. Рыпки и Ст. Романского).

²⁰ Добродомов И. Г. О тунгусских словах в русском языке и его говорах // Диалектная лексика. 1979. Л., 1982.

²¹ Сербские народные сказки. М., 1956 (перевод волшебных и бытовых сказок Н. К. Дмитриева — с. 9—187: 41 сказка. Есть также примечания переводчика).

²² Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1963. Bd. 1.

²³ В последующих томах работа Н. К. Дмитриева вопреки этому заявлению цитируется довольно часто явочным порядком и без снятия несправедливого упрека.

²⁴ *Porre N., Jr. Studies of Turkic Loan-Words in Russian*. Wiesbaden, 1971.

²⁵ См. об этом: [26. С. 74]. Безосновательные утверждения Н. Н. Поппе-младшего повторил и Милан Адамович в рецензии на его книгу [27. С. 182].

²⁶ *Добродомов И. Г. К историографии изучения тюркизмов в русском языке // Сов. тюркология*. 1974. № 5.

²⁷ *Indogermanische Forschungen*. Berlin; New York, 1975. Bd. 80.

²⁸ *Дмитриев Н. К. Ассимиляция и диссимиляция согласных в кумыкском языке // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков*. М., 1955. Ч. 1: Фонетика.

²⁹ Интересно отметить, что в русских текстах больше распространена неассимилированная форма *канлы*. См.: [30. С. 81], где приведено 6 примеров употребления только исходной формы *канлы* при отсутствии примера из М. Ю. Лермонтова.

³⁰ *Гальченко И. Е. Глоссарий лексики языков народов Северного Кавказа в русском языке*. Орджоникидзе, 1975.

³¹ *Дмитриев Н. К. Основы преподавания родного языка в национальной школе // Изв. Акад. пед. наук РСФСР*. М., 1951. Вып. 39.

³² В этой же работе [31. С. 250] Н. К. Дмитриев подробно объясняет причину изменения значения слова *кунах* от первоначального «гость» к последующему «друг» в связи с кавказскими адатами. Ср. то же в [33. С. 46—47].

³³ *Дмитриев Н. К. Основы преподавания родного языка в национальной школе // Изв. Акад. пед. наук РСФСР*. М., 1952. Вып. 40.

³⁴ *Он же. Соответствие р/д // т/з // з/з // и // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков*. М., 1955. Ч. 1: Фонетика.

³⁵ См. уточнения по этимологии топонима *Азов*: [36. С. 114; 37. С. 259—260].

³⁶ *Добродомов И. Г. Отражение двух разновидностей ротацизма в болгарских заимствованиях славянских языков // Вопр. языкознания*. 1974. № 4.

³⁷ *Кононов А. Н. Тюрко-русские этимологические этюды // Культурное наследие Древней Руси: (Истоки. Становление. Традиции)*. М., 1976.

³⁸ *Дмитриев Н. К., Чистяков В. М., Бакеева Н. Э. Очерки по методике преподавания русского и родного языков в татарской школе*. М., 1952 (ср. также [3. С. 588]).

³⁹ *Дмитриев Н. К. Грамматическая терминология в учебниках родного языка (татарских, башкирских и чувашских)*. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1955.

⁴⁰ *Ашин Ф. Д. Первая печатная научная грамматика алтайского языка: Проблема авторства // Тюркологический сборник*. 1975. М., 1978.

⁴¹ Тюркологической компетентности своего старшего коллеги-слависта посвятил Н. К. Дмитриев обстоятельную статью [42. С. 66—82].

⁴² *Дмитриев Н. К. А. М. Селищев и тюркская филология // Докл. и сообщ. филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова*. 1947. Вып. 4.

⁴³ Приходится сожалеть, что Н. К. Дмитриеву не нашлось места в трехтомном библиографическом словаре «Восточно-славянские языковеды» М. Г. Булахова (Минск, 1976—1978. Т. 1—3), где основное внимание уделено славистам.

М. БАЗАРБАЕВ

ВОСКРЕШЕНИЕ МАСТЕРА

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО МАГЖАНА ЖУМАБАЕВА (1893—1938)

В конце 1988 г. был окончательно реабилитирован казахский поэт Магжан Жумабаев — яркий, свособразный художник [1]. Почему «окончательно»? Дело в том, что он был оправдан еще в 1960 г., но произносить его имя и печатать его стихи не рекомендовалось, ибо того не желало начальство.

Несмотря на то, что время как будто стояло либеральное (в 1957 г. были реабилитированы С. Сейфуллин, И. Джансугуров, Б. Майлин), «пробить» издание хотя бы скромной книжки избранной лирики М. Жумабаева оказалось делом недостижимым. Да и реабилитация поэта происходила как-то странно, втайне от общественности (похожей была и посмертная судьба другого крупного казахского поэта — Шакарима Кудайбердиева). Во всяком случае, ни писательские, ни научные учреждения не были оповещены о решении военной коллегии трибунала Туркестанского военного округа, снявшем клеймо преступных и бессмысленных обвинений с имени поэта. Надо сказать, что далеко не только административно-командные круги препятствовали возвращению наследия М. Жумабаева. Некоторые деятели культуры, должно быть, опасаясь конкуренции, страшась, что их конъюнктурное «творчество» не выдержит света подлинного поэтического слова, также приложили немало усилий к тому, чтобы задержать приход поэзии М. Жумабаева к читателю.

Но вот овеванное легендой имя поэта наконец-то вернулось в наше сегодня, вернулось после многих десятилетий запрета и спустя полвека после гибели поэта.

Магжан Бекенович Жумабаев родился в 1893 г. в Полуденовской волости Акмолинского уезда Акмолинской губернии (ныне Булаевский район Северо-Казахстанской области). В четыре года он осваивает грамоту, а в 1905 г. поступает в медресе в Кызылжаре (ныне Петропавловск), которое открыл получивший образование в Стамбуле местный интеллигент из зажиточной семьи Мухаметжан Бегишев, обучавший детей арабскому, персидскому и турецкому языкам. В медресе преподавали также историю народов Востока. Магжан Жумабаев заканчивает это медресе в 1910 г. и тогда же решает продолжить образование: будущий поэт вместе с односельчанином Бекмухамбетом Серкебаевым, начинающим писателем, отправляется в Уфу, чтобы поступить в «Медресе-Галию», приравненному к высшему духовному учебному заведению.

В медресе преподавал Галимжан Ибрагимов, впоследствии известный татарский писатель, автор популярного романа «Дочь казаха». Г. Иб-

рагимов повлиял на духовное становление поэта, но также дал ему и практический совет продолжить учебу дальше. Поэт переезжает в Омск, чтобы поступить в учительскую семинарию. Отец Бекен в этот период выражает свое недовольство сыном, раздосадованный тем, что он отстраняется от участия в политической жизни, в делах управления. О разладе с отцом М. Жумабаев с душевной болью говорил потом в знаменитом стихотворении «Исповедь».

Желание посвятить себя литературной деятельности, поэзии все больше укрепляется в юноше, он чувствует в себе незаурядные силы, и наглядным тому подтверждением явился уже первый поэтический сборник М. Жумабаева «Шолпан» (Казань, 1912), изданный при активном содействии Г. Ибрагимова и ставший, бесспорно, событием в новой казахской литературе. Постепенно завязываются и творческие связи молодого поэта с людьми, которым в дальнейшем было суждено сыграть заметную роль в истории казахской литературы: так, еще к периоду обучения в «Медресе-Галии» относится знакомство М. Жумабаева с Беймбетом Майлиным, в учительской семинарии он близко сходитя с будущим поэтом-революционером Сакеном Сейфуллиным.

Большое влияние на молодого литератора оказал Ахмет Байтурсынов — известный писатель, ученый-тюрколог, общественный деятель и редактор газеты «Казах», с которым М. Жумабаев интенсивно общался в 1912—1915 гг., а также Мир-Якуб Дулатов, человек не менее яркий, хорошо знакомый не только с восточной, но и с европейской и русской культурами. Именно М.-Я. Дулатов приобщил поэта к русскому языку и литературе и настоятельно советовал ему совершенствовать свои познания в области литературы западно-европейской.

В 1916 г., успешно окончив Омскую учительскую семинарию, М. Жумабаев возвращается в родные места. Время было тяжелым, беспокойным — грянула революция, затем гражданская война. Поэт принимает участие в создании в казахской степи партии «Алаш», редактирует акмолинскую губернскую газету «Бостандык туы» («Знамя свободы»), он переживает колчакские набеги и чешский бунт. В 1919 г. его постигает большое горе — умирает от родов жена Зейнеп, а вскоре и новорожденный сын.

В первой половине 20-х годов М. Жумабаев живет в Ташкенте, где сотрудничает в газете «Ак жол», много пишет, печатается в местных журналах «Шолпан», «Сана». К тому же времени относится создание им знаменитой поэмы «Батыр Баян».

В 1923—1927 гг. Магжан Жумабаев учится в Высшем литературно-художественном институте в Москве, основанном В. Брюсовым, где основательно изучает русскую и западно-европейскую литературы, а также знакомится с целым рядом деятелей русской культуры.

В 1929 г. Магжана Жумабаева арестовывают и осуждают на 10 лет, инкриминируя ему создание в 1921 г. группы «Алка» («Коллегия») — якобы для подпольной деятельности, хотя группа эта была организована представительством Казахской АССР при Сибревкоме для широкого осведомления населения Сибири о Казахской республике.

К сожалению, нам совершенно неизвестен десятилетний период пребывания поэта в ссылках и заключении. Освобожденный в 1936 г. по ходатайству М. Горького и Е. П. Пешковой, М. Жумабаев вновь подвергается аресту в 1937 г., а в 1938 г. жизнь его оборвалась.

Правда, существовала версия, что поэт не был расстрелян в 1938 г. (вместе с еще девятнадцатью осужденными — тогдашними деятелями партии, правительства и культуры), а был сослан в Новосибирскую об-

ласть, затем на Новую Землю и лишь в 1956 г. погиб от руки наемного убийцы. По другой версии М. Жумабаев умер в 1942 г. Но все это только легенды, в изобилии рождавшиеся на огромных пространствах архипелага ГУЛАГ.

Писал ли поэт что-нибудь в годы ссылки и заключения? Об этом у нас нет сведений. Да и о чем мог писать в то время опальный литератор — о собственных мучениях или о коренной ломке традиционного уклада жизни, сопровождавшейся беззакониями и насилием? Он мог попытаться найти и некий угол зрения на новую деятельность, о чем, кстати, свидетельствует его поэма «Девяносто—большинство», опубликованная в 1927 г. Но все это лишь догадки. Как бы то ни было, после 1927 г. мы голоса М. Жумабаева не слышим. Как многие истинные поэты, он предсказал свою судьбу:

Соловей мой, что не поешь?
 Почему песня твоя оборвалась?
 Проклинаю закон исконный:
 Как только начнет петь соловей,
 Тут же дружно квакают лягушки.
 Увидев такое, немудрено,
 Если замолкает и молча гибнет соловей.

(Подстрочный перевод)

О сложном жизненном пути М. Жумабаева обстоятельно рассказывает в своем обширном ходатайстве о реабилитации поэта (датован еще 1969 г.) Сайфи Кудаш — виднейший башкирский писатель, близкий общавшийся с поэтом в Северном Казахстане в 1910—1915 гг. Хотелось бы особо отметить благородную инициативу журнала «Дружба народов», первым опубликовавшего письмо Сайфи Кудаша в ЦК КП Казахстана на имя бывшего первого секретаря и в Союз писателей Казахстана, которое, к сожалению, осталось без последствий. Наряду с этим письмом журнал поместил представительную подборку стихов крупнейшего казахского поэта, тем самым, по существу, первым в Союзе проявив заботу о восстановлении честного имени Магжана Жумабаева. Вот что писал Сайфи Кудаш: «М. Жумабаева я считал и считаю одним из наиболее своеобразных и больших мастеров стиха: в этом плане он достойный преемник Абая. В то же время в нем, как в капле воды, отразилась вся сложность эпохи, в которой он формировался, жил, работал и трагически погиб. Любая попытка дать однозначную оценку творчеству М. Жумабаева — возвысить ли его до уровня борца-революционера или, напротив, принизить до уровня врага Советской власти и казахского народа — является вульгарной примитивизацией нашей истории и во втором случае — безответственным нигилизмом в отношении нашего культурного наследия. Такие оценки могут появиться только в том случае, если полностью абстрагироваться от реальной исторической обстановки в Казахстане в первой четверти XX века или если оставаться, как некогда активные деятели «Пролеткульта» и РАППа, последовательным приверженцем вульгарного социологизма в трактовке фактов и событий из истории национальных культур» [2. С. 164].

Действительно, события 20-х годов настолько грандиозны и в политическом смысле разнообразны и противоречивы, что трудно было бы ожидать от их участников спокойных, взвешенных оценок, к которым мы приходим только сегодня, десятилетия спустя. Образование КазАССР в 1920 г., советизация аула, а в дальнейшем — коллективизация,

разнообразные и зачастую спорные выступления политических лидеров республики и представителей интеллигенции о путях развития общества, о размежевании границ, особенно же по вопросам национальной культуры, — все это привело к ужесточению моральной атмосферы в обществе, породило изрядную путаницу в умах людей. Магжану Жумабаеву сразу же приписали национализм, его замечательные произведения были раскритикованы как неклассовые и непролетарские. В такой же ситуации оказался и Ж. Аймаутов, чья трагическая судьба была сходной с судьбой М. Жумабаева.

Знакомясь теперь с наследием М. Жумабаева, мы отмечаем прежде всего, говоря современным языком, глобальный характер его поэтических построений. Стиль мастера чрезвычайно своеобразен, это новое слово в казахской поэзии, новое веяние в ней, заметно отличающееся от традиций Абая (хорошо усвоенных М. Жумабаевым), а также и от творческой линии, представленной именами Султанмахмуда Торайгырова, Сакена Сейфуллина, Ильеса Джансугурова, Сабита Муканова.

Поэт одухотворяет природу — горные холмы, долины, глубокие и прозрачные озера приобретают живые черты, он пишет о солнце и луне, зимнем вечере и летнем утре, он словно разрушает ту невидимую перегородку, ту грань, что существует между внутренним миром человека и миром природных явлений, как бы соединяя воедино человека и Вселенную, человека и природу, достигая на этом пути впечатляющих художественных обобщений.

Явления мироздания находят отзвук в сознании, в восприятии лирического героя и рождают красочные, иногда и фантастические картины. И кажется, что слова намекают на нечто неуловимое, разлитое в пространствах внешнего мира или, напротив, сконцентрированное в тайниках мира внутреннего, душевного. Зимняя дорога, ветер, волны как бы одушевляются, приобретают особый смысл, символизируют невидимую, но осязаемую связь человека и природы. В этом — магическая сила мастера, находящего ту единственную гармонию внешнего и внутреннего, которая придает особую завораживающую прелесть его стихам:

Ночь. И буран свиреп,
Мертвая голая степь...
Ветер рычит во мгле,
Жметяся, как зверь,
 к земле,
То подползает ко мне,
То замрет в стороне,
То начнет угрожать,
И опять, и опять
 Воет от злобы.
Кто-то хохочет в степи,
Кто-то бормочет — спи...
Ветер свистит в ушах,
То нагоняет страх,
То спасенье сулит,

Шепчет слова молитв,
 Плачет, тоскует.
...Что это там вдали?
В снежной, густой пыли?
 Не разберу я...
Мертвая голая степь.
Ночь. И буран свиреп.
Хоть бы где огонек!
Конь совсем изнемог,
Больше я не могу —
Здесь, в глубоком снегу,
 Верно умру я...

(«Зимняя дорога».

Пер. А. Жовтиса)

Обратим внимание и на следующий фрагмент из стихотворения «Летняя дорога» (перевод подстрочный):

Степь, степь, желтая степь,
Во все четыре стороны одна только степь,
Иду один в этом мире, слезы душат меня.

Летний знойный день, степь мертва.
 Не слышно ни звука, земля задыхается.
 Только дорога змеей вьется,
 Только пыль вокруг кружится.
 В пламенеющем небе ни облачка, тишина кругом,
 Не стоны ли слышатся, не плачет ли джинн?
 Или это дьявол танцует?
 Сознание гаснет, одолевает тоска,
 Слезы текут ручьем, мне бы тоже умереть,
 Задохнувшись в этом безмолвии.

Приведенные нами поэтические строки весьма характерны для творческой манеры М. Жумабаева. При всем внимании поэта к приметам реальной действительности, он все-таки в первую очередь стремится к передаче того или иного настроения, он апеллирует не столько к интеллекту читателя, сколько к его эмоциональному, душевному опыту, способному воспринять непосредственное лирическое начало стихотворения. Эта своеобразная суггестивная музыка заметно выделяла лирику М. Жумабаева из общего ряда казахской поэзии того времени. В стихах поэта было немало тревожного, таинственного, недосказанного. Он чувствовал напряжение времени, общее неблагополучие, кризисность эпохи, и поэтические образы, лирическая тайнопись должны были эту тревогу передать, найти ей словесное выражение. Многие роднит поэзию М. Жумабаева с творчеством романтиков, а также и символистов. Слово здесь не только соотносится с предметом, но намекает и на некий высший, так сказать, сверхреальный смысл, на некую идеальную схему бытия, сокрытую от взора, хотя и в не меньшей степени реальную, чем сама действительность. Все это, повторим, для казахской поэзии было большой новостью.

Читая стихи «Ветер», «Волны», «Весной» и другие, вспоминаешь строки К. Бальмонта: «Я вольный ветер, я вечно вею», «Я в бегстве живу неустанном, в ненасытной тревоге живу» («Ветер»), «Красавица тоски беспеременной, верховная владычица печали» («Луна») или А. Блока: «Ветр налетит, завоюет оне» и др. У Магжана Жумабаева: «Узоры ткешь на глади озера, взбаламутив его» («Ветер»), или такие строки из стихотворения «Луна» (1911):

Ты видишь простор бесконечный степной,
 Как шалью, покрытый беспечной травой.
 Здесь горы до неба, медовые реки,
 Я сын твой, отчизна, рожденный тобой.

Разумеется, эти особенности стиля поэта словно провоцировали «левых» догматиков того времени на обвинения М. Жумабаева в мистицизме, пессимизме и прочих грехах, выискиванием которых с большим усердием и классовой непримиримостью занималась вульгарно-социологическая критика.

Что дошло до нас из наследия Магжана Жумабаева? Пока мы знаем уже упомянутый сборник «Шолпан» («Венера»), также изданную в Казани в 1922 г. книгу «Стихи Магжана Жумабаева» с предисловием известного поэта Бернияза Кулеева, одноименный сборник, увидевший свет в 1923 г. в Ташкенте, с предисловием известного партийного и государственного деятеля Султанбека Ходжанова, сказочную поэму «Жусуп-хан» (Москва, 1928), поэму «Батыр Баян», напечатанную в 1923 г. в журнале «Шолпан», издававшемся в Ташкенте, и ряд других стихотворений и поэм, опубликованных в различных газетах и журна-

лах. Последним из известных нам значительных произведений М. Жумабаева была поэма «Девяносто—большинство», опубликованная в 1927 г. в газете «Енбекши казах» (ныне—«Социалистик Қазақстан»). Однако до сего времени никто всерьез сбором и публикацией сочинений поэта не занимался. Для того, чтобы осуществить эту работу, необходимо взять на себя труд систематического просмотра прессы того времени (например, ташкентской газеты «Ак жол», где были опубликованы многие стихотворения поэта и его поэма «Коркут»); следует предпринять также архивные разыскания.

В период учебы в Омской учительской семинарии, а затем в Московском высшем литературно-художественном институте в 1923—1927 гг. М. Жумабаев, как уже говорилось выше, углубляет свое знакомство с мировой и русской классикой. Пишет он и подражания, иногда переводит. Среди имен, часто упоминаемых М. Жумабаевым (произведения некоторых из этих авторов он перевел), мы встречаем Гете, Гейне, Шиллера, Байрона, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Крылова, Мятлева, Кольцова, Короленко, Мамина-Сибиряка, Мережковского, Л. Андреева, Бальмонта, Есенина, Вяч. Иванова, Блока и др. Высоко ценил и переводил поэт М. Горького, часто обращался он и к переводам сочинений В. И. Ленина. М. Жумабаева привлекала в искусстве общечеловеческая масштабность, гуманистическая направленность, способность художника возвыситься над сиюминутными целями и интересами, какими бы важными они ни представлялись, и повести с читателем разговор о подлинно нетленных ценностях.

Хорошо знавший поэта Сайфи Кудаш свидетельствует: «На протяжении всей своей трудной жизни М. Жумабаев работал. Возможно, он делал меньше, чем ему позволяли силы и талант, но и в этом виноват не только он. После установления Советской власти он пребывал в некоторой нерешительности, но недолго. Вскоре он работает редактором в Москве, в центральном издательстве. Затем учится в высшем литературном институте, один из профессоров которого называют его „Киргизским Пушкиным“. В те годы он работает над учебниками для казахских школ, переводами произведений В. И. Ленина, русских писателей. Все это позволяет самому Жумабаеву постепенно избавляться от противоречий и колебаний в своих взглядах, все глубже и прочнее воспринимать марксистско-ленинское мировоззрение» [2. С. 165].

Как уже было сказано, М. Жумабаев по стилю не похож ни на Абая, ни на поэтов своего поколения. Он в высшей степени оригинален. Правда, Жусупбек Аймаутов в своем докладе, сделанном в Ташкенте в 1923 г., вероятно, к 30-летию поэта, предпринял попытку, основываясь на отдельных строках и фрагментах, сблизить творческую манеру М. Жумабаева с поэтическим стилем Абая и Шангерее Букеева. Например, такие строки из стихотворения «Осень» как будто близки своей тональностью творчеству Абая:

Не думают казахи, чтобы учить детей своих,
Сеять бы рознь, транжирить добро—вот вся
их забота.
...Погряз в невежестве, не стремится к знаниям
несчастный народ мой,
Обессиленный, постоянно терпишь ты унижения.
Нет мочи шевельнуться, осталось тебе только
дух испустить.

(Подстрочный перевод)

Но, думается, подобный вывод был бы поверхностным и поспешным. М. Жумабаев не чурался социальной темы, но в его поэзии она всегда была включена в более высокий контекст размышлений о жизни в целом, о судьбе человека, его участи на этой земле. Напротив того, Абай шел на прямой контакт с социальной действительностью, надеясь на ее пересоздание с помощью поэтического слова, на мощную организующую и духоподъемную силу поэзии. Для Шангерая же на первом плане стояла красота, даже эlegantность поэтической речи.

Короче говоря, М. Жумабаев представляется нам поэтом, если можно так выразиться, внеконтекстным — он резко отличался от своих современников, собратьев по своему «святому ремеслу». Он стремился к выражению сокровенных чувств, не боялся показаться пессимистом, поскольку не желал приукрашивать реальность; он воссоздавал не первый, лежащий на поверхности конкретно-материальный слой действительности, но, скорее, тот, что лежит на глубине и не всегда доступен взору. Печальные интонации поэзии М. Жумабаева можно объяснить и ссылками на драматический характер эпохи, приводивший нередко к разладу в душе художника; можно отметить и вероятное воздействие на казахского поэта декадентского и символистского искусства, в то время чрезвычайно влиятельного. Но следует сказать, что никакое влияние невозможно, если к нему нет внутренней предрасположенности; М. Жумабаев в этом отношении был самобытным, и смелость творческих дерзаний его романтична, а романтизм импонировал М. Жумабаеву, сказавшему, что поэт подобен вечно блуждающему демону, а вернее, даже ребенку, смело отправившемуся в далекий путь, но не ведающему об опасности.

Здесь уместно снова сослаться на Сайфи Кудаша, характеризующего сложность той эпохи и особенности мировосприятия: «Магжан Жумабаев как писатель, а также его мировоззрение формировались в период после революции 1905 г. В то время на волне развивающегося казахского национально-революционного движения и в условиях роста казахской буржуазно-демократической культуры шел процесс становления целой плеяды казахских интеллигентов. Социальный состав, так же как и политические взгляды этой группы деятелей культуры, литературы и просвещения, был довольно сложным. В их мировоззрении устойчивым и четким было лишь одно: страстное желание свободы, счастья и культуры своему народу. Однако в понимании сущности этой „свободы“, в выборе путей борьбы за освобождение своего народа от национально-колониального и социального гнета, от темноты, безграмотности и невежества не было у них ни ясности, ни тем более сколько-нибудь четкого классового подхода. Октябрьская революция с ее предельно четкими лозунгами и принципами поляризовала и дифференцировала прежде аморфные социальные силы. На разные стороны баррикад встали представители национальной интеллигенции, еще недавно солидарные в своих просветительских устремлениях. В то же время очень многие представители национальной интеллигенции прошли тернистый путь сомнений, колебаний и ошибок, прежде чем прочно и окончательно утвердились в социалистическом мировоззрении. Эти сложные моменты должны быть, кажется, исходными при анализе деятельности людей эпохи революции, гражданской войны и первых лет Советской власти и особенно тогда, когда мы боремся за такое ответственное и деликатное дело, как общая политическая и гражданская оценка крупных писателей и других деятелей. Здесь мы ответственны не только перед памятью умерших или погибших, но и перед судом истории» [2. С. 164].

Мы привели эту обширную цитату, потому что Сайфи Кудаш уди-

вительно точно выразил противоречивость эпохи, о которой он сам знал стнюдь не понаслышке. Свидетель и участник событий тех трудных лет, человек, искренне озабоченный возвращением наследия М. Жумабаева в родную литературу, Сайфи Кудаш имеет право быть выслушанным со всем вниманием.

Особое место в наследии М. Жумабаева занимает тема Запада и Востока, их нередко драматического противостояния. Кто только не писал в то время на эту тему! Р. Киплинг воспевал «бремя белых», но, по сути дела, в равной мере воздавал должное мужеству англичан и индийцев. Размышляли «о Западе и Востоке» В. Брюсов, А. Блок, А. Белый, в свою очередь учитывавшие традиции, заложенные в русской поэзии и русской мысли Вл. Соловьевым. Подход М. Жумабаева был однозначным: быть пророку с Востока, утверждал он. Он предостерегал от влияния Запада, откуда плывут черные тучи, смрад и дым (войны и смерть, пагуба для души). Поэт утверждает, что освобождение придет с Востока, что могучая Азия сбросит иго колониализма и отсталости. Здесь уместно напомнить интересное рассуждение Ж. Аймаутова из вышеупомянутого доклада о М. Жумабаеве. Он утверждает, что стихотворения «Свобода», «Восток», «Пророк», «Туркестан», «Кобыз Койлыбая», «Всемирный потоп» испытали воздействие идей немецкого культурфилософа О. Шпенглера, основной труд которого «Закат Европы» вышел в 1923 г. на русском языке (т. 1). Влияние это не исключено, хотя, надо сказать, что представления о Западе, исчерпавшем свои внутренние ресурсы, взрывающемся под напором неразрешимых противоречий, были типичными для того времени. Они носились в воздухе, и в самом деле насыщенном грозowymi разрядами, предвестием грядущих вот-вот потрясений. Вспомним, например, как писал в своих «Скифах» А. Блок:

Мильоны — вас, нас — тьмы, и тьмы, и тьмы,

Попробуйте, сразитесь с нами!

Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы —

С раскосыми и жадными очами! [З. С. 453]

Однако после энергичных строк и категоричных суждений о Западе и Востоке М. Жумабаев переходит к размышлениям на казахскую тему, которая главенствует в стихотворениях «Кобыз Койлыбая», «На кручах Окжетпеса», «Кокшетау», «Уральские горы», «Весной», «Заждался» и др. В этих произведениях поэт делает попытку осмыслить соотношение старого и нового в жизни родного края, описывает, к каким нелегким последствиям, к какой дисгармонии ведут иные новшества, проводит исторические параллели. Перед глазами читателя проносятся образы злодеев Чингис-хана, Тимура, защитников земли Аблая, Баяна, Богембая, Кенесары и др. Поэт переживает, что традиции доблести и чести постепенно уходят в прошлое, а новое время еще не утвердило свои порядки. Забвение всего благородного, подлинного, добрых народных традиций ведет к нравственному оскудению, к мещанской морали. Поэт остро ощущает неблагоприятное переходного времени, он ищет нравственной опоры в истории. Об этом — поэма «Батыр Баян», стихотворения «Прошлое священо», «Домбра» и др. М. Жумабаев вспоминает предков-тюрков, землю Турана и времена, когда эта земля была прародиной древних тюрков, кочевников-казахов. Теперь же она — накануне больших перемен, и, возможно, даже память исчезнет о ней. И в самом деле, «Туран» можно обнаружить сегодня лишь на старых географических картах.

Содержание таких стихотворений поэта, как «Город летом», «Чугунная дорога», «Гони коня, Сарсенбай» и других, не раз было предметом дискуссий в казахской критике 20-х и 30-х годов. М. Жумабаева обвиняли в противопоставлении города аулу, железной дороги — казахской степи. Сегодня эти стихотворения перечитываешь другими глазами. Дело в том, что для отсталого полуфеодалного казахского аула новшества были неожиданным вторжением в размеренную степную жизнь. И не только в материальную среду, но и в духовную сферу, в систему традиционных навыков и установок, этических норм. Ведь трезвомыслящему человеку с самого начала было ясно, что революция не только преобразует и улучшает, но и разрушает, в том числе исконно необходимое для человеческой жизнедеятельности.

Однако в 20-х годах утвердилось прямолинейное представление о революции, в дальнейшем закрепленное победившей бюрократией. Художников отлучали от искусства, а нередко и от жизни, находя в их творчестве неподобающие суждения, индивидуальный, а не директивный подход к событиям. Несмотря на неоднократные предостережения В. И. Ленина о том, что литература и искусство не поддаются нивелировке, что тут должны господствовать свобода, простор мыслей и чувств, партийные функционеры требовали политизации всей духовной сферы, в чем и преуспели. Подчинив искусство политическому диктату, мы, по существу, выхолостили его эстетическую сущность.

Но могут ли поэты быть революционерами в прямом смысле этого слова? Бесспорно. Примеров тому немало — от Ш. Петефи и К. Рылева до С. Сейфуллина и Е. Чаренца. Но не менее важен духовный подвиг поэта, революция, которую он производит в сознании своих читателей, заставляя их по-новому увидеть привычный мир, переосмыслить его. М. Жумабаев принадлежит именно к этой категории художников. Он смело поднимал животрепещущие вопросы времени, писал о добре и зле, о сущности жизни, он внес много новшеств в казахскую поэзию начала XX в. Не одно поколение любителей поэзии зачитывалось стихами М. Жумабаева в рукописях, поскольку все его книги были запрещены и частично уничтожены. Его лирика на протяжении десятилетий оставалась столь же одухотворенной и привлекательной, она чаровала свежестью мысли, меткостью языка, изяществом словоупотребления, даже словесной игры. Поэт с неизменной искренностью писал о судьбе родного края, о любви, о времени, о месте человека в жизни, о долге и чести. Большой цикл составляет любовная лирика. «Гульсум», «Джамия», «К З.», «Невестка молодая», «Любовь, как роза с шипами», «Красивее ты всех», «Зулейха» и другие стихотворения посвящены женщине-казашке, ее красоте и благородству и напоминают лирику Гете из его «Западно-восточного дивана». Некоторые же стихотворения, например: «Целуй, целуй, милая моя, пусть с поцелуем твоим сладостный яд вольется в кровь мою», заставляют вспомнить поэзию С. Есенина. Стихотворение «Ты красивее всех» стало любимой в народе песней, причем далеко не каждый исполнитель, нередко трансформировавший текст М. Жумабаева, знал, кто является истинным автором песни.

Во многих стихах М. Жумабаева, как мы уже отметили, присутствуют мотивы жизни и смерти. Они особенно заметны в стихотворениях «Мечты», «Раненый», «Огонь», «Настроение», «Убаюкивай меня, смерть». В представлении поэта жизнь и смерть взаимосвязаны, неразделимы, они всегда сопровождают друг друга. Его герой Коргут ведет долгую тяжбу со смертью, уходит от нее, но встреча с ней все равно

неизбежна. Заклучая поэму о Коркуте, поэт утверждает: «Не буду жалеть себя, готов умереть за свой народ, если хоть что-нибудь сумею сделать для него».

Стихотворения «Признание», «Заждался», «В тюрьме», «Гульсум», «Кто я?» характерны для противоречивого умонастроения поэта 20-х годов. В них звучат и бодрые, жизнеутверждающие ноты, и мотивы тоски, разочарования, усталости, хотя в целом поэт стремится сблизиться с новой действительностью, обрести душевное спокойствие взамен уже привычной для него сердечной смуты (об этом идет речь в исповедальном «Признании»).

Перу М. Жумабаева принадлежат несколько поэм: аллегорическая «Сказка» (первоначальное название — «Сказка-небылица»), «Жусупхан», «Коркут» и др.

Самой значительной и художественно завершенной является поэма «Батыр Баян». В ней повествуется о давних событиях, происшедших во времена вражды и военных столкновений между казахами и калмыками. Как пишет автор, это было до установления мира и дружбы между этими народами в эпоху Аблай-хана. В порыве гнева предводитель батыр Баян убивает своего младшего брата Нояна и красавицу калмычку, которые, несмотря на его заботу и расположение, решились на бегство. До этого сам Баян-батыр был влюблен в юную калмычку, но, не добившись взаимности, сделал ее названной сестрой. Однако бегство молодых возмутило его и привело к трагической развязке. В поэме мы видим клубок неожиданных, противоречивых поступков: с одной стороны — отвага, любовь, дружба и милосердие, с другой — слепота гнева, мести, кровопролитие.

Поэма начинается с идиллических картин прекрасной природы, искренних, не замутненных распрями отношений героев друг к другу, но вот тень вражды пробежала, вот она сгустилась до трагической черноты, и конфликт, кровавый и страшный, стал неизбежен, неотвратим, как рок.

Поэмы М. Жумабаева оригинальны по фабуле, построению, художественно цельны. Эти качества характеризуют и «Сказку», увидевшую свет в 1926 г. Сюжет поэмы действительно сказочен: речь в ней идет о войне между мышами и кошкой. Действие происходит на Востоке, в стране, где светит солнце и растут прекрасные плоды. Напившись виноградного вина, мышь стала поносить кошку, но проходившая мимо кошка, услышав это, рассвирепела и съела хвостунью. Дальше автор с большой изобретательностью описывает стычки между мышами и кошкой, в результате которых кошка как будто даже образумилась, отказалась от своих дурных наклонностей и, помолвившись в мечети, призвала мышей к перемирию. Но явившуюся с дарами мышиную делегацию кошка все-таки съедает. В конце концов мыши берут верх и изгоняют кошку, а заодно и собственного мышинного царя. Подобного рода аллегорические или просто шуточные произведения — не редкость в мировой литературе (достаточно вспомнить хотя бы приписываемую Гомеру поэму «Батрахомиамахия»). Однако на голову М. Жумабаева посыпались жестокие политические упреки и обвинения вроде того, что тут якобы имеются в виду русский царь, революция 1905 г., поп Гапон, рабочие и крестьяне и даже большевики и эсеры.

Обвинения эти никакой почвы под собой не имели, но последствия их были тяжелыми, поскольку они усугубляли атмосферу недоверия, которое питали к М. Жумабаеву «неистовые ревнители» классовой чистоты в литературе, а также покровительствовавшие им политические функционеры.

Последней значительной и по содержанию и по форме поэмой М. Жумабаева является «Девяносто—большинство», в которой поэт приветствует новую жизнь, пришедшую к обездоленным, и утверждает, что теперь он заодно с большинством, вместе с девятыстами. А раньше, пишет автор, он был на стороне всех ста, не делая различия между угнетенным большинством и угнетающим меньшинством. К этому же времени относятся известные стихи «Бедный казах», «Красное знамя», «Труд», «Золотому поэту Абаю» и др. Вот характерные строки:

Чей он, этот багряный флаг?
Он горит теперь над тобой,
Азиатский мой край родной,
Затерявшийся в пестрых горах.
Твой он, Азия, твой, казах!
Чей он, кровью окрашенный флаг?
Тех, кто знал лишь одну судьбу,
Уготованную рабу,
Кто страдания знал и страх...
Это знамя твое, казах!

(Пер. А. Жовтиса)

Последние датированные стихи поэта относятся к 1926—1928 гг. Дальше наступило молчание, к которому его насильственно приговорили. Когда-то на смерть известного поэта Бернияза Кулеева, трагически погибшего в молодом возрасте, М. Жумабаев писал:

Жизнь — степь, и в ней поэт — ребенок,
и душа блуждать ему велит.
Словно шелест пенистых оборок,
жизнь его займет и усыпит.
Жизнь и смерть в борьбе непримиримы.
Только песнь роднит их, только стих,
надо, прежде чем сразиться с ними,
петь, созвучьем связывая их.

(Пер. А. Парщикова)

В этих строках словно отражена собственная судьба М. Жумабаева. Теперь, спустя полвека после мученической смерти поэта, настали времена, когда стало возможным, наконец, произнести вслух его имя и даже издать его сочинения. Здесь вполне можно согласиться со строками Байрона: «Кончил жизни путь герой, теперь начинается путь его славы».

У Магжана Жумабаева при жизни было немало хулителей, но были и преданные ему поклонники.

Названные выше Ахмет Байтурсынов, Жусупбек Аймаутов, Мир-Якуб Дулатов высоко ценили талант поэта и предвещали ему большое будущее. Оригинальность творчества Магжана Жумабаева отмечали Сакен Сейфуллин, Беимбет Майлин. Еще в 1928 г. Мухтар Ауэзов писал о том, что он искренне полюбил Магжана Жумабаева за необычные, восхитительные стихи, изменившие его понятие о казахской поэзии. Сабит Муканов писал: «Обогащению языка казахской поэзии, расширению ее изобразительных возможностей никто не способствовал в такой мере, как Магжан Жумабаев. В истории казахской словесности после Абая никто не может превзойти Магжана» [4. С. 283].

Сегодня необходима тщательная работа по сбору и публикации

наследия М. Жумабаева. В упомянутом выше ташкентском сборнике стихов 1923 г. помещены 162 стихотворения, в других сборниках они в значительной мере повторяются. Многие стихи, поэмы, рассказы, переводы разбросаны по газетным и журнальным страницам. Все это следует собрать, проанализировать, чтобы подготовить основу для собрания сочинений М. Жумабаева. Следует также переводить его произведения на русский язык, чтобы они стали достоянием всесоюзного читателя. Это благородное дело, безусловно, послужит восстановлению доброго имени одного из талантливейших поэтов начала XX века.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ О творческом наследии Магжана Жумабаева, Ахмета Байтурсынова и Жусупбека Аймаутова // Казахстан. Правда. 1988. 28 дек.

² Сайфи Кудаш. Письмо о реабилитации Магжана Жумабаева // Дружба народов. 1988. № 12.

³ Блок А. Сочинения: В 2 т. М., 1955. Т. 1.

⁴ Муканов С. XX ғасырдағы қазақ әдебиеті. Алматы, 1932.

М. Б. МАМЕДОВ

НАРИМАН НАРИМАНОВ И РОДНОЙ ЯЗЫК

Видный партийный и государственный деятель, писатель и публицист Н. Нариманов сыграл заметную роль в развитии азербайджанского литературного языка конца XIX—начала XX в.

Вопросы азербайджанского языка, его преподавания и развития занимали Н. Нариманова на протяжении всей его сознательной жизни, причем писатель и политик, в отличие от некоторых своих просветительски настроенных современников, был сторонником рассмотрения языковых проблем в русле проблем общенациональных.

Основные мысли Н. Нариманова о родном языке высказаны в составленных им учебниках «Краткая грамматика тюркско-азербайджанского языка» («Түрк-Азәрбајҹан дилинин мүхтәсәр сәрф-нәһви») и «Самоучитель тюркского языка для русских» («Мүәллимсиз түрк дилини өйрәнмәкдән өтрү руслар үчүн асан китабча»), в романе «Бахадур и Сона», в фельетонах «Недельный крик» («Һәфтә фәрјады»), «Беседа в пятницу» («Чүмә сөһбәти»), опубликованных в газетах «Хаят» и «Иршад», в ряде статей, помещенных в газетах «Басират», «Ени игбал», «Гуммат», «Бакинский рабочий» и «Коммунист», в выступлениях и докладах.

В статье «Сегодня», написанной в связи с открытием 15 августа 1906 г. в Баку Закавказского съезда учителей, Н. Нариманов, по инициативе которого и был создан этот съезд, высказал мысль о том, что каждый народ для отстаивания своей культуры и самобытности должен прежде всего завоевать свободу. Азербайджанский язык, по мнению писателя, — решающее средство духовного единения народа, осознания им стоящих перед ним многообразных задач. Неиссякаемая любовь Н. Нариманова к родному языку прозвучала в этой статье как лирический напев: «Родной язык! Как близко и трогательно, как свято и величественно это слово! Родной язык! Язык, на котором самое дорогое для тебя существо излило над твоим изголовьем всю силу беспредельной любви и нежности к тебе...» [1].

Н. Нариманов верил, что родной язык, которым так долго пренебрегали, в будущем вновь обретет силу и достоинство, а народ выдвинет из своей среды людей, способных продолжить традиции Насими и Физули, Вагифа и Закира, Мирзы Фагали Ахундова и Сабира. Н. Нариманов писал: «Какой из новых прекрасных романов перевел на свой язык, который из них прочитал? Наши дети на своем языке прочитали ли какие-либо рассказы о морали и этике? Хорошо ли ты знаешь национальных поэтов на Кавказе — Закира, Вагифа и Видади? До прошлого года о каком больном вопросе ты мог писать и читать на родном

языке? Всего этого не было... Посредством своего языка мы узнаем, кто такие были Толстой, Тургенев, Гоголь, Виктор Гюго, Золя, Байрон, Шекспир, Шиллер, Гете. Да, сегодняшнее собрание учителей преследует эту цель...» [1].

Н. Нариманов приветствовал революцию 1905 г. и, связывая развитие родного языка с завоеванием политической свободы, заканчивал свою статью следующими словами: «Теперь такой вопрос: почему же до сих пор мы не задумывались об этом? Может быть, мы считали свой родной язык не стоящим внимания? Нет, эфенди. Наш язык в Азии играет такую же роль, какую в Европе играет французский язык. Однако мы сами не ценим его, забросили его. Без свободы этот язык остался бы в таком состоянии. Он не избавился бы от пленения. Да здравствует свобода! Пусть прозреют незрячие, дабы увидеть, что сегодняшнее собрание осуществлено благодаря свободе» [1].

В концовках своих публицистических статей, носивших обычно характер непосредственного политического призыва, обращения, Н. Нариманов касался также вопросов языка. Так, в статье «Государственные дела», перечисляя напоследок задачи, стоящие перед депутатами Государственной думы, писатель наказывает им открыть дорогу «народностям с забытыми языками» — с тем, чтобы обогатить и развить эти языки [2].

Точно так же в финале одного из своих фельетонов из цикла «Беседа в пятницу», опубликованных в газете «Иршад», Н. Нариманов, касаясь общественно-политических вопросов, удачно обыгрывает в своих целях некоторые дотоле непривычные для азербайджанского читателя слова из политического лексикона, в том числе слово «бойкот». В выборе именно этого слова и целенаправленном использовании его в концовке статьи проявилось публицистическое мастерство автора. Публицист пишет: «Русские образовали от слова „бойкот“ глагол „бойкотировать“. Если мы тоже будем говорить „бойкотлазмаг“, то что тут такого? Теперь наш язык усилился с прибавлением нового глагола. Однако для того, чтобы новое слово запомнилось, нужно его многократно повторять. С этой целью мы и будем его повторять. Враги свободы заслуживают бойкота. Бойкотируйте лиц, в корыстных целях готовых продать народ. Бойкотируйте мусульман — врагов культуры. Если не будете бойкотировать людей, обращающихся с рабочими как с животными, то ваши нужды не будут удовлетворены.

Бойкотируйте тех, кто, имея возможность, не стремится к прогрессу нации во всех отношениях и препятствует тем, кто стремится к такому.

Если и не будете бойкотировать тех, кто пытается украсить родной язык чужестранными словами, то хотя бы отучите их от этой привычки. Мы уж не говорим о том, что, по нашим представлениям, действительно заслуживающими бойкота являются последние...».

Национальную литературу и печать Н. Нариманов считал одним из основных факторов развития самосознания нации, отстаивания ею своих прав. В большой статье «Средство от наших бед», содержащей целую программу культурного развития азербайджанского народа, он писал в этой связи: «Народ не будет осознавать своих прав до тех пор, пока он не познает самого себя. А для этого нужны национальный язык, национальная школа, национальная печать, национальная литература. В свою очередь, их возникновение и прогресс связаны для нас со свободой» [3]. И судьба Н. Нариманова сложилась таким образом, что именно он, находясь на посту председателя республиканского ревкома, под-

писал указ об употреблении азербайджанского языка в качестве государственного на территории Советского Азербайджана. В апреле 1921 г. газета «Коммунист» писала по этому поводу: «Азербайджанский революционный комитет издал указ, который должен быть вписан золотыми буквами в историю: это указ об употреблении азербайджанского языка в государственных учреждениях в пределах Азербайджана...» [4].

Н. Нариманов ратовал за чистоту азербайджанского языка и обогащение его народными разговорными словами и выражениями. Писатель советовал всем своим собратьям по перу писать на простом азербайджанском языке, понятном широким массам. Тех же, кто в своих сочинениях употреблял архаические арабские и персидские слова, он подвергал резкой критике, иронизировал над ними: «Слава богу, у нас немало пишущих, и их не упрекнешь. Это ученые. Они иссушили себя ради науки, только не умеют писать на простом языке. Ничего, эфенди, пишете. ... Но окончательно не отвергайте азербайджанского, ибо большинство наших новоявленных литераторов „сочиняет“, т. е. желает писать столь же возвышенно, как и вы. Поэтому вы не чуждайтесь тюркского (азербайджанского. — М. М.) языка, ибо чем ближе вы будете к нему, тем меньше будет их увлеченность арабизмами и фарсизмами...» [5].

Н. Нариманов высмеивал поэтов, которые наводняли свои стихи арабскими и персидскими словами и оборотами, а также критиковал теоретиков языка, отрицавших существование единого национального языка на общенародной основе: Он иронически писал в этой связи: «Например, вы хотите стать русским поэтом. Для этого вы должны, кроме русского языка, владеть французским, немецким, английским, японским и прочими языками или же если хотите стать тюркским поэтом, то должны быть знакомы с персидским, арабским, тюркским языками. Тюркский же язык делится на несколько частей. Например, тюркский язык с „нун-сагиром“ и тюркский язык без „нун-сагира“. В свою очередь, тюркский язык без „нун-сагира“ опять-таки подразделяется, например, на тюрки-Чемберекенди и тюрки-Ичери-шехери. И это еще не все. Одним словом, это большая наука. Для этого нужно по меньшей мере 7—8 лет. Вот изучите тюркские языки, тогда и начнете сочинять стихи...» [6].

В одном фельетоне, опубликованном в 1906 г. в газете «Иршад», Н. Нариманов резко критиковал тех, кто утверждал, будто азербайджанский язык груб, беден, нуждается в «украшениях» и «нарядах»: «Тюркский ребенок никогда не согласится, чтобы совершалась измена в отношении его родного языка. Измена?! Да, измена! И не один раз, а сто раз, тысячу раз! Мы будем писать о вашем нелепом наречии! Будем орать! Во всяком случае мы не согласимся, чтобы вы предавали мусульманских детей. Вы не принимаете во внимание их положение в будущем, не так ли? Простите, эфенди! Если вы хотите, чтобы они были похожи на вас, то мы будем препятствовать этому. В противном случае мы допустили бы измену в отношении народа. Не зная языка народа, трудно найти средство исцеления его горя, его страданий» [5].

При этом Н. Нариманов всячески подчеркивал необходимость изучения иностранных языков, и неслучайно в одном из ключевых произведений писателя, ярком образце азербайджанского просветительского реализма романе «Бахадур и Сона» мы видим героиню, уже к пятнадцати годам владеющую французским, русским и тюркским языками и берущую уроки персидского.

Н. Нариманов, как и его современник Дж. Мамедкулизаде, подвергал резкому сатирическому огню тех, кто игнорировал родной язык, и

недолюбливал тех, кто с грехом пополам разбирали по-персидски, кичились тем, что обильно употребляли арабские и персидские слова. Доставалось от Н. Нариманова и духовенству: «Наши бедняги-моллы в большинстве своем не умеют писать письмо на родном языке и в то же время считают себя грамотеями, ибо умеют писать по-персидски и вкусили кое-что из арабского. ... Не стыдно ли? Раз так, назовем себя не тюрками, а персами, ухватимся за персидский, изучим этот язык и письмо. Или же останемся тюрками и будем знать родной язык, язык матери, которая воспитала тебя на этом языке, приучила тебя на этом языке отличать добро от зла... пела колыбельную. ... Интересно знать, думает ли кто-нибудь об этом? Последний вопрос: на чем мы должны остановиться? Каков наш родной язык? Мы хотим получить ответ» [7. С. 276].

Проблема родного языка активно обсуждается и в романе «Бахадур и Сола» — в живом диалоге его юных и обаятельных героев, представителей различных национальностей. Так, Алексей говорит Бахадuru: «Каждый народ стремится к тому, чтобы его язык был легким, доступным, демократическим, они же все больше и больше усложняют свои языки», на что Бахадур отвечает: «Да, это болезнь, которой мы заразились». И далее диалог продолжается следующим образом:

— Наши пишущие сошлись на том, чтобы писать свои сочинения всегда высоким слогом, торжественно, с пафосом, ибо они считают невежественными тех, кто употребляет тюркский язык.

— Но давайте-ка посмотрим, все ли понимают эти сочинения? И приносят ли они пользу народу?

Бахадур с улыбкой ответил:

— Ты думаешь, большинство наших сочинителей, творя нечто, помышляет о том, чтобы эти произведения принесли пользу народу? Нет! Большинство наших пишущих, употребляя арабские и персидские слова, хотя бы показать, во что они горазды [7. С. 173—174].

И далее Бахадур говорит: «Цену языка народ познает тогда, когда сочинения, написанные на этом языке, будут врачевать и тело и душу народа. И язык будет оценен по достоинству в том случае, если обучающие этому языку люди будут обладать совестью и справедливостью. Как посмотришь на наши школы — дают уроки по допотопным методам. А поглядишь на наших сочинителей — „вычурность стиля“ столь ослепила их, что они позабыли об основной цели, а некоторые стали даже излагать свои чувства на чужом языке. Спросить бы их: О жалкие и беспомощные сумасброды, что пользы писать на тюркском языке для китайцев? Врач должен назначать лекарство согласно болезни. А то эти попугаи думают, что своими бессмысленными и пустыми писаниями получают хвалу с обеих сторон. Вместо того, чтобы очищать дух больного, они очищают его кровь. За свои сочинения не ждите благодарности этого несчастного народа, ибо сколь бы ни был слеп народ, он все же почувствует наносимые по его голове удары дубинкой...» [7. С. 187—188].

Н. Нариманов не ограничивался выступлением против засорения языка арабскими и персидскими оборотами, а говорил «альфазами» о необходимости искоренения всех ненужных иностранных слов. Публицист отмечал, что для азербайджанского пастуха следует писать на подлинно азербайджанском языке, на том языке, на котором он слушал колыбельную матери. Тогда он скорее и лучше поймет, что ты хочешь сказать. Н. Нариманов разоблачал представителей аристократии и буржуазии, портивших оба языка, не знавших ни родного, ни русского языка, пытавшихся слепо перенимать иностранные слова. Он отмечал, что тюркские «матроны», неприязненно относящиеся к сво-

ему языку, к своему народу, заставляют своих детей болтать по-французски. По этому поводу автор устами Султана говорит в романе «Бахадур и Сона»: «Теперь чего же мы можем ожидать от девиц, придерживающихся подобных воззрений? Они в будущем станут матерями. ...Какое воспитание они могут дать бедным тюркским (азербайджанским. — М. М.) детям? Конечно, дети будут чистыми, опрятными, научатся правилам этики, разучат танцы, будут „каркать” по-французски, однако они не только не будут знать своего языка, но и не захотят его знать, — таковы плоды воспитания...» [8. С. 187—188].

По мысли Н. Нариманова, главной причиной того, что детям из обеспеченных не прививают любовь к родному языку, является соответствующее поведение их родителей, которым нравится, что их дети лепечут на чужом языке. В романе «Бахадур и Сона» Султан в беседе с Бахадуром говорит: «Я спрашивал по-тюркски, девушка отвечала мне по-русски. В то время как она разговаривала со мной, муж и жена, переглядываясь, млели от удовольствия. На мой вопрос: „Какая из наук вам нравится?” девушка ответила: „Французский язык” и спросила меня: — Знаете ли вы по-французски?..»

...Наконец, на мой вопрос: „Умеете ли вы писать по-тюркски” девушка ответила, что, мол, зачем она будет тратить свое драгоценное время на изучение этого языка...» [8. С. 187].

Тревожило Н. Нариманова и то, что в программах гимназий и реальных школ в то время уроки родного языка были сведены на нет. Писатель указывал, что до 1905 г. в школах не придавалось значения родному языку, в учебных программах родной язык не значился. И неудивительно, что учащиеся не могли написать на нем даже свои имена.

Н. Нариманов пишет, что те слои населения, которые имели «ум в глазах», не разобравшись в том, кто истинные друзья народа, и поверив «волкам в овечьих шкурах», дипломированным карьеристам, ухватились за их подолы. Подлинные же просветители, честная молодежь, передовые люди, заботившиеся о действительном благе народа, остались в стороне.

В статье «О собрании учителей» Н. Нариманов, подытоживая деятельность передовых учителей в области народного просвещения, указывал, что в целом инициатива учителей, их культурные просветительские начинания не были оценены по достоинству. Между тем из истории цивилизованных стран известно, что именно педагогам принадлежит ведущая роль в повышении культурного уровня народа. Н. Нариманов приводит яркие и характерные факты подвижничества учителей, он пишет о двух юношах, неимущих учителях, которые, собрав скудные средства, сумели организовать русско-мусульманскую школу, соответствующую требованиям времени. Учителя открывали первые мусульманские читальни для взрослых, выписывали из различных стран газеты и журналы, они бескорыстно служили народу. И следует заметить, что передовая либеральная печать, в том числе русская, живо освещала эту культуртрегерскую деятельность мусульманских учителей, поздравляла педагогов с удачей. К сожалению, в самом народе самоотверженная просветительская работа азербайджанских учителей встречала меньшее понимание, нежели в кругах патристически и свободолюбиво настроенной интеллигенции.

В трех своих больших статьях, объединенных общим заголовком «Важный вопрос», Н. Нариманов подробно останавливается на проблеме преподавания родного языка, в частности рассказывает о деятельности мусульманского отдела Горийской семинарии, готовившего учи-

телей для городов и сел Азербайджана. Писатель указывает, что открытие мусульманского отдела не в Ереванской семинарии, а в маленьком грузинском городке Гори, где не было азербайджанцев, явилось актом колониальной политики царского правительства, и настаивает на переводе учебного заведения в один из азербайджанских городов.

Останавливается автор и на вопросах подготовки учителей-словесников. Он отмечает, что в 90-х годах прошлого столетия, когда мусульманский отдел возглавлял А. О. Черняевский, азербайджанскому языку уделялось больше внимания, в частности, большую заботу о мусульманских детях проявлял Молла Абдулислам. В то время не было учебников. Ахунд Абдулислам по ночам готовил рассказы для дневных занятий, преподавал грамматику азербайджанского языка. А. О. Черняевский же, хорошо знавший быт и нравы мусульман, умел найти общий язык с мусульманскими детьми [9].

В деле преподавания родного языка Н. Нариманов возлагал все свои надежды на молодых учителей и оказывал им всяческую помощь. Одно время он был членом экзаменационной комиссии, предоставлявшей право преподавания азербайджанского языка молодым и способным учителям. С благословения Н. Нариманова получили свои учительские удостоверения юные просветители — Абдулла Талыбзаде, Ш. Эфендизаде, А. И. Джафарзаде, Гафур Решад, М. Гаджинский и др. Н. Нариманов с особой любовью говорил в своих статьях о таких преподавателях, как А. О. Черняевский, С. М. Ганизаде, Абдулислам, которые от души любили народ, его язык и целиком отдавались своему делу. Публицист пользовался любым случаем, чтобы напомнить их наставления молодежи: «Наш педагог всегда говаривал: дети, старайтесь с самого начала изучить свой язык; если вы не будете знать родной язык, то ваш народ будет жалким, и вы не будете понимать его нужд. Не поняв же их, вы не сумеете ничем помочь народу. А раз так, то на что вы нужны? В таком случае народ скажет: учеба — пустое дело. Наши дети обучаются — ну и что с того? Если, обучаясь ради своей пользы, учащийся... будет презирать мой язык, то лучше, чтобы он вовсе не учился. ... Если так пойдет дело, то окажется, что вы изменили народу» [10].

Н. Нариманов отмечает, что наряду с подобного рода учителями, благородными, передовыми и дальновидными, встречались и преподаватели, говорившие, что «родной язык не наполнит ваши карманы», «что пользы от родного языка», «не велика беда, если даже забудете родной язык». И Н. Нариманов с неизменным презрением отзывался об этих людях, порочивших высокое имя интеллигента и педагога.

Народные учителя, писал Н. Нариманов, не должны поддаваться никакому нажиму и влиянию, их миссия — способствовать народному самосознанию, пробуждению в людях стремления к знаниям и свободе, к новой, достойной жизни.

Одним из важных практических мероприятий, осуществленных Н. Наримановым, является организованный по его инициативе Закавказский съезд учителей (съезд начал свою работу 15 августа 1906 г., председательствовали на нем Г. Зардаби и Н. Нариманов). Писатель неоднократно публиковал на страницах газет обращения ко всем образованным людям, литераторам и журналистам, прогрессивно мыслящим интеллигентам и представителям духовенства, призывая их оказать помощь съезду и способствовать участию в его работе учителей из различных городов и сел Кавказа. В канун съезда Н. Нариманов опубликовал в газете «Хаят» 6 больших статей общественно-политического содержания, в которых раскрывал основные задачи, стоящие перед

азербайджанскими педагогами, а также цели, преследуемые созывом съезда. Мы надеемся, писал Н. Нариманов, что на этом съезде наши учителя проявят присущие педагогам усердие, единение и настойчивость. Они должны показать, что и наши национальные учителя, подобно учителям других народов, умеют указывать народу путь, что они ничуть не хуже других могут удовлетворять нужды народа. И тогда лживые патриоты и хвастуны, клеветущие на наших народных учителей, сгинут и народ сам потребует созыва второго съезда. Съезд утвердил важное решение о преподавании азербайджанского языка в начальной и средней школе.

Весьма интересна также большая статья Н. Нариманова «Ответ некоторым товарищам», написанная им уже в советское время на русском языке и посвященная вопросу преподавания родного языка. Уже спустя два дня после публикации ее в газете «Бакинский рабочий» (от 15 июня 1922 г.) она была переведена на азербайджанский язык и перепечатана азербайджанской партийной газетой «Коммунист». Статья Н. Нариманова не утратила своей актуальности и по сей день. Она явилась взволнованным и резким ответом тем, кто хотел уменьшить количество часов, отведенных азербайджанскому языку в школах, и количество театральных спектаклей на азербайджанском языке.

Н. Нариманов основывается на марксистском положении, согласно которому чем более образованным будет рабочий класс, тем более плодотворной будет и его деятельность, а также прочной власть, которую он возьмет в свои руки. Н. Нариманов писал: «...каждый марксист должен учитывать то обстоятельство, что пока существует различие в вопросах подготовки к государственным делам между тюркскими (азербайджанскими) трудящимися, с одной стороны, и трудящимися других национальностей — с другой, до тех пор мы не можем полагаться на крепость нашей местной рабоче-крестьянской власти. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»—это не пустые слова, не призыв к единению ради личной выгоды. Они имеют глубокий смысл и содержат призыв к духовному объединению людей труда. Кто не понимает этого, тот не понимает Маркса и не хочет работать по заветам Маркса» [10].

В первой части статьи Н. Нариманов говорит об изучении классиков мировой, а также русской и азербайджанской литературы, о необходимости регулярных театральных постановок на азербайджанском языке, о профессиональной подготовке актрис в республике и других вопросах культурного строительства. Так, например, решительно выступая против некоторых ответственных работников, препятствовавших сооружению памятника Сабиру, Н. Нариманов высоко оценивает могучую силу бессмертной сабировской поэзии: «Я утверждаю, что нет другого такого поэта, который столь вдохновенно, столь впечатляюще и мастерски изобразил бы угнетение рабочих и крестьян капиталистами и помещиками. А ведь эти стихотворения Сабир создавал в годы лютой реакции...» [10].

Вторая часть названной статьи посвящена вопросу преподавания азербайджанского языка.

Как уже говорилось, Н. Нариманов — публицист и политик — на протяжении всей своей деятельности заботился о развитии азербайджанского языка, об ограждении его от нецелесообразных иноязычных влияний, засорения арабскими и персидскими лексическими архаизмами. В 1924 г. он направил из Москвы в нашу республику открытое письмо, адресованное выпускникам педвузов, рекомендуя в нем, наряду с другими важными вопросами, уделять особое внимание преподаванию родного языка. Н. Нариманов призывал педагогов воспитывать азер-

байджанских детей трудолюбивыми, смелыми, гордыми и настойчивыми и в то же время наказывал учителям стоять на страже чистоты азербайджанского языка: «Мы не отказываемся от нашего убеждения: Азербайджан является школой для Востока, т. е. если Восток остается в теперешнем положении, то мы будем его наставником во всех отношениях. Через пять лет будут подготовлены наши преподаватели по различным отраслям науки для Турции, Ирана, Афганистана. Поэтому неоправданное иноязычное влияние на азербайджанский язык может затормозить все наши дела. И в обеспечении самостоятельности родного языка мы возлагаем надежды на вас, учителей...» [11].

Значительный интерес представляют мысли Н. Нариманова об азербайджанском литературном языке. Продолжая реалистические традиции школы М. Ф. Ахундова, Н. Нариманов, как и его современники Дж. Мамедкулизаде, М. А. Сабир, сделал многое для развития азербайджанского литературного языка на базе народного разговорного языка. Н. Нариманов считал, что язык литературы должен быть общенародным языком, неразрывно связанным с жизнью и историей самого народа. Исходя из этого положения, он широко использовал неисчерпаемые сокровища выразительных средств разговорного языка, с большим мастерством употреблял народные выражения в литературной речи, делая таким образом понятным язык своих произведений широкому народному массам. Подумайте о своих читателях, прежде чем браться за перо, обращался он к профессиональным литераторам, журналистам.

Благородный демократизм наримановской общественной речи, ее простота и доступность при неизменной смысловой насыщенности — качества, столь ярко проявившиеся, например, в классическом произведении писателя — романе «Бахадур и Сона», стали возможны благодаря внимательному вслушиванию автора в звучание родного языка, проникновению в его сокровенные глубины, столь часто игнорировавшиеся сторонниками «украшенной» речи, напыщенной и поверхностной.

Проблема литературного языка, питающегося живыми пластами народной разговорной речи, стояла в центре внимания писателя и в созданной им на основе романа пьесе. Это отчетливо видно из следующего диалога:

Алексей: Я обратил внимание на одну статью в газете «Тарджуман».

Бахадур: О чем?

Алексей: Статья о языке.

Бахадур: Ты прав, статья заслуживает внимания.

Алексей: Удивительно, что турки до сих пор не обращали внимания на этот вопрос.

Бахадур: И турки, и мы в вопросе языка пока не смогли прийти к определенному мнению. До сих пор мы не решили до конца вопрос о том, какой язык является литературным. По этому поводу существуют два диаметрально противоположных воззрения. Большинство авторов утверждает: литературный язык связан с обилием арабских, персидских слов. Многие же говорят: литературный язык — это язык средних слоев населения.

Алексей: Ты как думаешь?

Бахадур: Я... Я говорю... литературный язык — это язык народа. Другими словами, на каком языке говорит народ, на том языке и надо писать. По-моему, писатель подчиняется народу, а не народ писателю [12. С. 146].

Когда Юсиф спрашивает Бахадура о предмете разговора того с Алексеем, тот отвечает: «...теперь наша беседа, действительно, очень важная...».

Бахадур: Хотите знать — извольте. До вашего прихода мы говорили о языке, то есть о том, какой язык можно назвать литературным... Например, в то время, как другие нации облегчают язык, письмо, мусульмане — увеличивают трудности.

Юсиф: ...Это чрезвычайно важный вопрос [12. С. 147].

Как видно из этого отрывка, проблема литературного языка в его взаимоотношениях с народностью является для автора и выражающих его воззрения персонажей одной из важнейших проблем эпохи, от разрешения которой в значительной степени зависит уровень национального самосознания, а значит, и возможность сохранения национальной самобытности.

Как известно, использование норм общенародной разговорной речи в литературном языке в разные периоды имело различный характер. Кроме того, в разных сферах литературного языка оно протекало далеко не тождественно. Так, по сравнению с языком прозаических произведений использование слов общенародного разговорного языка в поэзии исторически было представлено более широко. «В связи с тем, что поэтическая литература была более развита и основная, передовая, часть художественной литературы существовала в стихотворной форме, литературно-художественный язык рассматриваемого периода (с XII по начало XIX в. — М. М.) в основном был языком поэзии» [13. С. 34].

Однако со второй половины XIX столетия картина меняется. В прозе усиливается народная языковая струя, появляются прекрасные реалистические произведения, написанные чистым и ясным прозаическим слогом. Н. Нариманов явился одним из ярких представителей этой новой литературы, он смело открыл доступ в свои произведения народным, разговорным словам и речениям, видя в них важнейшее средство выражения духа, быта, нравов азербайджанского народа.

Народность языка произведений Н. Нариманова привлекла внимание его современников. Переводчик романа «Бахадур и Сона» на армянский язык видный армянский писатель Вартанес Папазян писал по этому поводу: «Язык его произведений исключительно народен, ясен и понятен, совершенно отличается от османско-турецкого литературного языка, три четверти которого наполнены арабскими и персидскими выражениями» [14. С. 756].

Н. Нариманов, сознательно подходя к народному творчеству, к общенародному языку, внимательно отбирал из сокровищницы азербайджанского языка тонкие смысловые оттенки слов, благозвучные сочетания и стремился обогатить ими литературный язык. Известный азербайджанский прозаик и литературовед Мир Джалал Пашаев справедливо отмечал: «Н. Нариманов — один из тех писателей, которые активно боролись своими художественными и публицистическими произведениями за развитие азербайджанского языка, за его чистоту и красоту. Его язык был свободен от арабских, персидских и османских оборотов, был чист, прост и ясен, так же как и народный язык. Подобно молланасреддинцам, Н. Нариманов был сторонником того, чтобы сохранять в художественном языке природу разговорной речи, ее живость и красочность. Он смело употреблял в своих произведениях многие слова общенародного характера: *јорунуг алмаг* 'отдыхать', 'отдохнуть', *азарлы* 'больной', *сөјләнди* 'ворчал', *чапар* 'гонимец', 'вестовой', *охумуш* 'обращенный', 'интеллигентный' и т. п.».

Большинство этих слов используется в современном азербайджанском языке, в живой народной разговорной речи.

Особое внимание Н. Нариманов уделял правильному употреблению отдельных слов, терминов. Его недовольство вызывали случаи искажения фамилий, неточного отбора терминов в научно-популярных работах. Особенно ясно мы наблюдаем эту тенденцию в научно-критических статьях Н. Нариманова. В рецензии на книгу Керимбека Султанова «Хифзул-сиххат» («Гигиена») писатель приветствует появление подобного сочинения, однако считает непростительным недостатком встречающиеся в нем языковые и стилистические погрешности.

Н. Нариманов указывал, что для народа, едва только начавшего обучаться грамоте, надо писать о назревших вопросах, причем писать на доступном для него языке. Так, он предлагал употреблять термин *һүцөйрә* вместо «клетка», ибо широкая читательская аудитория знакома именно со словом *һүцөйрә*. Далее Н. Нариманов писал: «Господин Султанов дает пространные сведения о „бактерии“. Здесь надо сказать, что в азербайджанском языке более известно слово „микроб“. Об этом имеются и книги на нашем языке. Кроме того, на эту тему прочитано изрядное количество лекций. Правда, с научной точки зрения „бактерия“, „бацилла“ или „микроб“ терминологически различаются, однако, думается, если мы вместо „бактерия“ употребим „микроб“, то от этого свет не перевернется» [15].

Настоятельно рекомендовал Н. Нариманов изучать грамматические законы и национальную специфику языка, его стилистические оттенки и возможности, что особенно необходимо представителям творческого труда — публицистам, писателям, педагогам, актерам и т. д. Это же посоветовал он и автору отрецензированной им работы: «Что касается вопроса языка, то, действительно, господин Султанов проявил большое мастерство: книга написана на простом и понятном тюркском языке. Только жаль, что господин Султанов недостаточно знаком с литературой по тюркскому языку, с его морфологией и синтаксисом» [15].

О том, сколь сознательно подходил писатель и публицист к отбору терминологической лексики, свидетельствует следующий характерный пример. В статье «Взгляд на будущее» он употребил такую фразу: *Балыглардан бир нечәсини тәчрүбәдән кечириб чох асанлыгла дондурур вә сонра дондан хилас едиб һәјат верир* 'Несколько рыб в экспериментальных целях с большой легкостью замораживают, а затем, высвобождая от льда, оживляют'. На первый взгляд может показаться, что сочетание *һәјат верир* 'дает жизнь', т. е. оживляет, употреблено не совсем точно. Однако, как отмечает и сам автор, в данном конкретном случае надлежит предпочесть именно это выражение: «Если мы употребим здесь „дирилдир“ (оживляет) вместо „һәјат верир“ (дает жизнь), то допустим неточность, ибо в упомянутом замораживании отсутствует смерть, а потому „оживление“ по смыслу неуместно» [16].

Н. Нариманов заботился также о правильном употреблении личных имен и фамилий, псевдонимов и прозвищ, он болезненно относился к любому нарушению норм языка, не терпел приблизительности и неточности. Так, разбирая в рецензии достоинства и недостатки спектакля «Асли и Керем», высказываясь по поводу игры актеров, Н. Нариманов обратил внимание и на их сценические имена: «Г. Сарабский (слава богу, теперь — Сараблы) не впервые исполняет роль Керема... Г. Агдамский (когда же, наконец, станет Агдамлы?) подвержен той же „болезни“, что и Сараблы...». Эти заметки Н. Нариманова и по сей день представляются поучительными.

Необходимо отметить и то, что языковые, стилистические проблемы неизменно обсуждаются в литературно-критических работах Н. Нариманова, оставившего ряд ярких характеристик художественной, языковой манеры и стиля известных азербайджанских литераторов. Так, в статье об известном публицисте Гашимбеке Везирове Н. Нариманов специально выделял простоту и страстность его стиля, высоко оценивая эти качества; заслуживает внимания в этой связи и его разбор художественных, в том числе и языковых особенностей комедии С. С. Ахундова «Жадный». Он и сам в своих произведениях уделял особое внимание отчетливости и индивидуальной характерности языка и стиля, напряженно и терпеливо работал над языком своих персонажей и авторского повествования. В предисловии к первому изданию своей комедии «Горе от языка» (1895) Н. Нариманов писал: «Исполнителей ролей этой комедии прошу не смешивать языков действующих лиц; каждый персонаж должен говорить на своем языке: слуга — на языке слуги, господин — на языке господина».

Современники также обратили внимание на то, с каким упорством и тщательностью работал Н. Нариманов над языком своих произведений. Видный азербайджанский литературовед Ф. Кочарли в работе «Азербайджанская литература» (1903), говоря о романе «Бахадур и Сона», удовлетворенно отмечал: «...производят очень хорошее впечатление его умные слова, верные мысли... последовательность суждений, простота и правильность языка. Видно, г. Нариманов серьезно работает над собой, над совершенствованием своего писательского мастерства...» [17. С. 82].

Бывший ректор московского Института востоковедения М. Павлович писал в своих воспоминаниях: «Н. Нариманов перед поездкой в Тифлис, на сессию ЦИК СССР, сообщил мне, что он собирается перерабатывать роман „Бахадур и Сона“ и подготовить его к печати на русском языке» [18. С. 5].

Таким образом, Н. Нариманов подчас возвращался и к своим уже испытанным временем произведениям, если находил, что может что-либо улучшить в них, — и это при всей своей обремененности государственными делами.

Видный революционер и политический деятель, писатель и журналист, врач и педагог, Н. Нариманов снискал всесоюзную известность. Его общественно-политическая и научная деятельность, включающая в себя и многообразные научные и организационные свершения на поприще развития и охраны родного языка (помимо книг и статей и мероприятия по реформе алфавита), связь с вузами Москвы и Ленинграда привлекли к нему взоры видных ученых. В 1925 г. в связи с тридцатилетием литературной и общественной деятельности Н. Нариманова ему послали поздравительные телеграммы академики С. Ольденбург, Н. Марр, профессора А. Самойлович, Е. Бертельс, М. Павлович и другие, особо отметившие наряду с достижениями в других областях его языковедческие заслуги. В этом отношении характерно поздравительное письмо-адрес на имя Н. Нариманова, посланное в Москву из Ленинграда, из Института восточных языков: «...Вы участвовали в создании национального азербайджанского театра и как организатор, и как драматург. Вы сотрудничали в национальной прессе не только в Закавказье, но и в Крыму, Персии, Индии. Вы составляли и издавали научно-популярные брошюры, учебники... Имея в виду интересы всего Востока, Вы словом и делом поддерживаете школьное советское строительство в восточных республиках Союза. Вы проявляете активный интерес к развитию научной работы на советском Востоке и осенью прошлого 1924 г.

Вы сумели найти время, чтобы выступить на I Азербайджанском съезде краеведения с речью о воззрениях марксистов на язык» [19].

Все это свидетельствует о том, что Н. Нариманов сыграл выдающуюся роль в азербайджанской культурной жизни, в развитии азербайджанского литературного языка.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ *Нәр(иманов) Н.* Бу күн // Гәјат. 1906. 15 август.
- ² *Он же.* Дөвләт ишләри // Иршад. 1906. 11 апрел.
- ³ *Нәриманов Н.* Дөрдләримизни әлачы // Јени игбал. 1916. 20 јанвар.
- ⁴ Коммунист. 1921. 20 апрел.
- ⁵ *Нәр(иманов) Н.* Чүмә сөһбәти // Иршад. 1906. 7 апрел.
- ⁶ *Он же.* Гәфтә фәрјады // Гәјат. 1906. 7 ијул.
- ⁷ *Нәриманов Н.* Әсәрләри. Бақы, 1956.
- ⁸ *Нәр(иманов) Н.* Мүһүм бир мәсәлә // Гәјат. 1906. 18 ијун.
- ⁹ *Он же.* Чүмә сөһбәти // Иршад. 1906. 28 ијул.
- ¹⁰ *Нәриманов Н.* Бә'зи јслдашлара чаваб // Коммунист. 1922. 17 ијун.
- ¹¹ *Он же.* Елмләрини јени тамам етмиш мүәллимләре ачыг мәктуб // Али Педагожи Институтун сәлнамәси. Бақы, 1924. № 1.
- ¹² *Он же.* Сечилмиш әсәрләри. Бақы, 1973.
- ¹³ *Дәмирчизадә Ә. М.* Азәрбајчан әдәби дилинин инкишаф јоллары. Бақы, 1958.
- ¹⁴ *Папазјан В.* Гафгаз түркләринин әдәбијаты һаггында ики сөз: Н. Нәримановун романынын ермәничә тәрчүмәси мүнәсибәтилә // Мүрч. журналы. Тифлис, 1896. № 6.
- ¹⁵ *Нәриманов Н.* Тәнгид «Һифзүл-сәһһет». Доктор Кәримбәј Султанов // Јени Игбал. 1916. 11 јанвар.
- ¹⁶ *Нәриманов Н.* Фелјетон. Кәләчәјә бир нәзәр // Игбал. 1913. 26 сентјабр.
- ¹⁷ *Көчәрли Ф.* Сечилмиш әсәрләри. Бақы, 1963.
- ¹⁸ Памяти Н. Нариманова: Сборник статей. М.: Науч. ассоциация востоковедения при ЦИК СССР, 1925.
- ¹⁹ ЦГА СССР Октябрьской революции, ф. 3316, оп. 18, д. 8.

С. ИСМАГИЛОВА

ШКОЛЬНЫЕ УЧЕБНИКИ — ДУХОВНАЯ ЦЕННОСТЬ НАРОДА (ИЗ ИСТОРИИ УЧЕБНИКОВ ПО ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ)

История учебников по национальной литературе неотделима от истории народного образования, от становления литературы как предмета школьного преподавания. Несмотря на притеснения царских властей, татарское население на свои средства содержало школы (мектебы и медресе), которые функционировали в каждом селении, где была мечеть. В них читались книги религиозно-мистического, религиозно-дидактического и религиозно-нравственного содержания. Вместе с тем значительное внимание уделялось также изучению классических произведений восточной литературы, что объяснялось издавна установившимися экономическими, культурными связями татар с арабами, народами Средней Азии, Ирана и других восточных стран. Эти связи подкреплялись и общностью религий; с некоторыми же восточными народами татар сближал сродство языка. Нужно учесть и то, что Казань (крупный промышленный, торговый и культурный центр России) и Казанская губерния были расположены в зоне пересечения восточных и западных экономических и культурных путей и среди татарского мусульманского духовенства, несмотря на свойственную ему консервативность, было не так уж мало людей образованных, живо интересовавшихся достижениями восточной и западной светской мысли.

Как правило, татарские муллы получали образование в Бухаре, Самарканде, Стамбуле, Мекке. «Вернувшись оттуда и заняв соответствующие места в рядах татарского общества, эти питомцы среднеазиатских школ вносили в быт татар черты восточной культуры» [I. С. 4], знакомили народ с произведениями узбеков, таджиков, азербайджанцев, арабов и других восточных народов. Поэты, писатели, педагоги Т. Ялыгул, Абдельманих Габдессалям Каргалый (Каргалый мулла), Мухаммед Амин мулла, Акмулла, М. Акъегет-Заде, Р. Фахрутдинов, Ф. Карими и многие другие неоднократно бывали на Востоке, хорошо знали обычаи и культуру населявших его народов. В мектебах и медресе муллы обучали шакирдов (и взрослое население) по книгам, привезенным из Египта, Сирии, Йемена, Индии, Ирана, Турции и других стран. Благодаря их усилиям «Тахир и Зухра», «Лейла и Меджнун», «Фархад и Ширин», а также «Кысса-и Йусуф», «Хосров и Ширин», «Дастан Бабахан» и многие другие произведения восточной классики стали любимыми книгами татарских шакирдов.

Прочитав книгу (религиозную, художественную), шакирд переходил в очередной класс, где его ждала следующая книга. Специальных учебников по литературе, написанных на родном языке, не было. Путь к таким учебникам был тернист и долог.

Начало преподавания татарского языка и литературы как учебного предмета было положено в 1758 г., когда в Казани открылась гимназия с татарским классом в ней, что было вызвано нуждами восточной внешней политики России. «Изучение восточных языков было насущной потребностью для пограничных и заграничных сношений, для администрации в местностях, населенных инородцами» [II. С. 5]. Татарский класс «назначается в намерении иметь людей, способных заступить места переводчиков сего языка, ибо здесь (в Казани. — С. И.) по общему житию и всегдашнему обращению с татарами удобнее оному учиться, нежели где-либо в других местах, где нет или мало татар» [III. С. 49—50].

Преподавание татарского языка и литературы в Казанской гимназии подготовило почву для введения этого учебного предмета в Казанском университете [IV], а в последующие годы — во второй Казанской гимназии, в Татарской учительской школе, в духовной семинарии, в военных и миссионерских учебных заведениях Тобольска, Саратова, Томска, Оренбурга, Астрахани, Самары. Один за другим начали появляться учебники, учебные пособия, словари. Таковыми являются «Азбука татарского языка» (1778) и «Татарский словарь и краткая татарская грамматика» (1785) С. Хальфина, «Конспект татарского языка» и «Татарская хрестоматия» (1822) И. Хальфина, «Татарская хрестоматия» (1842) М. Иванова, «Самоучитель для русских по-татарски и для татар по-русски» (1852) и «Русско-татарская азбука» (1852) А. Вагапова, «Татарская хрестоматия» и «Словарь к татарской хрестоматии» (1859) С. Кукляшева, «Практическое руководство к изучению татарского языка» (1857) М. Махмутова, «Татарская хрестоматия» (1867) К. Насырова, «Новый самоучитель для русских по-татарски и для татар по-русски» (1885) М. Салихова, «Самоучитель для русских по-татарски» (1912) С. Рахманкулый. Правда, эти азбуки, хрестоматии, словари, самоучители, практические руководства были предназначены прежде всего для учащихся-нетатар, главным образом для русских, и имели целью практическое овладение учащимися татарским языком. Тем не менее ценность таких книг очевидна, в особенности же благодаря содержащимся в них образцам художественной прозы и поэзии. Например, в хрестоматию С. Кукляшева помимо рассказов (хикаят), пословиц и поговорок включены и поэтические тексты — фрагменты классических восточных поэм («Искендер-наме», «Шах-наме»), а также лирические произведения: месневи, рубай, медх, ферд, мунаджаты.

Как известно, конец XIX и начало XX в. ознаменовали собой вступление России в империалистическую стадию, появление на исторической арене рабочего класса. Новое время, проникнутое духом буржуазного предпринимательства, остро ставило проблему подготовки квалифицированных работников, светски образованной интеллигенции (конторщиков, бухгалтеров, юристов, инженеров, учителей) и среди татар. Кроме того, царское правительство усилило свою русификаторскую политику. В этих условиях начали открываться земские, министерские, русско-инородческие, в том числе русско-татарские школы, школы для крещеных татар и т. д. [VI]. Обучение в них велось на русском языке, но в учебный план было включено преподавание исламского вероучения и родного языка. Для занятий татарским языком были подготовлены и изданы специальной Переводческой комиссией при Управлении Казанского учебного округа под председательством Н. Катанова учебники, такие, например, как «Первая после букваря книга для чтения» [13; здесь и далее арабскими цифрами обозначен порядковый номер

учебника в Приложении], «Третья книга для чтения на татарском языке» [97] и др. Эти книги печатались русским алфавитом, приспособленным к особенностям произношения на «кинородческом наречии», так, чтобы дети, овладев механизмом чтения на родном языке, легко переходили к русскому чтению. Много места занимают в этих учебниках материалы по истории славян и истории русского государства, рассказы о деяниях русских царей, вольные переводы произведений русских писателей (И. А. Крылова, Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова, А. П. Чехова). Следует заметить, что структура и содержание этих изданий в той или иной мере находили отражение и в учебниках, адресованных шакирдам татарских мектебов и медресе нового направления, названных новометодными.

Со второй половины XIX в. начинается новый этап просветительского движения, которое отныне стремится охватить все стороны духовной жизни народа, распространить среди масс светские знания. Определяющим фактором послужило нарастающее освободительное движение, борьба передовых деятелей эпохи за создание светских школ с родным языком обучения. В. И. Ленин отмечал исторически прогрессивное значение движения за «пробуждение масс к овладению родным языком и его литературой», которое способно поднимать «к новой экономической и политической жизни новые массы людей» [VII. С. 89]. Роль литературы и ее создателей в этой борьбе была весьма существенной. Представителям прогрессивной общественности приходилось прилагать огромные усилия для доказательства древности и богатства татарской литературы, бороться за право утверждения ее и татарского языка в мектебах и медресе в качестве самостоятельного учебного предмета — с надлежащими учебниками и методическими рекомендациями.

Революция 1905—1907 гг. обострила движение за новую (новометодную) школу [VIII]. В деятельности учебных заведений этого типа наблюдалась тенденция к изменению содержания обучения, что предполагало преподавание на родном татарском языке, изучение общеобразовательных дисциплин, в том числе русского языка, и целый ряд других начинаний. Все это привело к появлению типовых учебных программ, учебников, рекомендаций, статей, отражающих чаяния передовых представителей татарской интеллигенции (учебники составлены в большинстве своем учителями-практиками).

Далеко не полный перечень учебников, приложенный к статье, свидетельствует о большом числе авторов, подвизавшихся на этом поприще. Иногда книги выходили в свет без указания имени автора [87; 88; 101; 102]. Подчас составитель укрывался за литерамы; таковы, например, учебники «Новая школа», изданные в типографиях «Юл» и «Умид» в Казани в 1913—1915 гг. [18—22]. В подавляющем же большинстве случаев авторы своего имени не утаивали. В числе наиболее примечательных пособий следует назвать хрестоматию профессора Б. В. Радлова «Знание» [67], изданную в 1872 г. в типографии Казанского университета. Составленная для татарских детей, она включает в себя помимо сведений о природе, истории России и других познавательных материалов также и произведения, почерпнутые из литератур народов Востока, рассказы самого автора с использованием татарского фольклора, басни, переведенные им с русского языка. Книга привлекает стремлением хотя бы вкратце познакомить детей с многообразным миром природы, привить им навыки беглого, выразительного чтения и пересказа. В 1898 г. шакирды татарских мектебов и медресе получили

книги для чтения Габделманнана Рахманкулый [68], Абдуллы Габделгалляма [23], Ибрагима Терегулова [82], изданные в типографии Б. Л. Домбровского в Казани. Год спустя увидела свет книга Губайдуллы Нигматуллина [66]. В 1904 г. выходит из печати и до 1914 г. 5 раз переиздается книга нового автора — Хабиба-эр-Рахмана Забири для самых маленьких читателей [46]. «Урожайным» на учебники был 1908 год, и прежде всего для Х. Забири, когда был издан ряд его пособий для всех классов начальной и неполной средней школы [41—46]. Учащимся начальных классов адресована книга для чтения Л. Вахитова и Я. Мамишева [15]. В том же 1908 г. один за другим появляются учебники по татарской литературе преподавательниц женских медресе Фахрелбанат Сулеймани [79—81] и Ашраф Ханафии [93; 94].

Основу вышеназванных изданий составляли дидактические рассказы, басни в прозе, призывавшие детей быть честными, справедливыми, трудолюбивыми, любить родителей, почитать старших. Едва ли не каждая книга для чтения начиналась со статьи о школе, о ее роли в жизни человека, о том, как важно хорошо учиться и быть грамотным, ученым человеком. Учебники содержали в себе немало сведений из различных областей человеческого знания, из жизни природы, общества, изложенных простым и доходчивым языком. Близость материалов к жизни обучаемых, стремление авторов совершенствовать шакирда в нравственном, духовном отношении могли бы в известной степени послужить примером для нынешних составителей учебных пособий. Основным же недостатком этих книг можно было бы считать некоторую эстетическую тусклость рекомендуемых детям текстов, ограниченное число образцов художественной литературы. В дальнейшем, однако, положение выправляется, и мы видим все более настойчивые и квалифицированные попытки авторов заинтересовать шакирдов миром художественного творчества, раскрыть перед ними сокровищницу изящной словесности.

Первыми книгами нового типа, созданными с целью ознакомления детей с литературой как с искусством слова, были учебники татарского народного поэта Габдуллы Тукая.

С учетом образовательно-воспитательных задач своего времени и специфики татарской школы Габдулла Тукай составил и в 1909 г. издал учебник «Новое чтение» [84]. Кроме стихотворений собственного сочинения, поэт включил в него отрывки из «Родного слова» К. Д. Ушинского, «Новой азбуки» Л. Н. Толстого, «Живого слова» А. Острогорского. Следуя К. Д. Ушинскому, Г. Тукай написал к учебнику вступительную статью, в которой впервые в истории татарской школы были определены существенно важные принципы изучения национальной литературы.

В 1910 г. Габдулла Тукай выпустил другой учебник — «Уроки национальной литературы в школе» [85], который переиздавался на протяжении ряда лет. Задачи своей книги автор четко изложил в предисловии: «Дать в руки подрастающему поколению букет цветов, собранных в молодом, расцветающем саду нашей национальной литературы». В хрестоматию были включены 12 стихотворений Г. Тукая и его автобиографический рассказ «Что я помню о себе», отрывок из «Сказки о золотом петушке» А. С. Пушкина, 78 народных пословиц и поговорок, собранных К. Насыри. Произведения Г. Тукая и других татарских писателей и поэтов (М. Гафури, З. Башири, Дердменд, С. Рамиева и др.) вошедшие в хрестоматию, удачно сочетали высокие художественные достоинства с простотой и доступностью, облегчавшими детское восприятие. Г. Тукай проявил себя не просто талантливым педагогом;

главное заключалось в том, что он любил детей, желал им добра и творил для них.

С начала 1910-х годов список авторов учебников пополняется все новыми именами. Свою роль, видимо, сыграл и объявленный в те годы демократически настроенной татарской интеллигенцией конкурс на лучший учебник [IX]. Выходят в свет пособия едва ли не для каждого класса и каждой ступени татарской школы. Достаточно назвать книги Ф. Аглиева [1—4], К. Биккулова [7—10], Ш. Гауни [25—28], Г. Гыйсмати [29—31], Г. Ибрагимова [47; 48], Х. Искандерова [49], М. Марджани [53—56], С. Рахманкулый [70—73]. Учебники Г. Тукая, Г. Ибрагимова, Г. Биктави [11], Х. Искандерова, М. Курбангалиева [50] снабжены иллюстрациями, художественный уровень которых и ныне едва ли может вызвать нарекания. Эти учебники в основе своей продолжают традиции пособий конца XIX—первого десятилетия XX в., они включают в себя преимущественно дидактические рассказы, нравоучительные басни в прозе. В то же время, по примеру Г. Тукая, у авторов намечается тенденция к совершенствованию учебников, стремление сделать их созвучными времени, не только нравственно, но и эстетически полноценными.

Основу учебника теперь составляли художественные произведения известных татарских писателей и поэтов. Материалы, знакомящие детей с жизнью природы, с наиболее значимыми и доступными их восприятию явлениями общественного развития, часто стали преподносить не в виде публицистических статей, а в форме беседы, вопросов ребенка и ответов взрослых (отца, хальфе) или в форме эвристической беседы хальфе и философа. Авторы стремились иллюстрировать свои учебники, делать их, что называется, приятными для глаза.

В 1911—1916 гг. появились учебники по татарской литературе, значительно отличающиеся от книг, о которых говорилось выше. Речь идет о пособиях «Начальные правила литературы», «Средства литературы», «Учитель литературы» Габдрахмана Сагди [75—77], «Теория литературы» Габдуллы Баттала [6] и «Уроки литературы» Галимджана Ибрагимова [48]. Все они были адресованы шакирдам старших классов неполной средней (решди) и полной средней (игьдади) школы. Содержавшиеся в них методические идеи были преподнесены в виде рекомендаций, советов и сгруппированы во вступительных статьях и послесловиях. Основное внимание в этих учебниках, как то видно уже из названий, уделялось теории словесности, причем немало полезного из этих книг могли почерпнуть не только ученики, но и учителя.

Интересно, что авторы не повторяли друг друга, а, скорее, дополняли. У каждого из них был свой почерк, своя манера изложения, свой круг интересов, свое сокровенное слово, обращенное к учителю и шакирду. Так, Г. Сагди размышлял об эмоциональной природе литературы и в особенности поэзии, Г. Баттала больше всего занимал сам процесс творческого труда. И Г. Сагди, и Г. Баттал в качестве конкретных примеров часто приводят произведения русских авторов.

Книгу Г. Ибрагимова «Уроки литературы» [48] (последующие издания ее вышли под названием «Каноны литературы») отличает ярко выраженный теоретический аспект. При этом общие положения иллюстрируются конкретным материалом татарской литературы, с учетом ее различных видов и жанров. Таким образом, Г. Ибрагимов совершил переворот, существо которого заключается в обращении татарской литературоведческой мысли к собственно национальной почве» [Х. С. 124]. Свои методические принципы автор излагает так: «Чтобы достигнуть успеха в преподавании, учение должно строиться на опыте учащихся.

Ни один закон, ни одно положение не должно преподноситься только в теоретическом плане. Они должны основываться на конкретных примерах, естественно вытекать из чтения и изучения одного или нескольких художественных произведений... Знания должны стать богатством ума» [XI. С. 148].

Татарские просветители впервые в истории своего народа сосредоточили внимание на женском вопросе, рассматривая его как составную часть борьбы за освобождение народа от средневековой идеологии. Несмотря на отчаянное сопротивление реакционно настроенных представителей духовенства, они требовали открытия для обреченных на затворничество татарских женщин светских школ, полагая, что с осуществлением данного требования будет покончено с женским рабством. Царское же правительство к проблемам обучения и воспитания мусульманок проявляло полное равнодушие. Поэтому первые учебные классы для татарских девушек появились лишь при религиозных учебных заведениях и сильно зависели от отдельных людей — содержателей мечетей и медресе. Если русские женские гимназии функционировали еще во второй половине XIX в., то для татарских женщин светские учебные заведения открылись лишь полвека спустя, да и то в ограниченном количестве. Первая школа для татарских девушек была открыта в деревне Иж-Буби Вятской губернии, вторая — в Казани. С 1909 г. содержала начальную женскую школу и Ф. А. Аитова. После многолетней упорной борьбы татарской интеллигенции в 1916 г. было открыто специальное учебное заведение для мусульманских девушек по типу русских женских гимназий.

Существование женских классов при мечетях, медресе, начальных школах и других учебных заведениях вызвало потребность в составлении для женщин специальных учебников, каковыми стали книги З. Башири [14], Ш. Гауни [26], Х. Забири [45], З. Насыри [61], Ф. Сулеймани [79—81], А. Ханафии [93]. По своему содержанию и структуре они мало чем отличались от учебников, адресованных всем шакирдам мектебов и медресе. Однако была в них и своя специфика — рассказы и наставления о девичьей чести, об особой роли женщины в семье, о нравственной сущности материнства. Надо сказать, что подобного рода рассказы были не лишены занимательности, в них довольно живо обрисовывались бытовые обстоятельства, говорилось о различных нюансах человеческих взаимоотношений.

В качестве своеобразных книг для чтения использовались тогда и пособия, выпускавшиеся специально в воспитательных целях. Направленность их вполне характеризуется названиями: «Книга о воспитании» К. Насыри [63], «Отучение мальчиков и девочек от лени» Т. Яхина [99], «Книга для чтения о нравственности» К. Фахри [91], «Школьное воспитание» Г. Мурзакаева [53] и др. Часто такие пособия составлялись по образцу русских книг с включением различных произведений как татарских, так и русских писателей. Например, в книгу преподавателя Казанской татарской учительской школы Таюба Яхина «Интересные рассказы и статьи для мальчиков и девочек, примеры об уважении к старшим» [100] были включены прозаические переводы басен И. А. Крылова, «Сказка о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина, ряд сказок из сборника А. Н. Афанасьева «Русские народные сказки». Так что наряду с лучшими произведениями национальной литературы татарским детям была предоставлена возможность ознакомиться и с образцами творчества русских писателей. Для того времени это было замечательное начинание, свидетельствующее о стремлении прогрессивных дея-

телей — писателей, учителей — привить молодежи демократические идеи.

Функции книг для чтения выполняли также различные сборники рассказов и стихов популярных татарских писателей и поэтов, таких, как К. Насыри, Г. Тукай, М. Гафури, Н. Думави, М. Укмаси, З. Башири и др. Примером тому может послужить сборник К. Насыри «Досуг» [62], состоящий из занимательных рассказов для детей. Особый интерес представляет его «Книга для собеседников по татарской литературе» [64], в которой помещены поучительные рассказы о добре и зле, учености и невежестве, искренности и коварстве. Свои рассуждения автор подкрепляет афоризмами великих людей, восточными притчами и баснями, народными анекдотами и новеллами. В качестве литературных образцов приведены стихотворения Г. Кандаля, образные и близкие народной речи.

В 1908—1912 гг. Габдулла Тукай составляет и издает шесть сборников для домашнего чтения: «Жуаныч» («Утешение»), «Энже бөртекләре» («Жемчужины»), «Балалар күнеле» («Детская душа»), «Күнелле сәхифәләр» («Забавные страницы»), «Күнел жимешләре» («Плоды души»), «Жан азыклары» («Пища для души»). Произведения, вошедшие в них, знакомят детей с жизнью трудового люда, воспитывают любовь к природе, искусству, в том числе народному. Представленные в сборниках стихотворения самого Г. Тукая отличаются эмоциональностью, чистотой тона, строгой выверенностью слова, тонким пониманием детской психологии.

Издательство «Магариф» в Казани помимо прочего выпускало серию «Детская библиотека». С ценными литературными материалами выступали казанские журналы «Аң» («Сознание», 1912—1918), женский «Сююмбике» (1913—1916), детский «Ак юл» («Светлый путь», 1913—1916), учебно-воспитательные журналы «Тәрбия» («Воспитание», 1908), «Мәктәп» («Школа», 1913—1914). Литературные и научно-педагогические журналы на татарском языке выходили и в других городах: Оренбурге («Шура», «Мәгълүмат» — «Знание»), Уфе («Мәгариф» — «Просвещение»), Астрахани («Мөгаллим» — «Учитель») и др. В этих изданиях проводились и передовые идеи касательно преподавания в школах татарской литературы. В 1910 г. в журнале «Шура» была опубликована большая статья Габдрахмана Сагди «Преподавание нашей литературы в медресе», в которой был дан объективный анализ положения дел в этой области. В статье Галимджана Ибрагимова «Литература в школе», опубликованной в январе 1913 г. в журнале «Мәктәп», развивается мысль об огромном значении родной литературы для молодежи, ищущей духовные ориентиры, а также о необходимости включения в учебную программу сведений по теории словесности.

В целом изучение учебников по татарской литературе, изданных в конце XIX—начале XX в., позволяет сделать любопытные выводы.

Во-первых, следует отметить разнообразие пособий и большое число авторов, среди которых были не только общественные деятели, писатели, но и учителя-практики. Последние хорошо знали реальные потребности учебного процесса, степень подготовленности учащихся и старались учитывать эти факторы при составлении пособий.

Во-вторых, привлекает внимание география издательской деятельности в этой области: Казань с рядом ее типографий [XII], Уфа, Оренбург, Астрахань, даже Санкт-Петербург. Место издания, видимо, требовало от авторов учета локальных условий, традиций и потребностей населения. Думается, этот опыт могли бы учесть и современные методисты.

В-третьих, в одном и том же году выходили учебники для одних и тех же ступеней обучения и в Казани, и в Оренбурге, и в Уфе (см.: Приложение). Случалось, что в различных городах выходили учебники одних и тех же авторов. Это позволяло учителю выбрать учебник по своему вкусу и сообразно уровню развития учащихся и местным особенностям, можно было чередовать пособия в процессе обучения и т. д.

В-четвертых, обращает на себя внимание тот факт, что часто один и тот же автор составлял учебник для всех ступеней школьного обучения, что обеспечивало четкую последовательность изложения материала, единство терминологии.

В-пятых, следует отметить частое переиздание учебников. С 1911 по 1917 г. пособие Г. Ахмерова [5] переиздавалось 5 раз, Ш. Гауни [25] — 5 раз, Н. Думави [40] — 5 раз, Г. Тукая [84] — 7 раз и т. д. Едва ли не каждый учебник был переиздан по 2—3 раза, что свидетельствует, конечно, о большом спросе на них.

Принято утверждать, что «все предметы, преподававшиеся в медресе, предназначались только для тех, кто готовился стать муллой» [XIII. С. 270]. Однако ни содержание, ни структура, ни целевая установка учебников по татарской литературе, изданных в конце XIX—начале XX в., не подтверждают этого. Авторы пособий стремились к иному — к пробуждению в учащихся тяги к светскому знанию, воспитанию в них качеств, способных подвигнуть молодежь на путь общественного служения и нравственного самовоспитания.

Таким образом, конец XIX—начало XX в. следует считать периодом становления и постепенного совершенствования преподавания национальной литературы в татарских мектебах и медресе — процесса, тесно связанного с ростом национального самосознания. Цензоры Катанов и Ашмарин, обеспокоенные новыми веяниями, сообщали в Министерство внутренних дел: «Дело составления учебников общего содержания находится всецело в руках людей нового направления.... и привлекает к себе покупателей ясным изложением предмета как со стороны языка, так и по содержанию... Живая разговорная речь — материнский язык, неудержимо влечет к себе как писателей практического типа, желающих прежде всего быть понятными возможно большому кругу читателей, так и наиболее даровитых беллетристов и поэтов... В самом конце нынешнего года положено основание к ознакомлению с ним учащихся как с языком изящной литературы изданием особой учебной хрестоматии „Мәктәптә милли әдәбият дәресләре“ („Уроки национальной литературы в школе“. Т. 1), составитель Габдулла Тукаев. Казань, 1911 год. Эта хрестоматия содержит отрывки лучших сочинений современных татарских писателей и, очевидно, рассчитана на большое распространение в мектебах России» [XIV].

И основания для такого беспокойства были. Появление все новых учебников по литературе, формирование целого ряда самобытных учителей-практиков, педагогов-методистов, вышедших из гуши народа, свидетельствовали о росте национального самосознания татар, о пробудившемся интересе народа к собственному духовному наследию и, что самое главное, о необходимости этого процесса.

П Р И М Е Ч А Н И Я

I. Воробьев Н. И. Фукс — первый исследователь быта казанских татар // Вестн. науч. татароведения. 1927. № 6.

II. Веселовский Н. И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. Спб.: Тип. импер. Акад. наук, 1879.

III. *Владимиров В.* Описание празднования 100-летнего юбилея в 1-й Казанской гимназии. Казань, 1863.

IV. В Московском университете татарский язык был предметом обучения уже во второй половине XIX в. См.: [V. С. 4].

V. *Мишугулов Х., Садретдинов Ш.* XIX йез хрестоматияләре. Казан: Казан ун-ты нәшрияты, 1982.

VI. К 1902 г. в Казанском учебном округе было всего 57 русско-татарских школ. Но они так и не сумели завоевать популярность, и число их все уменьшалось.

VII. *Ленин В. И.* О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» // Полн. собр. соч. Т. 30.

VIII. К 1910 г. 90% татарских школ Казанской губернии стали новометодными. Увеличивается и общее число школ. Если в 1895 г. в Казанской губернии насчитывалось 647 татарских школ и медресе, то к 1912 г. их число возрастает до 1 088. Кроме того, функционировало более 60 средних и высших учебных заведений — медресе. Наиболее крупными были медресе «Мухаммадия», «Касымия», «Марджания», «Халидия», «Амирхания», «Азимовские» в Казани, «Галия» в Уфе, «Хусанния» в Оренбурге, «Расулия» в Троицке, «Мутыгия» в Уральске и др.

IX. Итоги конкурса были подведены в 1913 г. на совещании учителей в Уфе. Лучшими были признаны «Новое чтение» [84] Г. Тукая и «Татарское чтение» [50] М. Курбангалеева.

X. *Галимджан Ибрагимов:* Науч.-крит. сб., посвящ. 20-летию литературной научно-общественной деятельности писателя / Под ред. М. Тагирова. Казань: Таткнигоиздат, 1928.

XI. *Ибрагимов Г.* Әдәбият дәресләре. Казан: Сабах, 1916.

XII. В деле издания учебников огромную роль сыграли типографии Казанского университета. бр. Каримовых, Ахмадуллиных, А. А. Дубровина, Хусаннова, «Сабах», «Милләт», «Мәгариф», «Әмет», «Юл».

XIII. История Казани // Ред. коллегия: А. Я. Абдуллин и др. Казань: Таткнигоиздат, 1988. Кн. 1.

XIV. ЦГА ТАССР, ф. 32, арх. № 171. Л. 78—80.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

УЧЕБНИКИ ПО ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, ИЗДАНЫЕ В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX в.

1. *Аглиев Ф.* Кыйраәт иптидания. Казан: Мәгариф, 1908.
2. *Аглиев Ф.* Кыйраәт иптидания. Казан: Мәгариф, 1910. 2 китап.
3. *Аглиев Ф.* Кыйраәт иптидания. Казан: Мәгариф, 1910. 3 китап.
4. *Аглиев Ф.* Кыйраәт иптидания. Казан: Мәгариф, 1913. 4 китап.
5. *Ахмеров Г.* Кыйраәт төрки. Казан: Хөсәенов, 1911. 1 кискә. (2 басма—1913, 5 басма — 1917).
6. *Баттал Г.* Назарияте әдәбия: Тәклиф вә әдәбиятның кагыйдә, канун вә ысуллары. Казан, 1913.
7. *Биккулов К., Госмани Г.* Балаларга кыйраәт: Мәктәп иптиданиянең 2-нче сыйныфлары өчен кыйраәт китабы. Казан: Сабах, 1907.
8. *Биккулов К.* Кыйраәт вә зирәгать: Мәктәп иптиданиянең 3—4 сыйныфлары өчен. Казан: Мәгариф, 1909.
9. *Биккулов К.* Балаларга кыйраәт: Мәктәп иптиданиянең 1 сыйныфлары өчен төр-тип ителгән кыйраәт китабыдыр. Казан: Сабах, 1910. 1 кискә.
10. *Биккулов К.* Балаларга кыйраәт. Мәктәп иптиданиянең 2-нче сыйныфлары өчен кыйраәт китабы. Тәээт. 2-нче басма. Казан: Сабах, 1910. 2 кискә.
11. *Биктави Г.* Татар мәктәбе: Рәсемле уку китабы. Оренбург: Хөсәенов, 1915. 3—4 кискә.
12. *Буби Г. (Фәйзи).* Кыйраәт төрки: 3—4-нче сыйныф иптиданияләре өчен тәртип ителмеш. Казан: Мәгариф, 1908. 1 кискә.
13. Буквардан сун укый торган князя: Первая после букваря книга для чтения. На крещено-татарском языке. Казань: Типография Н.-овъ М. А. Чирковой, 1907.
14. *Бәшири З.* Кызлар кыйраәте: 3-нче сыйныф иптиданиядә укучы кызлар өчен. Казан: Юл, 1911. 1 жөз.
15. *Вахитов Л., Мамишев Я.* Кыйраәт китабы: Мәктәп иптиданиягә махсус. Казан, 1909.
16. *Вахитов Л., Мамишев Я.* Кыйраәт китабы: Иптидания мәктәпләре өчен. Казан, 1908.
17. *Вәһапов Г.* Үз-үзеңне өйрәткеч: Татарлар русча һәм руслар татарча сөйләшергә. Казан: Казан ун-ты типографиясе, 1864.

18. Г. Д. Яңа мәктәп: Иптидак мәктәп өчен. Казан: Юл, 1915, 1 кисәк. (2 кисәк — 1916).
19. Г. Д. Яңа мәктәп: Иптидан мәктәпнең соңгы сыйныфлары өчен кыйраат китабы. Казан: Юл, 1915. 3 кисәк.
20. Г. Д. Яңа мәктәп: Иптидан соңгы сыйныфлар өчен уку китабы. Казан: Юл, 1913.
21. Г. Д. Яңа мәктәп: Иптидан мәктәпләрнең соңгы сыйныфлары өчен кыйраат китабы. Казан: Өмет, 1913.
22. Г. Д. Яңа мәктәп: Иптидан соңгы сыйныфлар өчен кыйраат китабы. Казан: Юл, 1915.
23. *Габделгаллям Г. Мөкәләмәи гарәби*. Казан: Кәрим, 1898.
24. *Гали Х. Тел ачыкчы: Әлифба соңында төрки уку өчен беренче китап*. Уфа: Хөсәенов, 1913.
25. *Гауни Ш. Чужык: Кыйраат китабы: Мәктәп иптидаиянең беренче сәнәсендә әлифба төмамында укытмак өчен язылды*. Казан: Мөгариф, 1909. (4 басма—1913, 5 басма — 1917).
26. *Гауни Ш. Кызларга кыйраат: 2-нче сыйныф өчен*. Казан: Мөгариф, 1911.
27. *Гауни Ш. Кызларга кыйраат: Беренче сыйныфта әлифба төмамында укытылыр*. Казан: Мөгариф, 1913. 3 басма.
28. *Гауни Ш. Чужык: Кыйраат китабы*. Казан: Мөгариф, 1914. 2 кисәк.
29. *Гыйсмәти Г. Ана теле*. Казан: Юл, 1911.
30. *Гыйсмәти Г. Татар теле: Иптидан мәктәпләрнең 1 сыйныфында әлифбадан соң укытылар өчен*. Казан: Сабах, 1913. 1 китап.
31. *Гыйсмәти Г. Ана теле: Иптидан мәктәпләрнең икенче сыйныф шәкертләре өчен чын ана телендә кыйраат китабыдыр*. 2 басма. Казан: Юл, 1915. 1 бүлем.
32. *Дибәрдеев М. Төрки кыйраат: Мәктәп иптиданларнең 1—2 сыйныфлары өчен төртип ителде*. Казан: Кәримов, 1910.
33. *Думаи Н. Безнең мәктәп: 1-нче елның ахыргы яртысында әлифбадан соң укытыр өчен төртип ителгән кыйраат төркия*. 2 басма. Оренбург: Хөсәенов, 1911. 2 кисәк.
34. *Думаи Н. Безнең мәктәп: Иптидан 3 сыйныф шәкертләренә махсус кыйраат төркия: Оренбург: Хөсәенов, 1911. 4 кисәк.*
35. *Думаи Н. Безнең мәктәп: 1-елның ахыргы яртысында әлифбадан соң укытыр өчен төртип ителгән кыйраат китабыдыр*. 3 басма. Казан: Сабах, 1912. 2 кисәк.
36. *Думаи Н. Безнең мәктәп: Иптидан 4 сыйныфларга махсус кыйраат китабы*. Оренбург: Хөсәенов, 1912.
37. *Думаи Н. Безнең мәктәп: Иптидан мәктәпләрдә 2-нче сыйныфларга махсус төртип ителгән кыйраат төркия*. 3 басма. Оренбург: Хөсәенов, 1913. 3 кисәк.
38. *Думаи Н. Безнең мәктәп: Иптидан 3 сыйныфларга*. 3 басма. Казан: Сабах, 1914.
39. *Думаи Н. Безнең мәктәп: Иптидан мәктәпләрдә беренче елның ахыргы яртысында әлифбадан соң укытыр өчен төртип ителгән кыйраат китабы*. Оренбург: Хөсәенов, 1915. 2 кисәк.
40. *Думаи Н. Безнең мәктәп: Иптидан 4 сыйныф өчен кыйраат китабы*. Казан: Өмет, 1915. 5 кисәк.
41. *Зәбири Х. Төгълим кыйраат вә мөгълүмат иптидая*. 2 басма. Казан: Сабах, 1907. 1 кисәк.
42. *Зәбири Х. Рәһбәр сыйбьян*. 3 басма. Казан: Сабах, 1908. 2 кисәк. (1 басма—1904, 4 басма—1911).
43. *Зәбири Х. Рәһбәр сыйбьян*. 3 басма. Казан: Сабах, 1908. 3 кисәк. (3 басма — 1911, 4 басма—1913).
44. *Зәбири Х. Мөсаувар вә мөкәммәл төгълим кыйраат вә мөгълүмат иптидая*. Казан: Сабах, 1908. 1 кисәк.
45. *Зәбири Х. Кыйраат китабы: Әлифба бөгъденнән кызлар мәктәпләрендә укытмак өчен*. Казан: Сабах, 1910. 1 кисәк.
46. *Зәбири Х. Рәһбәр сыйбьян*. Казан: Сабах, 1908. 1—3 кисәк.
47. *Ибраһимов Г. Яңа әдәбият: Дәрәслек*. 2 басма. Казан: Өхмәтгәрәй Хәсәни, 1914.
48. *Ибраһимов Г. Әдәбият дәрәсләре*. Казан: Сабах, 1916.
49. *Искәндәров Х. Белек йорты: Ибтидан соңгы вә рәшти әүвәлге сыйныфлар өчен рәсемле кыйраат китабы*. Уфа: Кәримов, 1912. (2 кисәк—1913).
50. *Корбангалиев М. Татар әлифбасы төмамында укыту өчен төртип ителә*. Казан: Мөгариф, 1914.
51. *Максуди һ. Кыйраат: Мәктәп иптидаиянең 3 сыйныф шәкертләренә тәжвид вә кыйраат гарәбия төгъләме өчендер*. 2 басма. Казан: Йолдыз, 1913.
52. *Максуди һ. Кыйраат: «Мөгәллим әүвәл»дән соң укытыр өчен кыйраат китабы*. Казан: Йолдыз, 1917. 1 китап.
53. *Мурзакаев Г. Мәктәп тәрбиясе*. 1 бүлек. Иптидан мәктәпләрдә кыйраат төркия укытыр өчен китап. Оренбург: Хөсәенов, 1913. 1 кисәк.

54. *Мәржани М.* Төрки уку: Иптидаи беренче сыйныф шәкертләренә махсус кыйраат китабы. Оренбург: Хөсәенов, 1911. 1 кискәк.
55. *Мәржани М.* Төрки уку: Иптидаи икенче сыйныф шәкертләренә махсус кыйраат китабы. Оренбург: Хөсәенов, 1911. 1 кискәк.
56. *Мәржани М.* Төрки уку: 2-нче сыйныфларда уку өчен кыйраат. Оренбург: Кәримовлар, 1912. 2 кискәк.
57. *Мәржани М.* Төрки уку: Иптидаи 2-нче сыйныфларда уку өчен кыйраат. Казан: Хөсәенов, 1912. 2 кискәк.
58. *Мәржани М.* Төрки уку: Иптидаи беренче сыйныф шәкертләренә махсус кыйраат китабы. 2 басма. Оренбург: Хөсәенов, 1912. 1 кискәк.
59. *Мөкәмәт Ш.* Бер мәктәп баласының сүзләре: Кечкенә балаларга укырга җиңел төрки телендә кыйраат китабы. Казан: Лито-типография И. Н. Харитонова, 1906.
60. *Назым Г.* Уку китабы яхуд яңа рисалән элак вә вазанф әфтел: Мәктәп иптиданянең 3-нче сыйныфлары өчен. 3 басма. Казан: Милләт, 1912.
61. *Насыри З.* Мәктәп кызларына уку: Кыз балаларга махсус иптидаи сыйныфлар өчен тәртип ителде. Казан: Кәримовлар, 1911.
62. *Насыри К.* Буш вакыт. Казан: Казан ун-ты типографиясе. 1860.
63. *Насыри К.* Тәрбия китабы. Казан: Казан ун-ты типографиясе, 1860.
64. *Насыри К.* Фәвакиһелжеләса фил әдәбият. Казан: Казан ун-ты типографиясе, 1884.
65. *Нигъмәтуллин Г.* Кыйраат төрки. Казан. 1899. 1 кискәк. (Издательство не указано).
66. *Нигъмәтуллин Г.* Кыйраат төрки. Казан: Мәгариф, 1907. 1 кискәк.
67. *Радлов В. В.* Белек: Балалар укыр өчен чыгарылган китап. Казан: Казан ун-ты типографиясе, 1872.
68. *Рахманколы Г.* Тәнбиһе-с-сыбиян: Яңа укый башлаган балаларга укыр өчен. Казан: Б. Л. Домбровский, 1898.
69. *Рахманколы Г.* Ачкыч: Уку китабы. Казан: Кәримовлар, 1906.
70. *Рахманколы С.* Монтазам кыйраат китабы: Мәктәп иптиданянең соңгы вә рөштиянең әүвәлге сыйныфларына махсус. Казан: Хөсәени, 1909. 1 кискәк.
71. *Рахманколы С.* Монтазам кыйраат китабы. Казан: Хөсәенов, 1911. 2 кискәк.
72. *Рахманколы С.* Монтазар кыйраат китабы. Казан: Гасыр, 1912. 2 кискәк.
73. *Рахманколы С.* Руслар өчен татарча өйрәткеч. Казан: Мәгариф, 1912. (Рус һәм гарәп шрифтында).
74. *Салихов М. Ш.* Яңа тәсныф кылынган үзе үзене әйрәткеч татарларга русча, русларга татарча сөйләшәргә һәм укырга. Казан: А. А. Дубровин, 1885.
75. *Сәгъди Г.* Мөхтәсар кавагыдә әдәбия: Рөшти 3-нче вә игъдади 1-нче сыйныф шәкертләре өчен. Уфа: Хөсәенов, 1911.
76. *Сәгъди Г.* Әдәбият ысуллары. Оренбург: Вакыт, 1912.
77. *Сәгъди Г.* Әдәбият мөгәллиме. Беренче бүлем: Рөшди мәктәпләр өчен дәрес китабы. Уфа: Хөсәенов, 1913.
78. *Сәгъди Г.* Иптидаи мәктәп балаларына уку китабы. Уфа: Кәримовлар, 1911.
79. *Сөләймания Ф.* Мөгәллимәт-әл-бәният: Кечкена ханымнарда уку китабы: Мәктәп иптиданянең 2-нче сыйныфына махсус. Оренбург: Кәримов, 1908. 1 кискәк.
80. *Сөләймания Ф.* Мөгәллимәт-әл-бәнат: 2-нчы сыйныфка махсус. Казан: Кәримов, 1908.
81. *Сөләймания Ф.* Мөгәллимәт-әл-бәнат: Кызлар мәктәбенә махсус кыйраат китабы. Уфа: Кәримовлар. 1—4 кискәкләр. (Год не указан).
82. *Терегулов И.* Кыйраат китабы: Су. Казан: Б. Л. Домбровский, 1898.
83. Третья книга для чтения на татарском языке/Изд. Переводческой комиссии при Управлении Казанского учебного округа; Председатель комиссии Н. Катанов. Казань: Центральная типография, 1909.
84. *Тукай Г.* Яңа кыйраат: Шигърьләр һәм хикәяләр. Казан: Үрнәк, 1909.
85. *Тукай Г.* Мәктәптә милли әдәбият дәресләре. Казан: Сабах, 1911.
86. Төкмилә яхуд «Кыйраат төркия». Казан: Кәримовлар, 1903.
87. Төрки уку. Казан: Мәгариф, 1906.
88. Төрки уку. Оренбург: Мәгариф, 1908.
89. *Укмәси М.* Алтын таж: Иптидан 3—4 сыйныфлар өчен тәртип ителгән гүзәл кыйраат китабыдыр. Казан: Юл, 1912.
90. *Бузи Г. (Фәйзи).* Кыйраат төрки: Өченче—дүртенче сыйныф иптиданләр өчен тәртип ителмештер. Казан: Мәгариф, 1912. 1 кискәк.
91. *Фәхри К.* Әхлакый төрки уку: Иптидаи 2—3 сыйныфлар өчен. Казан: Кәримовлар, 1912.
92. *Халиди Ш.* Мөнбәт-әл-мәгариф: Кыйраат төркидән 3-нче сыйныф балалары өчен төрле фәннән җыелган Казан телендә тезелмеш «уку» китабы. 2 басма. Казан: Кәримов, 1914.
93. *Хәнәфия Ә.* Кыйраат жәдидә: Иптидаи мәктәпләр өчен. Казан: Сабах, 1908.

94. *Ханафия Ә.* Сабыйларга мәгълүмат. Казан: Сабах, 1909.
 95. *Хәсән, Г.* Тел ачычы: Әлифба соңында төрки уку өчен беренче китап, Уфа: Хөсәенов, 1913.
 96. *Хәсәни Ә.* Қыйраәт төрки: Иптиданияең 2 сөнәсенә махсус. Казан: Б. Л. Домбровский, 1898.
 97. Четвертая книга для чтения на татарском языке/Изд. Переводческой комиссии при Управлении Казанского учебного округа; Председатель комиссии Н. Катанов. Казань: Центральная типография, 1909.
 98. *Чистапули Х.* Рәһбәр сыбиян: 1-нче сыйныф шәкертләренә. Казан: Әхмәдуллин, 1904. 2 кисәк.
 99. *Яхин Т.* Малайлар вә кызлардан ялкаулыкны жиберү. Казан: Казан ун-ты типографиясе, 1898.
 100. *Яхин Т.* Сабый вә сабияләр өчен мәргүб булган хикәяләр вә мәкаләләр нәм олуларны тәнбия өчен гыйбрәтләр. Казан: Казан ун-ты типографиясе, 1902.
 101. Яңа төрки кыйраәт. Казан: Милләт, 1912.
 102. Яңа төрки кыйраәт. Казан: Милләт, 1913.
 103. *Әбүзәров Х.* Уку китабы. Казан: Кәримов, 1903.
 104. *Әбүзәров Х.* Уку китабы. Казан: Кәримов, 1913.
-

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Л. В. ДАНИЛОВ

ВОПРОСЫ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ СЛОВАРЕЙ УЗБЕКИСТАНА

В Узбекской ССР принят Закон о государственном языке, каковым признан современный узбекский литературный язык. Согласно законодательному акту, на узбекском языке теперь будут вестись делопроизводство, документация, в том числе медицинская документация (истории болезни, анкеты, справки, эпикризы и др.), до сего времени оформлявшаяся на русском языке. Как показали проведенные нами в ряде медицинских коллективов Узбекистана социолингвистические исследования, языком пятиминуток, консилиумов, различного рода собраний (партийных, профсоюзных и др.), курсов повышения квалификации, конференций также выступал русский язык. В связи с создавшейся новой ситуацией возникают, среди прочих, и проблемы усовершенствования различных (учебных и научных) терминологических словарей по медицине, создания учебников, учебных пособий на узбекском языке, составления и издания двуязычных разговорников для медицинских работников и др.

В настоящее время издан ряд двуязычных (русско-узбекских) и трехязычных (латинско-русско-узбекских или русско-узбекско-латинских) словарей, рассчитанных на преподавателей и студентов, что само по себе является большим лексикографическим достижением, во многом обеспечивающим нужды народного образования в республике.

Русско-национальные терминологические словари призваны прежде всего обслуживать сферу науки, техники и подготовки кадров, поскольку они рассчитаны на сравнительно узкий круг специалистов, студентов и учащихся. Следовательно, в качестве методических и учебных пособий они преследуют определенные цели, в том числе ознакомление студентов с русской и национальной терминологической системой в данной области научного знания, выработку навыков грамотной (устной и письменной) профессиональной речи.

В данной статье мы рассмотрим некоторые вопросы, связанные с качеством составления и издания медицинских словарей в Узбекистане.

Двухтомный русско-узбекский медицинский словарь (гл. ред. Я. Х. Туракулов), над составлением которого работал большой авторский коллектив, в целом выполнен добротнo. Русско-интернациональные термины снабжены узбекскими эквивалентами, которым, в свою очередь, придано узбекское толкование. Вот некоторые примеры:

абдоминальный — *абдоминал* — қорин (қурсоқ)га оид; мас. *абдоминальные мышцы* — қорин (қурсоқ) мушаклари;

- абиогенез — *абиогенез* — ҳаётнинг жонсиз моддадан ўз-ўзидан келиб чиқиши;
- абиотический — *абиотик* — ҳаёт йўқлигига оид, ҳаёт йўқлигини кўрсатувчи ҳолат; а. факторы — *а. факторлар* — аорганик дунёга карашли ташқи шароит факторлари: сув, ер, ҳаво, температура, намлик, шамол ва х. к.;
- аблепсия — *кўриш* — кўриш қобилиятининг йўқолиши;
- абрахия — *абрахия* — боланинг қўлсиз туғилиши и др. [1].

Однако, на наш взгляд, имеется ряд обстоятельств, снижающих качество словаря. Это прежде всего очень растянутые сроки издания: так, первый том был издан в 1962 г., а второй увидел свет только спустя 9 лет (т. е. в 1971 г.). За эти годы, так и не дождавшись выпуска второго тома, закончили вузы многие студенты-медики, медицина же обогатилась новыми достижениями, новой терминологией.

Кроме того, нельзя не отметить и недостатки лексикографического характера. На наш взгляд, серьезным упущением является непродуманность реестра терминов. Так, помимо собственно медицинских терминов (обозначающих патологические процессы, происходящие в человеческом организме) в словарь вошли и названия лечебных трав, лекарственных и отдельных химических соединений, а также названия хирургических инструментов, что привело к неоправданному увеличению объема словаря. Но дело не только в соображениях экономического порядка. Главное заключается в том, что при знакомстве с фармацевтическими препаратами для студентов и врачей-практиков важны сведения следующего характера: латинское написание названия препарата, его дозировка в зависимости от возраста больного, лечебные свойства (т. е. показания и противопоказания), форма употребления и др. Всю эту информацию невозможно представить в двуязычных словарях, поэтому издаются специальные справочники, включающие в себя сведения с лекарств, лекарственных препаратов, целебных травах и фармакопей.

Составлению русско-национальных словарей должна предшествовать серьезная работа в области национальных терминов. На сегодняшний день узбекское языкознание располагает всего лишь двумя кандидатскими диссертациями, посвященными анализу названий болезней и их симптомов в узбекском языке и его фармацевтической терминологии. В них не ставится цель рассмотреть лексикографические вопросы, а анализируется функционирование этих названий и терминов в современном узбекском языке. Тем не менее эти исследования составляют научную базу, на которую нужно опираться при составлении словарей.

Другой важной стороной лексикографической работы является сбор и составление картотеки (картотечный фонд). По нашему мнению, картотеку необходимо составлять, черпая материал из учебников по медицине, научной литературы, а затем, в зависимости от целей и предназначения словаря, сделать выборку, т. е. реестр русской части. Для учебных целей (речь идет именно о них, ибо общие научные или толковые словари по медицине на русском языке издаются в основном центральными издательствами) необходимо выбрать наиболее употребительные термины, дифференцируя области медицины. Нельзя выделять в самостоятельные словарные единицы устаревшие или разговорные варианты терминов. Например, термин *чахотка* давно вышел из употребления, поэтому следует давать только термин *туберкулез*. Однако допустимо в скобках после термина *туберкулез* с пометой *устар.* (уста-

ревшее) представить и слово *чахотка*. Аналогично следует поступить, и с выражением *сучье вымя*, которое употребляется в разговорной речи, тогда как научным является термин *лимфоаденит*. Именно данный принцип не до конца выдержан в латинско-русско-узбекском словаре по анатомии [2]. В нем отдано предпочтение таким терминам, как *брюшной* (вместо *абдоминальный*), *отводящая мышца* (вм. *абдуктор*), *водная оболочка* (вм. *амнион*), *палочки* (вм. *бациллы*), *основной* (вм. *базисный*), *пещера* и *полость* (вм. *каверна*), *струна* (вм. *хорда*), *наука о клетке* (вм. *цитология*) и мн. др. В результате создается впечатление, что в основу словаря положена не научная терминология, а извлечения из латинско-русского словаря, отнюдь не предназначенного для подобных целей.

Составление национальной части дву- и трехязычных словарей находится в прямой зависимости от реестра терминов русской части (или русско-латинской, латинско-русской). Если для русского языка характерна интенсивная интернационализация медицинских (и не только их) терминов, то для создания национальных терминологических систем рядом авторов рекомендуется иной путь — максимального использования средств родного языка [3. С. 3, 5; 4]. Эта тенденция особенно усилилась за годы перестройки. В результате в разряд терминов попадают народные названия, диалектизмы и т. д., в чем можно убедиться на основе анализа указанных выше словарей. Так, в двухтомном русско-узбекском медицинском словаре русский термин *луковица* переведен на узбекский язык как 'пиёзча, бошча; кенгайма', а в латинско-русско-узбекском словаре по анатомии литературное слово *пиёзчи* 'лук, лучок, маленький лук' заменено диалектным (областным) словом *сўфон* 'лук' (растение) [2. С. 15; С. 395]. Здесь уместно подчеркнуть, что русский медицинский термин *луковица* не эквивалентен узбекским словам *пиёзча*, *сўфон*. Слово *луковица* в русском языке имеет, по крайней мере, четыре значения: 1. Утолщенная шарообразная, из плотно прилегающих друг к другу листьев, обычно подземная часть стебля некоторых растений: *луковица тюльпана*. 2. Головка чеснока или лука. 3. Расширение в некоторых органах, частях организма (*спец.*): *луковица волоса*. 4. Шаровидный церковный купол [6. С. 322].

Семантика словосочетания *луковица волос* ближе к значению 'корень (волос)', чем 'лук'. Поэтому медицинский термин *волосая луковица* следует перевести на узбекский язык как 'волосной корень' (т. е. *соч илдизи*). Как видим, вышеприведенные и другие недостатки появились в результате отсутствия четко выработанных принципов составления русско-национальных словарей по медицине.

Упущения имеются и в диссертационных работах, призванных быть научной базой словарей [7; 8]. Одобряя проведение исследований в области медицинской терминологии, приходится констатировать, что подобного рода научные работы осуществляются лингвистами, не всегда компетентными в медицине, поэтому тонкие оттенки значений терминов зачастую остаются вне поля зрения этих ученых. Так, А. Хусанов пишет, что к самым важным вопросам относится синонимия. Но в терминологической подсистеме языка это языковое явление нежелательно. Так, по его мнению, болезнь под названием *alpinatio mentis* в узбекском языке передается следующими лексическими единицами: *жиннилик*, *эсипастлик*, *девоналик*, *телбалик*, *савдойилик*, *жиннисанғилик*, *эсвослич*. Все эти слова обозначают лишь одно понятие — помешательство (умопомешательство) [7].

Однако синонимичны эти термины только на первый взгляд. Как

известно, в психиатрии выделяется несколько видов заболеваний, связанных с частичной или полной потерей памяти (врожденной или приобретенной) или расстройством нервной системы, так называемые психозы (алкогольные, аменорейные, анксиозные, дегенеративные, инфекционные, лактационные, предстарческие, эпилептические и т. д.), шизофрения, гебефрения, истерия, меланхолия, неврастения, идиотии (аморитическая, семейная, микроцефалическая, эпилептическая), неврозы и др. В известной мере эти виды болезней нашли свое отражение и в народном языке, — так, в русском мы встречаем такие слова, как сумасшествие, помешательство, безумие, полоумие, юродство и др. Аналогично тому в узбекском языке встречается много народных названий, приведенных А. Хусановым. Однако в научной медицине употребляются следующие русские и узбекские термины: психоз — *психоз*, гебефрения — *сипастлик*, безумие — *тентаклик*, помешательство — *телбалик*, умопомешательство — *ақлдан озиш* (психоз), шизофрения — *шизофрения*, идиотизм — *идиотизм*, истерия — *истерия*, невроз — *невроз*, меланхолия — *меланхолия* и др. [1].

Таким образом, приведенные выше слова хотя и существуют в узбекском языке в качестве общеупотребительных синонимов, но в научной медицине они строго дифференцированы и употребляются только некоторые из них. Кроме того, предпочтение отдается в основном интернациональным терминам. Что касается указанного автором диссертации латинского названия (его правильное написание: *aliēnatio mentis*), то в латинско-русском словаре оно переведено как 'бессознательное состояние, бред, безумие' [9]. Вряд ли разумно, критикуя (современную) терминологию, придерживаться семантики слова, существовавшего в историческом прошлом.

В связи с общей тенденцией в мировой медицине к интернационализации и унификации терминов ни одна национальная терминология не может остаться изолированной. Так или иначе она испытывает на себе влияние извне. Поскольку в большинстве своем научная медицинская литература в СССР до сего времени пишется и издается на русском языке, то национальные языки заимствуют отсутствующие у них новые понятия через посредство русского языка. Поэтому многие интернациональные медицинские термины, попадающие в узбекский язык из русского, употребляются в первом без изменения, например: абазия — *абазия*, абдукция — *абдукция*, абберрация — *абберрация*, абберрометр — *абберрометр*, абиогенез — *абиогенез*, абластика — *абластика* и мн. др. [1]. Другое дело, что на начальной стадии изучения медицины семантика указанных терминов нередко доставляет студентам-билингвам немало хлопот, так что требование перевода или толкования их на родном языке студентов становится настоящим. Этому правилу справедливо придерживались составители двухтомного русско-узбекского медицинского словаря, например: абалиенация — *абалиенация* — бегоналик рухий касалликларда ўзини бегона тутиш; амнион — *амнион* — қоғанок; она қорнидаги бола қопчигининг ички (сув) пардаси; ангидремия — *ангидремия* — қон плазмасининг камайиши и др.

Возвращаясь к принципам издания русско-национальных терминологических словарей, нужно подчеркнуть, что грубым упущением узбекской части дву- и трехязычных медицинских словарей является буквальный перевод некоторых русских медицинских терминов, что, по-видимому, происходит из-за недопонимания составителями словарей лингвистических особенностей русских и интернациональных слов (авторами являются ученые-медики, а не лингвисты). В русском языке многие анатомические термины (например, слепая кишка, двенадцатиперстная

кишка, сахарная кость, глазное яблоко, лопатка, турецкое седло и др.), названия болезней (грудная жаба, белая горячка, сучье вымя, заячья губа, утиная походка и др.) построены с использованием переносного значения слов, буквальный перевод которых абсолютно не допустим (как, например, белая горячка — *оғ алаҳлаш*, двенадцатиперстная кишка — *ўн икки бармоқли ичак*, вымя сучье — *итэмчак* и др.; следует давать: делирий или алкоголь психозы, ўн икки бармоқ ичак, лимфоаденит). Другое дело, если в каком-либо национальном языке имеется соответствующий эквивалент, также основанный на переносном значении слова, как, например, слепая кишка и узбекский *кўричак*.

Одобрив в основном положительный опыт терминовтвора в узбекском языке, необходимо вкратце остановиться на калькировании русских и интернациональных терминов. Опираясь на данные социолингвистических исследований (в том числе опросы медицинского персонала), можно предположить, что на нынешнем этапе развития узбекской медицинской терминологии предлагаемые некоторыми лингвистами кальки и полукальки типа *ультратовуш* (вм. ультразвук), *бўшлиқ* (вм. каверна), *микроб ташувчи* (вм. бациллоноситель), *кўпартрит* (вм. полиартрит) и другие вряд ли найдут широкое применение в научной медицине и среди медицинского персонала, точно так же, как не нашли своего места в узбекском языке предлагавшиеся в свое время кальки русских слов самовар, трактор (*ўзқайнар*, *ўтомоч* и др.). Тем не менее следует отметить, что в последнее время в узбекском языке началось интенсивное терминовтвора и словотвора, о чем можно судить по периодической печати. Так что на многие вопросы, как то бывало и прежде, ответит сам язык, принимающий созвучное ему и отторгающий чужеродное.

И в заключение подчеркнем, что только тесное творческое сотрудничество лингвистов и медиков приведет к оптимальным результатам в деле составления и издания медицинских терминологических словарей в национальных республиках.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Русча-ўзбекча медицина лугати. Тошкент, 1962. Т. 1; 1971. Т. 2.

² Ибодов Н. А., Лемпель Н. М. Анатомиядан қисқача лотинча-русча-ўзбекча лугат. Тошкент: Медицина, 1982.

³ Хуррамов К. Узбекские народные географические термины, обозначающие рельеф Южного Узбекистана: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1981.

⁴ Дониёров Р. Узбек тили техник терминологиясининг айрим масалалари. Тошкент, 1977.

⁵ Узбекско-русский словарь. М., 1959.

⁶ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1961.

⁷ Хусанов А. Названия болезней и их симптомов в узбекском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1982.

⁸ Касымов А. И. Фармацевтическая терминология в современном узбекском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1982.

⁹ Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1976.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

СОВРЕМЕННАЯ ГАГАУЗСКАЯ ТОПОНИМИЯ И АНТРОПОНИМИЯ

КИШИНЕВ: ШТИИНЦА, 1989.

Гагаузская ономастика (в широком смысле термина) исследована слабо. Ей посвящены пока что лишь отдельные эскизы, статьи, материалы. Среди тех, кто так или иначе касался этой темы, были В. А. Мошков, М. М. Чакир, А. И. Еремия, Г. А. Гайдаржи, М. Н. Губогло и ряд других ученых. Однако системного, монографического исследования до сих пор не предпринималось. Первый подобный труд — монография И. В. Дрона и С. С. Курогло «Современная гагаузская топонимия и антропонимия».

Работа помимо введения, заключения и научного аппарата включает в себя два основных раздела — «Микротопонимия» и «Антропонимия», причем доминирующее место в них отведено не исследовательской части, но антропонимикону и микротопонимикону.

В первом разделе представлена главным образом микротопонимия. Ойконимы (т. е. названия населенных пунктов сельского типа) рассматриваются фрагментарно или в примечаниях к толкованиям микротопонимов. Практически от каждого гагаузского ойконима образовано по несколько микротопонимов, что дало авторам возможность охватить широкий круг топонимических проблем.

Гагаузская топонимия представляет исследователю очень богатый исторический и этнолингвистический материал. Ввиду того, что в Буджаке, где в настоящее время сосредоточена основная масса гагаузского населения, на протяжении многих веков жили разные народы, в том числе тюркские (авары, древние болгары, половцы, ногайцы), перед авторами стояла весьма сложная задача идентификации того или иного топонима. Этому в данном случае препятствовала близость тех тюркских языков, которые звучали в Буджакском регионе и оставили о себе память в виде топонимов.

В монографию вошел самый полный на сегодняшний день список гагаузских микротопонимов. Каждый микротопоним снабжен переводом на русский язык, указаны

его географические координаты. Кроме того, в примечаниях даются пространные (порой чрезмерно) этимологические справки, высказываются те или иные предположения, приводятся многочисленные параллели из других тюркских, а также восточно-романских и славянских языков, с которыми контактирует гагаузский язык. Положительным является тот факт, что авторы, не претендуя на истину в последней инстанции, в спорных случаях, при этимологической интерпретации того или иного названия, стараются избегать категоричности, о чем свидетельствуют, например, встречающиеся в тексте вводные конструкции типа «видимо», «возможно», «по нашему мнению».

Второй раздел монографии — «Антропонимия» — охватывает широкий спектр антропонимических проблем. В собственно исследовательской части раздела содержится ряд сведений о гагаузских антропонимах в диахронном плане. Делается попытка выявить основные антропонимические модели, предложить классификацию внутри антропонимических групп.

Гагаузские фамилии и прозвища по своему происхождению преимущественно тюркские, и это естественно. Что касается личных имен, то здесь ситуация иная: тюркские имена у гагаузов за многие столетия христианства (как известно, гагаузы исповедуют православие) были вытеснены церковно-каноническими, восходящими в основе своей к греческому и древнееврейскому языкам. Однако в корпус гагаузских имен авторы включили также многочисленные исторические антропонимы из фольклора, из архивных документов, в том числе из ревизских сказок и т. д. В антропонимике приводятся все зарегистрированные формы, отличающиеся нередко одной единственной буквой. Например, Агбаш, Акбаш; Кыса, Кысса; Куйджуклу, Куйжуклу, Куйуджуклу. Все антропонимы даются в следующих трех вариантах: «регистрационный вариант», «русское написание», «гагаузское написание».

Ценность и научная новизна работы состоит в том, что в ее основу легли первичные материалы, почерпнутые авторами на местах в ходе полевых экспедиций и частных поездок по гагаузским селам. Были использованы также архивные сведения, труды многих предшественников. Так, из 1100 микротопонимов, вошедших в монографию, из различных печатных источников извлечены около 100. Все остальные собраны на протяжении 1979—1983 гг. в гагаузских селам.

В целом монография имеет не только фундаментальное, но и научно-прикладное значение. В частности, топонимический раздел может пригодиться как историкам, языковедам, литературоведам, так и картографам — при составлении карт. Антропонимический материал, в свою очередь, может быть адресован не одним лишь специалистам-филологам, но и работникам сельских Советов и бюро ЗАГС.

П. Чеботарь

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ЗВУКОВЫХ СИСТЕМ

ЛГУ, 1987. 280 с.

Труд авторского коллектива ЛГУ, выпущенный в свет под редакцией проф. Л. В. Бондарко и проф. Л. А. Вербицкой, представляет собой оригинальное исследование интерференции, возникающей в речи носителей разных языков. Он состоит из введения, трех глав и заключения.

Во введении рассматриваются вопросы взаимовлияния русского языка и языков народов СССР, а также взаимодействия русского литературного языка и народных говоров (северно-русских, южно-русских, среднерусских говоров Урала), дается объяснение самого явления интерференции и его механизмов, анализируются различные аспекты интерференции на фонетическом уровне, а также методика фонетических исследований.

Говоря о взаимовлиянии русского и национальных языков, авторы подчеркивают, что в результате этого процесса «возникает „специфический“ национальный вариант русского литературного языка» (с. 3).

Рассматриваются во введении также специфические особенности взаимодействия звуковых систем при обучении неродному языку. Авторы отмечают связь между порождением высказывания и восприятием сообщения на неродном языке. «Владение системой звуковых средств как системой функциональных единиц предполагает автоматизирование механизмов порождения речи и максимальное использование вероятностных характеристик при восприятии» (с. 5).

Речевое поведение билингва, по мнению авторов, характеризуется взаимодействием универсальных и национально-языковых свойств. К числу первых относятся фонетические средства объединения звуковых последовательностей в целые комплексы, спо-

собы создания фонетической целостности слова, а также противопоставления гласных и согласных по ряду, подъему, огубленности и активному действующему органу.

К национально-языковым свойствам относятся те, которые специфичны только для данного языка или ограниченной группы языков.

Третий параграф введения посвящен сенсорному и моторному аспектам интерференции на фонетическом уровне.

Для наиболее полного описания интерференции звуковых систем, по мнению авторов, необходимо проанализировать не только факты интерферирующего воздействия одного языка на другой, но также и предпосылки, определяющие интерференцию.

В основу исследования легли звуковые характеристики русского литературного языка, модифицирующиеся под влиянием звуковых систем других языков или диалектов. Поэтому в первой главе приводятся сведения только о разновидностях русского литературного языка, возникающих в различных национальных зонах нашей страны (о диалектных зонах речь идет во второй главе).

Первая глава трактует вопросы межъязыковой интерференции — взаимодействия русского языка с другими языками народов СССР, которые для удобства авторами названы национальными.

Исследованию подверглись языки, генетически далекие от русского, — эстонский, азербайджанский, грузинский, армянский, молдавский, латышский, литовский, а также языки, входящие в восточную подгруппу индоевропейских языков и являющиеся генетически тесно связанными с русским языком, — белорусский и украинский.

Как известно, русский язык является

языком межнационального общения, и национально-русское двуязычие глубоко укоренилось в нашей стране. Поэтому особую ценность представляет изучение специфики функционирования звуковой системы русского языка на материале речи жителей крупных городов различных национальных республик.

В работе дается краткое описание звукового строя исследуемого национального языка и фонетических особенностей русской речи носителей данного языка.

Широко используется в книге иллюстративный материал, содержащий данные об относительной распространенности и частоте встречаемости отклонений от русской произносительной нормы.

Поскольку авторы настоящей рецензии являются носителями азербайджанского языка, нет ничего удивительного, что наибольший интерес вызвал у нас параграф, описывающий взаимодействие русского и азербайджанского языков.

Параграф начинается с описания звукового строя азербайджанского языка на фонемном уровне. Авторы отмечают соответствие русских гласных азербайджанским, к тому же «в качественном отношении основные аллофоны азербайджанских гласных фонем довольно близки к русским» (с. 27). То же самое можно сказать и по поводу согласных. Сравнивая реализацию фонем в слове, авторы отмечают своеобразие данного явления в азербайджанском языке, в первую очередь — касательно гласных. В отличие от русского языка, вопрос о принадлежности всех гласных слова к тому или иному ряду в азербайджанском языке решается в зависимости от качества гласного первого слова. Наблюдаются различия и в правилах реализации согласных. Исследователи, проанализировав и сопоставив дифференциальные признаки обоих языков, установили, что в русской речи азербайджанцев не следует ожидать очень грубых отклонений от русской произносительной нормы. Нужно, однако, отметить, что к такому выводу авторы пришли вследствие того, что анализ проводился с привлечением факторов, для которых азербайджанский язык не был родным.

Исследовав с помощью слухового анализа отклонения от произносительной нормы, авторы рецензируемой книги выявили следующие фонетические особенности русской речи азербайджанцев, в частности жителей города Бакв.

Так, в их речи наблюдается большое количество акцентных признаков, что приводит к нарушению орфоэпических и орфофонических норм.

Поскольку в азербайджанском языке отсутствует дифференциальный признак мягкости-твердости, то естественно, что наиболее яркие нарушения произносительной нор-

мы наблюдались при реализации данного противопоставления.

В произнесении гласных отмечены такие нарушения орфофонической нормы, как слишком открытый гласный (i) после недостаточно мягких согласных, сильно продвинутый вперед гласный (u), а также излишне долгий переходной элемент (i) гласных при произнесении достаточно мягких согласных.

Произнесение согласных также характеризуется рядом отклонений, однако значительные нарушения орфофонических норм были связаны с произнесением шипящих, что является результатом действия правил аккомодации гласных и согласных в слове.

Еще одной особенностью, присущей носителям азербайджанского языка, является произнесение недостаточно долгих согласных на месте удвоенных.

Среди акцентных черт авторами отмечаются излишне долгий гласный в сочетании [z' n'] в конце слова. Определенное количество отклонений связано с особенностями ритмики слова, что способствует созданию специфической окраски речи.

Методика анализа, проведенного авторами рецензируемой книги, может послужить основой для более углубленного исследования фонетических особенностей взаимовлияния русского и азербайджанского языков.

Третья глава посвящена изучению механизмов интерференции, показаны их различные особенности. Авторы предлагают свою точку зрения, основывающуюся на экспериментально-фонетических данных, согласно которым человек способен различать большее число звуков, чем число фонем в его родном языке. Но эта способность обусловлена фонологическими отношениями, существующими в системе фонем его родного языка.

Остановившись на проблеме восприятия носителями разных языков фонетически «похожих» реализаций различительных признаков, авторы акцентируют внимание на свойствах каждой системы.

Большой интерес представляют параграфы, в которых анализируется восприятие звуков неродного языка. Авторы подробно описывают всевозможные методы выявления произносительных ошибок. Несомненно, результаты исследований найдут применение на занятиях по фонетике — как практической, так и теоретической.

В завершение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что рецензируемое исследование ленинградских ученых содержит обширный материал для изучения такого лингвистического явления, как интерференция русского и национальных языков.

Надеемся, что эта книга будет прочитана фонетистами с большим интересом.

Ф. Е. Вейсалов, С. Т. Исмаилова

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

II РЕСПУБЛИКАНСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ОНОМАСТИКА УЗБЕКИСТАНА»

14—16 сентября 1989 г. в г. Карши прошла II Республиканская научно-практическая конференция «Ономастика Узбекистана», организованная Каршинским госпединститутом, Институтом языка и литературы АН УзССР и Узбекским фондом культуры. В работе конференции приняли участие около 200 ученых из Москвы, Ленинграда, Баку, Алма-Аты, Фрунзе, Душанбе, Тбилиси, Казани, Уфы, Пензы, Кзыл-Орды, Кызыла, Ташкента, Ленинабада и всех областных центров республики, а также преподаватели вузов и средних школ, работники музеев Кашкадарьинской области. Было заслушано и обсуждено более 120 докладов и сообщений, работали три секции: 1) топонимики, 2) антропоники, 3) общих и прикладных вопросов ономастики (зоонимики; ктематоники; космонимики). Были изданы тезисы докладов¹.

Систематизация принципов номинации, определение статуса ономастической лексики в дихотомии языка и речи, общность и различия в образовании ономастической и апеллятивной лексики, типологические особенности ономастической лексики, сопоставление топонимии различных регионов, место ономастики в системе учебных дисциплин — эти и целый ряд других вопросов были в центре внимания участников конференции.

На пленарных заседаниях с докладами выступили Э. А. Бегматов («Тенденции развития современной узбекской антропоники»), Т. М. Ахмедов («Ономастика и лингвистика»), В. Д. Бондалетов («Методы сравнительно-типологического изучения родственных и неродственных антропониических систем»), А. Шерматов, Т. Нафасов («Из истории формирования и развития узбекской ономастики как науки и ее перспективы»), С. Караев («Узбекская

этнонимики»), П. В. Ермаков, З. Юнусова («Преподавание ономастики в Узбекистане»).

Э. Бегматов (Ташкент) остановился на лингвистических и экстралингвистических факторах развития узбекской антропоники. Докладчик обратил внимание на существенное обновление состава узбекских антрополоксем за годы Советской власти и на переосмысление содержания многих старых антропонимобразующих компонентов. Так, в этой системе почти исчезло влияние религиозного фактора, что привело к коренному переосмыслению таких исторических традиционных религиозных имен, как Абдулла, Шамсиддин, а отражение феодально-сословного деления населения в антропонимах оказалось устраненным полностью. Универсализация антропонимов привела к резкому сокращению узбекского антропониического фонда.

В докладе Т. Ахмедова (Баку) основное внимание было уделено различию методики изучения вторичных ономов и первичной апеллятивной лексики, а также проблемам их соотношения. В. Д. Бондалетов (Пенза) раскрыл возможности количественно-качественного метода в определении сходства и несходства между именниками разных народов, выделив единицы сопоставления (сами системы антропонимов, их фрагменты, статистику структуру личных имен). Докладчиком были продемонстрированы конкретные результаты сопоставления славянских (русского, украинского, белорусского) и тюркских (узбекского, казахского, азербайджанского и др.) языков, а также способность количественного метода служить инструментом для синхронического и диахронического сравнения ономастиконов различных языков народов СССР и мира.

А. Шерматов (Ташкент), Т. Нафасов (Карши), выделив три этапа в развитии узбекской ономастики: 1) донаучный (до конца XIX в.), 2) научный, но не ономастический (до 60-х годов XX в.), 3) ономастический, дали характеристику каждому из них и попытались наметить примерные

¹ Ономастика Узбекистана: Тез. II Республиканской научно-практической конференции (г. Карши, 14—16 сент. 1989 г.). Ташкент, 1989. 208 с.

перспективы развития исследований в области ономастики в Узбекистане.

Проблемы взаимоотношений этнонимов, топонимов и антропонимов, важность их изучения для истории духовной и материальной культуры этноса были предметом обсуждения в докладе С. Караева (Ташкент).

Начало изучения узбекской ономастики в республике в качестве особой учебной дисциплины, как отметили П. В. Ермаков и Э. К. Юнусова (Ташкент, МНО УзССР), относится к середине 70-х годов. Первопроходцами были кафедры узбекского языкознания ТашГУ, СамГУ, Каршинского, Сырдарьинского, Ферганского, Самаркандского ГПИ. Объектом изучения служила в основном топонимия. МНО УзССР были изданы программы спецкурса и спецсеминаров, пособие по топонимике, вопросники для сбора и систематизации топонимов: для чтения лекций приглашались ведущие специалисты (В. А. Никонов, В. Д. Бондалетов). Для дальнейшего развития этой дисциплины необходимо обобщение накопленного материала, по возможности скорейшее составление учебного пособия «Узбекская ономастика» и учебных словарей.

На заседаниях секции «Топонимика» было заслушано и обсуждено 70 докладов и сообщений. Вопросы общетюркского топонимического фонда анализировались в докладах Т. Джанузаква (Алма-Ата), Г. Саттарова (Казань), И. Г. Добродомов (Москва), В. П. Яйленко (Москва), М. Гаджихалилова (Тбилиси). В них в лингвистическом, ареальном и структурно-типологическом аспектах были проанализированы гидронимы Иртыш, Ишим, Талас, Чу, Арис, Или, Кенгир, Урал, Нура, Каспий, Арал, болгарский пласт с компонентами *шар/сар/соз, идел, сыр/и/ширма, кутер, кирман, чал/чул, чаллы, табыр, терек, аланский, буртасский* и енисейско-кетские реликты в тюркоязычных регионах.

Сопоставление узбекской топонимии с топонимией Киргизии, Казахстана, Закавказья, Урало-Алтайского региона было предпринято в докладах М. Мамедова (Гулистан), А. Шукурова (Баку), А. Джакыпова (Кзыл-Орда), Х. Ханмагомедова (Кызыл), Т. Ишанкулова (Фрунзе), Г. Мешадиева (Баку), А. Буриева (Ташкент), А. Сапарбековой (Алма-Ата), Э. Нуридза (Бьку), Я. Хужабердиева (Термез), С. Керимова (Баку), Н. Ахунова (Коканд).

Происхождение, морфемный и фонетический состав, структурно-семантические и функциональные особенности конкретных топонимов стали предметом обсуждения более чем в 20 докладах. Здесь следует упомянуть интерпретацию выступившим таким топонимом, как *Сырдарья* (Б. Урнибаев), *Ширбудун* (Х. Нигматов), *Хазар* (Х. Данияров, Б. Юлдашев), *Гогар* (Ф. Джалилов), *Джизак* (А. Закиров), *Барсанжон* (Т. Чороев), *Тахтақарача, Терсак* (У. Саидов), *Гусар, Косары, Кусэри*

(Т. Ахмедов), *Махаса/Моҳоса* (З. Юнусова), *Байсун* (Х. Халмунинов), *Керши* (В. И. Коваленко), *Касан* (К. Усмонов), *Бежкент* (Р. Киямов), *Нурата* (Р. Бабахаджаев), *Китоб* (Н. Абдухалилов), топонимических формантов *-кент, -абад* (М. Рамазанова), *-кат, -кант* (А. Абдунабиев), *-кас, -варз, -пур, -қала* (З. Дусимов), *-гар/-гыр/-гара/-қар* (В. Тангривердиев), *арык* (Х. Джабаров, К. Маркаев).

Анализ стилистической функции топонимов и антропонимов в художественной речи был предпринят в докладах Э. Киличева, Б. Чариева и Ф. Эшимова, М. Нурулу. К. Ачыловым был поставлен вопрос о выделении особого жанра — топонимического фольклора; функционированию в составе топонимов народных географических терминов были посвящены доклады К. Хуррамова, Э. Нуриева, Н. Баймуратова, Т. Урунова, Т. Кудратова, на интерпретации соматической лексики сосредоточили свое внимание Ш. Курбанов, У. Хван.

На заседании секции «Антропонимика» было заслушано и обсуждено 20 докладов и сообщений, посвященных вопросам антропонимического словообразования (С. Хальметова, Э. Хайдарова, Н. Мирзаев, Г. Муротова, Н. Эльмуродов, У. С. Хван), онимам в русских, узбекских и смешанных семьях г. Карши (С. Дубова, Л. Халилова), диалектальным основам узбекских антропонимов (Г. Саттаров, Л. Ким), способам передачи узбекских собственных имен в русском языке (З. Муртозов, М. Абдурахмонов, Г. Ходжаев, К. Мирзаева, Э. Бабаев, С. Мильдизина), Т. Нафасов и К. Маркаев (Карши) в своем докладе рассмотрели особенности функционирования этнонимов *қараман, дуғлат, авшар, алпан/албан, қоракўз, абат, бахмал/бахман, абдал, чавдур, бўғтўн, қилич, олчин, тўғиз, бойсун, тоғай, боёт, дувон, боён, болта, кўчар* в составе древних и современных узбекских личных имен. М. Адылов (Баку) и А. Шерматов (Ташкент) затронули проблемы лингвистической и экстралингвистической характеристики тюркских сложных антропонимов. Докладчики пришли к выводу о том, что лингвистическую основу сложных личных имен составляет принцип размежевания апеллятивного и ономастического значений. Сигнализаторами ономастики, отличающими их от апеллятивной лексики, выступают элементы *-хан, -бала, -ага, -дин, -али, -шаһ, -даш, мир-*, проанализированные в докладе М. Адылова, и *-хонум/-хоним, -бегим, -ой, -жон, -хон, -мурод, -гул* и другие, рассмотренные А. Шерматовым. С интересным сообщением о взаимоотношениях между антропонимами, прозвищами, табу и эвфемизмами в казахском языке выступила Н. Ергазиева, отметившая их постоянные взаимоотношения.

Доклады и сообщения, заслушанные на заседаниях третьей секции, были посвящены общим и прикладным вопросам ономастики (А. Чарыев, А. Куванов, С. Абдул-

лаев, К. Аллаев, И. Усманов, К. Суяров, А. Курбанов, Т. Уринов), особенностям зоонимов (Б. Чариев), номинационных принципам литературных произведений (Э. Шадманов). Вопросы билингвизма и языковых контактов на уровне ономастики стали объектом изучения А. Шайхулова (Уфа), Н. Шаропова (Самарканд), А. Хазраткулова и К. Сулаймонова (Карши).

Конференция приняла рекомендации, в которых, в частности, подчеркиваются историко-педагогическая и общественно-политическая значимость сохранения и восстановления древних узбекских названий — свидетелей истории и культуры узбекского народа.

Х. Г. Нигматов, Т. Н. Нафасов

РЕКОМЕНДАЦИИ II РЕСПУБЛИКАНСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ОНОМАСТИКА УЗБЕКИСТАНА»

В последние десятилетия в Узбекистане, как и в других республиках страны, сформировался большой отряд ученых-топонимов. Они плодотворно работают в различных областях ономастики, особенно же результативно в топонимике и антропонимике. Этими проблемами занимаются лингвисты, историки, географы, ученые-востоковеды. Узбекистан становится одним из центров ономастики, в частности топонимических и антропонимических исследований. Здесь проводились областные и республиканские научно-практические конференции по ономастической проблематике.

В 1989 г. при Узбекском отделении Советского фонда культуры создан Совет по топонимии, в составе которого работают ученые, писатели, журналисты, общественные деятели, работники культуры и народного образования.

Совет возглавляет работы по охране и восстановлению исторически значимых географических названий, по пропаганде ономастических знаний среди населения. Кроме того, в Институте языка и литературы АН УзССР создана группа ономастики (руководители Э. А. Бегматов и С. К. Караев), которая уже приступила к составлению «Топонимического словаря Узбекистана» на русском языке (объемом ориентировочно 30 авт. л.).

В настоящее время налицо пробуждение интереса широкой общественности к ономастическим, и в особенности топонимическим проблемам, к изучению исторических, географических названий как части культурного наследия народа. Вместе с тем ощущается теоретическая неразработанность многих вопросов, касающихся истории имен собственных, и в частности топонимии.

В докладах II Республиканской научно-практической конференции «Ономастика Узбекистана» приводились примеры исчезновения ряда исторически ценных географических названий. Руководствуясь основными рекомендациями, изложенными в «Положении о Совете по топонимии Узбекского фонда культуры» и направленными на сохранение и восстановление исторически ценных топонимов (с учетом разработок ученых-специалистов, а также мнения широкой общественности), II Республиканская конференция по ономастике Узбекистана считает необходимым:

1. Просить Академию наук УзССР и Узбекский фонд культуры разработать мероприятия, имеющие целью разъяснение важности сохранения исторически информативных географических названий.

2. Принять меры по восстановлению исторически ценных географических названий на территории Узбекской ССР.

3. Создать Красную книгу республики по исторически географическим названиям, восстанавливая в первую очередь названия наиболее крупных географических объектов — городов и поселков городского типа.

4. Просить президиум Узбекского фонда культуры рассмотреть вопрос об издании периодического ономастического альманаха с 1990 г. объемом 10 авт. л.

5. В г. Ташкенте при президиуме Узбекского фонда культуры провести в ближайшее время республиканский семинар-совещание на тему: «Исторические названия — памятники культуры».

6. Обратиться в Президиум Верховного Совета УзССР с просьбой об утверждении решений топонимического Совета по переименованию, восстановлению и присвоению

географических названий на территории республики.

7. Просить редакции республиканских журналов и газет УзССР открыть рубрику «Географические названия — зеркало истории», а Комитет Гостелерадио УзССР — организовать ежемесячные передачи по актуальным и общеобразовательным вопросам топонимики, антропониимики и другим разделам ономастики.

8. Просить Академию наук УзССР и Министерство народного образования УзССР учредить выпуск ежегодного научно-методического сборника «Ономастика Узбекистана».

9. Рекомендовать республиканскому и областным комитетам народного образования включить в число факультативов для школ ономастические курсы (типа «Имя человека», «Наши имена», «Географические названия», «Имя литературного пер-

сонажа», «Названия звездного неба»), а также считать целесообразным расширение проблематики ономастических спецкурсов в университетах и педагогических институтах республики.

10. III конференцию «Ономастика Узбекистана» провести на базе Хорезмского госпединститута (г. Ургенч) в сентябре 1991 г. (ответственный — доцент, кандидат филологических наук З. Дусимов).

11. Издать материалы данной конференции в объеме 10 печ. л.

12. Просить Президиум АН УзССР создать отдел ономастики в ИЯЛ АН УзССР.

13. Просить журналы «Советская тюркология» и «Узбек тили ва адабиёти» опубликовать информацию о конференции и подготовленные ею рекомендации.

16 сентября 1989 г.
г. Карши

КОНОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Кафедра тюркской филологии Ленинградского университета провела 30.X 1989 г. очередные Кононовские чтения. Как всегда, их участники представляли различные гуманитарные учреждения Ленинграда и других городов страны: Ленинградский государственный университет, Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР, ленинградскую часть Института этнографии АН СССР, Государственную Публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Институт языкознания АН СССР (г. Москва), Нукусский государственный университет.

Г. Ф. Благова предложила собравшимся доклад «Интерпретация текста „Бабур-наме“ как памятника чагатайского литературного языка». В докладе подчеркивалось, что «Бабур-наме» — глубоко новаторское произведение как по языку, так и по своей стилистике. Последнее, по мнению докладчика, выражается в существенном расширении стилистической системы чагатайского языка и выработке некоего «среднего» стиля, ориентированного на представителей средних слоев общества. Новый для тюркской литературы тип адресата (рядовой читатель) плюс разработка «среднего» (т. е. демократизация) языка и стиля — это те особенности «Бабур-наме», которые поз-

воляют говорить о литературном новаторстве султана Бабура.

На ряде примеров в докладе было убедительно показано, что ярчайшей лингвостилистической характеристикой памятника является сочетание объективированного и субъективированного типов повествования.

В заключение доклада Г. Ф. Благова подчеркнула, что «Бабур-наме» — это никак не «деловая» проза, а сложный литературный текст с жанровыми и лингвостилистическими новациями и поэтому абсолютно неверно характеризовать текст «Бабур-наме» как однородный, а его стиль как эпический.

С. Н. Иванов сделал доклад «Образ и понятие». Использование человеческим мышлением с одной стороны художественных образов (в частности метафор), а с другой стороны — понятий (тракуемых диалектически) является следствием хорошо известного природного разделения функций правого и левого полушарий человеческого мозга: одно из них ведает художественно-эстетическими материями, другое — логическими. Художественный образ (в докладе рассматривался такой его вид, как поэтическая метафора) и научное понятие имеют, как отметил докладчик, и различия и общее. На примерах из русской и

тюркоязычной поэзии С. Н. Иванов показал, что основное различие между ними сводится к тому, что образ всегда выхвачен из реальности, а понятие является собой результат систематического анализа. Сущность образного мышления хорошо выражена Б. Пастернаком: «Метафоризм — это скоротечность духа большой личности». Докладчик задался также вопросом: если художник полностью свободен при создании художественных образов, то насколько свободен ученый в процессе систематического анализа? Ответ был таким: ученый свободен в пространстве от ощущений до формирования понятий.

Общим же между образом и понятием, по мнению С. Н. Иванова, является то, что и первый, и второе выражают нечто через другое нечто; и художественный образ, и теоретическое понятие всегда смещены относительно действительности.

В. Г. Кондратьев выступил с докладом «Турецкий язык и проблемы влияния внешней среды», где отметил, что в современном турецком языке по сравнению с другими тюркскими языками слабо используются сложновербальные образования. Эту особенность докладчик связывает с влиянием внешних факторов, а именно с соседством иноязычных народов. Слабое развитие сложных глагольных форм в турецком языке, а особенно в его стамбульском диалекте, объясняется, по мнению В. Г. Кондратьева, сложностью их усвоения нетюркскими народами, поскольку семантика этих форм трудно осмысливается нетюрками.

Л. А. Покровская прочла доклад «О должностовательном наклонении в огузско-тюркских языках (сравнительный этюд)». На многочисленных примерах докладчик проследила развитие в нынешнее состояние

формы должностовательного наклонения в огузско-тюркских языках, выражающейся аффиксом *-малы/-мели*. При этом было подчеркнуто, что только в турецком языке эта форма приобрела чисто глагольные свойства, утратив исторически ей свойственную именную природу. В азербайджанском языке это уже не чисто глагольная форма, а в туркменском она в еще большей мере сохраняет именные свойства, являясь живой, продуктивной формой. Ни оборот, в гагаузском языке эта форма стала рудиментарной и вместо нее используется другой специальный оборот.

В. Г. Гузев познакомил собравшихся с фрагментом своей новой работы, в которой рассматриваются соотносимые единицы речи и языка и их терминологическое обозначение. Докладчик подчеркнул, что со времен И. А. Бодуэна де Куртэнэ, когда обозначилось разграничение языка и речи, началось раздвоение терминов. В настоящее время это раздвоение должно найти свое выражение, т. е. все лингвистические термины следует четко разделить на две части: единицы речи и единицы языка, иначе возникает путаница. Например, существующее традиционное определение предложения («единица языка, выражающая законченную мысль») неверно, поскольку если мысль уже выражена, то это результат уже не языка, а речи. Докладчик предложил таблицу терминологических обозначений для соотносимых единиц речи и языка.

В заключение В. Г. Гузев подчеркнул, что от указанного разграничения никуда не уйти, ибо в речемыслительной деятельности надо признать существование трех сфер — мышление, язык, речь.

М. С. Фомкин

P E R S O N A L I A

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БАСКАКОВ

(К 85-летию со дня рождения)

Исполнилось 85 лет со дня рождения видного советского тюрколога, заслуженного деятеля науки РСФСР, Туркменской и Казахской ССР, Каракалпакской АССР, почетного члена Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии, Турецкого лингвистического общества, Международного Урало-Алтайского общества (ФРГ), Научного общества польских ориенталистов, Научного общества венгерских ориенталистов, члена-корреспондента Финно-Угорского общества (г. Хельсинки), доктора филологических наук Николая Александровича Баскакова.

Н. А. Баскаков принадлежит к плеяде отечественных востоковедов широкого профиля, познания и интересы которых не ограничивались одной какой-либо областью знания — филологией, этнографией, историей. Окончив в 1929 г. историко-этнографический факультет Московского государст-

венного университета, Н. А. Баскаков получил специальность «тюрколог (история, этнография, язык и литература)», и вся его исследовательская деятельность подтверждает его неизменную принадлежность именно этой широкой специальности. Начало исследовательской работы Н. А. Баскакова связано с этнографией. В 1926 г. он направляется в Каракалпакскую АО для сбора материала по этнографии и языку каракалпак. Результаты полевой работы были изложены в первой научной работе Н. А. Баскакова «Этнографические очерки каракалпак», завершённой в 1927 г. В 1928—1929 гг. в Хиве, Каракалпакской АО и Казахстане Н. А. Баскаков выполняет этнографические, фольклорные и языковедческие задания. И в будущем, участвуя уже в лингвистических экспедициях, он не упускает случая для сбора материала по этнографии тюркских народов. Собранные в полевых условиях материалы легли в основу этнографических публикаций Н. А. Баскакова. Назовем лишь некоторые из них, преимущественно последних лет, чтобы показать широту тематики: «Жилище приийских казахов» (1971), «Душа в представлении алтайцев» (1973), «Пережитки табу и тотемизма в языках народов Алтая» (1975), «Резьба по дереву в Хорезме» (1982) и, наконец, монография «Народный театр Хорезма» (1984), восполняющая пробел в исследовании народного театра в послеоктябрьский период.

Вместе с тем сравнительно рано в центре внимания исследователя оказываются живые тюркские языки, в основном не исследованные или исследованные поверхностно и фрагментарно. В 30-х и 40-х годах Н. А. Баскаков участвует во многих лингвистических экспедициях в Каракалпакскую и Ойротскую АО, Казахстан и Киргизию, к ногайцам Дагестана и Северного Кавказа, позволивших ученому собрать богатейший фактический материал по многим тюркским языкам и их диалектам, питающий его научное творчество на протяжении многих лет. Перу Н. А. Баскакова принадлежат краткие очерки и обстоятельные монографии, посвященные описанию грам-

матической системы уйгурского (1939), ногайского (1940), каракалпакского (1951—1952), алтайского (1958) языков. Из работ по диалектам следует назвать капитальное многотомное исследование, посвященное описанию северных диалектов алтайского языка — диалекта черневых татар (1965—1966), диалекта кумандинцев (1972) и диалекта лебединских татар-чалканцев (1985). В основу исследования легли материалы, собранные автором во время поездок по Алтаю в 1934, 1939, 1941, 1942, 1952 гг.

С годами выработывалась оригинальная система взглядов Н. А. Баскакова, которая последовательно реализуется во всех его трудах. Ученый по-новому подошел к решению многих узловых вопросов тюркской грамматики, таких, как категория времени и наклонения, система спряжения и категория залога, структура слова и соотношения основных синтаксических единиц. Исследование конкретных языков и разработка частных теоретических проблем позволили ученому перейти к обобщениям, охватывающим все тюркские языки и их диалекты во все время их исторического существования. Следует упомянуть здесь его монографию «Тюркские языки» (1960), в которой нашли воплощение оригинальные воззрения автора на классификацию, природу и историю тюркских языков, и «Введение в изучение тюркских языков» (1962), ставшее настольной книгой всех приступающих к изучению тюркских языков, богатейшим справочником по многим вопросам тюркологии. В работе «Классификация тюркских языков в связи с периодизацией их развития и формирования» (1952) Н. А. Баскаков высказывает точку зрения, согласно которой классификация языков должна быть построена на основе исторического процесса развития языков в связи с историей самих тюркских народов, с учетом всего грамматического строя тюркских языков и их словарного состава, и предлагает свою классификационную схему. В последние годы в серии исследований под общим названием «Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков» (1975, 1979, 1988) Н. А. Баскаков осуществил масштабную задачу: дать общую характеристику тифологических черт тюркских языков как языков определенного типа, имеющего как общие для всех языков универсальные категории, так и свои специфические черты, и установить на базе изучения хронологической последовательности явлений развитие характерной для всех тюркских языков единой структуры.

Говоря о многогранной деятельности Н. А. Баскакова, нужно упомянуть об активном его участии в разработке алфавитов и орфографий для тюркских языков, в выработке методических рекомендаций и создании учебных пособий для национальных школ. Общетюркологическое значение приобрели многие исследования Н. А. Бас-

какова, посвященные вопросам алфавита, правописания, орфоэпии и терминологии. Здесь можно отметить такие работы, как «К вопросу о шорском и хакасском алфавитах», «Свод правил ногайской орфографии», «К вопросу о грамматической терминологии в среднеазиатских тюркских языках», «Современное состояние терминологии в языках народов СССР». В соавторстве с другими учеными Н. А. Баскаков участвовал в создании многих национально-русских и русско-национальных словарей (например, русско-уйгурского, уйгурско-русского, каракалпакско-русского, русско-каракалпакского, ойротско-русского, хакасско-русского, гагаузско-русско-молдавского, караймско-русско-польского). Многие словари вышли под редакцией Н. А. Баскакова.

Научную работу Н. А. Баскаков совмещает с активной преподавательской деятельностью. В начале 30-х годов он доцент кафедры тюркских языков КУТВа, позднее — руководит работой аспирантов в Центральном научно-исследовательском педагогическом институте, в 1938—1950 гг. ученый является доцентом кафедры уйгурского языка Института востоковедения им. Нариманова (здесь он ведет курсы современного новоуйгурского языка, уйгурской диалектологии, среднеазиатского литературного языка), а в 1942—1948 гг. Н. А. Баскаков заведует кафедрой алтайского языка и литературы Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина (читает лекции по современному алтайскому языку, алтайской литературе, введению в языкознание и введению в изучение тюркских языков). Школу Н. А. Баскакова прошли многочисленные аспиранты, которым в Институте языкознания он читал спецкурсы по введению в тюркологию и древнетюркским языкам.

Велика научно-организационная работа, выполнявшаяся Н. А. Баскаковым в разные годы. Он исполнял обязанности председателя Постоянной консультативно-методической комиссии по оказанию помощи вузам и школам, заместителя председателя Научного совета по закономерностям развития языков социалистических наций, члена Советского комитета тюркологов, члена Экспертной комиссии Комитета по Ленинским и Государственным премиям, члена редколлегии журналов «Советская тюркология», «Вопросы языкознания», «Известия ОЛЯ», «Трудов Института языкознания АН СССР», «Доклады и сообщений Института языкознания АН СССР», члена Экспертной комиссии по языкознанию ВАК, члена Ученых советов Института языкознания АН СССР, Института востоковедения АН СССР, Института национальных школ Академии педагогических наук РСФСР, члена спецсовета по защите докторских диссертаций и др.

Невозможно представить Николая Александровича Баскакова вне его работы, ко-

торая составляет основную компоненту его жизни, как трудолюбие — основную компоненту его существования. В день своего 85-летия он остается в строю, сохраняя завидную работоспособность и являя собой образец вер-

ности выбранной цели, своему жизненному предназначению. Хочется пожелать юбиляру здоровья, многих лет творческой активности и благополучия.

Е. А. Поцелуевский, Э. Р. Тенишев

МАРАТ КОПТЛЕУИЧ НУРМУХАМЕДОВ

(К 60-летию со дня рождения)

Академику АН Узбекской ССР, заслуженному деятелю науки Узбекской АССР, члену Союза писателей СССР, доктору филологических наук, профессору Марату Коптлеуичу Нурмухамедову в январе 1990 г. исполнилось бы 60 лет.

Уже в 1953 г. молодой исследователь блестяще защищает кандидатскую диссертацию на тему: «Влияние русской литературы на развитие каракалпакской советской литературы» в Институте востоковедения АН СССР (научный руководитель — известный советский востоковед, член-корр. АН СССР Е. Э. Бертельс) и становится одним из первых высококвалифицированных специалистов автономной республики в области каракалпакского литературоведения.

В дальнейшем (1953—1961 гг.) М. К. Нурмухамедов работал старшим научным сотрудником, заведующим отделом, заместителем директора Каракалпакского комплексного научно-исследовательского института

АН Узбекской ССР, исполнял обязанности председателя Союза писателей Каракалпакской АССР, председателя Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР.

В 1961 г. М. К. Нурмухамедов был избран секретарем Каракалпакского обкома Компартии Узбекистана. Находясь на ответственной работе, он умело сочетал ее с научной, творческой деятельностью, одним из этапов которой явилась защита им в 1965 г. докторской диссертации.

В 1974 г. ученого избирают действительным членом АН Узбекской ССР и назначают директором Института языка и литературы АН Узбекской ССР имени А. С. Пушкина; он исполняет также обязанности вице-президента АН УзССР (1974—1979).

В 1979—1985 гг. М. К. Нурмухамедов — академик-секретарь Отделения и член президиума АН Узбекской ССР, а с марта 1985 г. и до конца своей жизни ученый трудился на посту ректора Нукусского государственного университета.

М. К. Нурмухамедов трагически погиб 21 июня 1986 г. на 57-м году жизни.

Перу исследователя принадлежат свыше 400 научных работ. Крупный ученый-литературовед пользовался признанием у нас в стране и за рубежом как автор весомых монографий по вопросам истории культуры и литературы народов Средней Азии, изысканий, трактующих различные аспекты взаимодействия среднеазиатских и русской литератур, а также проблемы зарождения письменных литератур у полуседлых народов Средней Азии; немало сил отдал ученый созданию творческих портретов каракалпакских и узбекских писателей, исследованиям в области русско-каракалпакских литературных связей, написанию учебных пособий для школьников и студентов-филологов.

М. К. Нурмухамедов — автор таких работ, как «Влияние русской литературы на

развитие каракалпакской советской литературы» (1956), «Краткий очерк истории каракалпакской советской литературы» (1959), «Каракалпакская советская проза» (1968), «О зарождении письменной литературы у полуоседлых и кочевых тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана» (1970), «Каракалпаки» (историко-этнографический очерк в соавторстве с Т. А. Жданко и С. Камаловым), «Из истории русско-каракалпакских культурных связей» (1974), «Бердах — великий поэт каракалпакского народа» (1977), «Аяпберген Муса Улы — зачинатель каракалпакской советской литературы» (1980), «Судьба народов — судьба культур» (1982), «Сказки А. С. Пушкина и фольклор народов Средней Азии» (1983), «Пушкин, Оренбург и оренбуржцы» (1984).

Ученый принимал самое активное участие в различных съездах, конференциях, симпозиумах, выступал с содержательными докладами, посвященными актуальным вопросам литературы народов Средней Азии и Казахстана. Именно актуальная проблематика явилась стержнем его исследований «Литературная наука и идеологическая борьба» (1976), «Литература и идеология» (1977) и других работ, увидевших свет на английском, венгерском, турецком и других языках.

В 1984—1985 гг. были опубликованы избранные сочинения ученого в двух томах.

Талант М. К. Нурмухамедова проявился и на педагогическом поприще, — ученый воспитал многих высококвалифицированных специалистов, кандидатов и докторов наук, занимающихся ныне различными проблемами каракалпакской литературы дореволюционного и особенно советского периодов; весом вклад исследователя и в дело подготовки литературоведов-тюркологов как для Узбекистана, так и для других республик Средней Азии и многих областей страны.

М. К. Нурмухамедов являлся заместителем председателя Советского комитета тюркологов, членом редколлегии журналов «Советская тюркология», «Звезда Востока», «Общественные науки в Узбекистане», других союзных и республиканских изданий; он принимал участие в работе научных советов по литературоведению, деятельности различных научных комитетов, комиссий и обществ.

Ученый был лауреатом Государственных премий Каракалпакской АССР имени Бердаха (1970) и Узбекской ССР имени Беруни (1983), заслуженным деятелем науки Каракалпакской АССР (1973) и Узбекской ССР (1983).

В нашей памяти Марат Коптлеуич Нурмухамедов навсегда останется крупным ученым, педагогом и человеком безупречной гражданской позиции.

Д. С. Насыров, У. Д. Доспанов

С О Д Е Р Ж А Н И Е

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Н. А. Баскаков* (Москва). Причастие на *-asy!/-esi* в тюркских языках и его происхождение 3

ФОЛЬКЛОР. ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА

- Н. Е. Петров* (Якутск). Хороводные песни осуохай как жанр якутского фольклора 7
- Н. Мехтиева* (Баку). Структурно-семиотическое описание некоторых явлений средневекового азербайджанского искусства 15

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Я. Р. Дашкевич* (Львов). Тюркские источники об Украине XVI—XVIII вв.: актуальные аспекты публикаций 20

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- К. М. Мусаев* (Москва). О проблематике диссертаций, защищенных по специальности «Тюркские языки» (1986—1988) 31
- И. Г. Добродомов* (Москва). Н. К. Дмитриев и тюркизмы славянских языков 47
- М. Базарбаев* (Алма-Ата). Воскрешение Мастера 57
- М. Б. Мамедов* (Баку). Нариман Нариманов и родной язык 69
- С. Исмаилова* (Елабуга). Школьные учебники — духовная ценность народа 81

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

- Л. В. Данилова* (Ташкент). Вопросы усовершенствования медицинских словарей Узбекистана 93

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- П. Чеботарь* (Кишинев). Современная гагаузская топонимия и антропонимия 98
- Ф. Е. Вейсалов. С. Т. Исмаилова* (Баку). Интерференция звуковых систем 99

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

- Х. Г. Нигматов, Т. Н. Нафасов* (Бухара). II республиканская научно-практическая конференция «Ономастика Узбекистана» 101
- Рекомендации II республиканской научно-практической конференции «Ономастика Узбекистана» 103

<i>М. С. Фомкин</i> (Ленинград). Кононовские чтения	104
---	-----

PERSONALIA

<i>Е. А. Поцелуевский, Э. Р. Тенишев</i> (Москва). Николай Александрович Баскаков	106
<i>Д. С. Насыров, У. Д. Доспанов</i> (Нукус). Марат Коптлеуич Нурмухамедов	108

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>N. A. Baskakov</i> (Moscow). -asy//-esi participle in the Turkic languages and its origin	3
--	---

FOLKLORE LITERATURE. CULTURE

<i>N. E. Petrov</i> (Yakutsk). Round dance songs osuokhai as a genre of the Yakut folklore	7
<i>N. Mekhtiyev</i> (Baku). Structural-semiotic description of some phenomena in the medieval azerbaijani art	15

DISCUSSIONS

<i>Ya. R. Dashkevich</i> (Lvov). Turkic sources about the Ukraine in XVI—XVIII cc.: actual aspects of publications	20
--	----

MATERIALS AND REPORTS

<i>K. M. Musayev</i> (Moscow). Towards the problems of theses on the speciality «Turkic languages» (1986—1988)	31
<i>I. G. Dobrodomov</i> (Moscow). N. K. Dmitriyev and turkisms in Slavic languages	47
<i>M. Bazarbayev</i> (Alma-Ata). Revival of the Master	57
<i>M. B. Mamedov</i> (Baku). Nariman Narimanov and the native language	69
<i>S. Ismagilova</i> (Yelabuga). School text-books as a spiritual value of the people	81

LETTER TO THE EDITORIAL OFFICE

<i>L. V. Danilova</i> (Tashkent). Problems of perfecting the medical dictionaries in Uzbekistan	93
---	----

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

<i>P. Chebotar</i> (Kishinev). Современная гагаузская топонимия и антропонимия	98
<i>F. E. Veysalov, S. T. Ismailova</i> (Baku). Интерференция звуковых систем	99

SCIENTIFIC AND CULTURAL LIFE

<i>Kh. G. Nigmatov, T. N. Nafasov</i> (Bukhara). The 2nd Republican scientific-practical conference «Onomastics of Uzbekistan»	101
Recommendations of the 2nd Republican scientific-practical conference «Onomastics of Uzbekistan»	103
<i>М. С. Фомкин</i> (Ленинград). Кононовские чтения	104

PERSONALIA

- E. A. Potseluyevsky, E. R. Tenishev* (Moscow). *Nikolay Alexandrovich Baskakov* 106
D. S. Nasyrov, U. D. Dospanov (Nukus). *Marat Koptleuich Nurmukhamedov* 108
-

© «Советская тюркология», 1990 г.

Технический редактор *Б. М. Абдуллаев*
Корректоры: *А. А. Гусейнова, С. Дж. Эфендиева*

Сдано в набор 10.06. 90 г. Подписано к печати 12.10. 90 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 2415. Тираж 2.400. Цена 1 руб. 10 коп.

Адрес редакции: 370143, Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок.
Типография издательства «Коммунист», Метбуат проспекти, 529 квартал.

Индекс 70927

1 р. 10 к.

6-130